

Е.А.Шервуд

ОТ
АНГЛО-
САКСОВ
К
АНГЛИЧАНАМ

•НАУКА•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Дружбы народов Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ЕАШервуд

ОТ

АНГЛОСАКСОВ К АНГЛИЧАНАМ

(К проблеме формирования английского народа)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. А. АРУТЮНОВ
Москва «Наука» 1988
ББК 63.5 (4Вл)
Ш49

Рецензенты:

доктор исторических наук П. И. ПУЧКОВ, кандидат исторических наук П. Ю. УВАРОВ

Шервуд Е. А.

Ш49 От англосаксов к англичанам.— М.: Наука, 1988.— 240 С.

ISBN 5-02-009954-6

Книга является первой работой у нас в стране и за ру бежом, исследующей генезис этнического самосознания у населения англосаксонской Британии V—XI вв., основные этапы его развития. В ней прослеживается связь возникновения и функционирования этнического самосознания англосаксов с социально-экономическим, политическим и духовным развитием общества, анализируются научные работы по англосаксонской Англии. Объектом исследования являются также этнические процессы при переходе от англосаксонской этнической общности к образованию английского народа. Для этнографов, историков, психологов, лингвистов и всех интересующихся данными вопросами.

Научное издание

Шервуд Е. А.

ОТ АНГЛОСАКСОВ К АНГЛИЧАНАМ

Утверждено к печати Ордена Трудовой Славы Институт этнографии им. П. П. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Тормозова. Художник К. О. Остольник.

Художественный редактор В. С. Филатович. Технический редактор

К. Ф. Альберт. Корректоры Т. П. Вдов, Ю. Л. Косорыгина

И С № 35801

Сдано в набор 21.03.88. Подписано к печати 30.05.88. Формат 84X108/16.

Бумага типографско-газетная Л¹. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр. отт. 12,76. Уч.-изд. л. 15,3

Тираж 3500 экз. Тин. зак. 144Г. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117804, ГСП-7,

Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90. 2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

0508000000—166 III 042(02)-88 66-88-1V

ISBN 0-02—009954—6

ББК 63.5(4Вл) Издательство «Наука», 1988

Введение

Предлагаемая книга является первой частью большого исследования по формированию англичан как народа. В ней прослеживаются генезис и ранний этап его развития. В последующих частях будут рассмотрены пути развития англичан как этнической общности до возникновения английской нации, сыгравшей огромную роль в национальных процессах в Британии и других странах, таких, как, например, США, Канада, Австралия.

Без изучения этнических процессов на территории Европы в период перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу нельзя понять пути развития современных наций. Ф. Энгельс указывал, что, «какими бесплодными ни представляются эти четыреста лет, они оставили *один* крупный результат: современные национальности, новое формирование и расчленение западно-европейской части человечества для грядущей истории»¹.

Исследование древних этногенетических процессов возникновения наций в Европе позволяет в контексте взаимозависимости и целостности мира выявить закономерности, в которых общечеловеческие ценности являются главным приоритетом. Новое политическое мышление в век теснейших контактов наций и национальностей в рамках государственных образований требует не только глубокого изучения истории народов, но и детального, поэтапного исследования их генезиса, начиная с глубин эпох вплоть до нашего времени. Тем более, что в последние годы в ходе формирования наций и упрочения в подлинном смысле национальных государств наблюдается нарастание политической энергии.

При исследовании изучаемого периода необходимо разработать в диалектическом единстве широкий круг проблем, что приводит к признанию неразрывной связи функционирования этнического сознания с социально-экономическим развитием, а также эволюцией общества в целом. Разработка указанной проблемы может внести полезный вклад в дело уточнения ряда представлений и процессов: взаимопроникновения всех сторон жизни об-

щества; способа функционирования хозяйственно-культурных типов; воздействия социально-психологических установок на коллектив; роли родственных отношений; развития идеи «мира», а также отношения к основному средству производства — земле; роли языка, названия и пр. при образовании народа; влияния миграций и ассимиляции на оформление общностей и, наконец, социально-экономического, а также политического развития на судьбы этих общностей. Она уточняет тенденции, возникающие в этнической сфере при вступлении в тесный контакт разноэтничных общностей со своей, присущей только им культурой. Кроме того, за последнее время ощущается потребность разработки комплексных методов и подхода, использование которых дополнит историческую и этнографическую картину жизни европейских народов и углубит познания об этнических процессах во многих развивающихся странах. Разработка на конкретном историческом примере проявления всех условий жизни, начиная с социально-экономических и кончая духовными, которые приводят к генезису народа в целом, дает ключ к пониманию процессов при национальном строительстве как в нашей стране, так и за рубежом.

Этническому самосознанию принадлежит особая роль в деле выяснения путей не только образования народов, но и всего социально-экономического, а также политического и духовного их развития. В нем как в зеркале отражены все процессы, протекающие в обществе, и оно само нередко влияет на характер последних. основополагающим в учении марксизма-ленинизма является подчеркивание первенствующего значения при развитии общества социально-экономических отношений² с превалированием экономической основы. «Способ производства материальной жизни,— писал К. Маркс,— обуславливает социальные, политические и духовные процессы жизни вообще»³. Конкретизация данного положения приведена К. Марксом в «Капитале», где указано, что при переходе от бесклассового общества и классовому сознание связано с общественным бытием более непосредственными узами, чем в развитом классовом обществе. Поэтому оно в еще очень малой степени опосредствовано и выделено из хода реальных отношений трудящихся субъектов друг к другу, к общине, к племени в целом, и особенно к средствам производства, а именно к земле, поскольку она в этот период является основным условием производства и отношение индивидов как трудящихся субъектов друг

к другу представляет собой одновременно форму их отношения к ней⁴. Материальную основу отчуждения форм самосознания отмечал и В. И. Ленин, теоретически разработавший тенденцию развития связей в обществе⁵; практические указания приведены К. Марксом и Ф. Энгельсом⁶. В. И. Ленин отмечал непосредственную связь развития сознания и всей общественной жизни, отраженной в языке⁷; ими подчеркнуты и прочие функции языка — как основы этнического образования, как одного из факторов развития этнических свойств общности⁸. Отмечая в качестве основных черт первобытнообщинного строя родство и общую собственность на землю без отрыва одной от другой, Ф. Энгельс указывал, что кровнородственные связи выражали специфику ранней формы этнической общности людей⁹. Тенденция развития связей приводила к зарождению территориальной организации и иной формы сознания, что представляло собой «первый шаг к образованию наций»¹⁰; причем этнический фактор влиял на формирование экономического базиса и политической надстройки¹¹. Таким образом, исследователь, приступивший к изучению генезиса и функционирования этнического самосознания определенного народа, должен попутно решить ряд важнейших задач, суть которых заключается в следующем: раскрыть в ходе изучения социальной структуры данного народа с учетом конкретно-исторических рамок и конкретного исторического материала значение понятия «этническое самосознание»; рассмотреть связь его функционирования с социально-экономическим развитием общества; исследовать степень сопряженности его с осознанием принадлежности общности к социально-политическому организму; проследить характер смены одного типа этнического сознания другим и выявить, в каком сложном комплексе явлений учитывается роль и место данного народа как этнической общности.

Исследование функционирования этнического сознания англосаксов доведено в представленной работе до XI в., поскольку именно со следующих столетий начался новый этап как в общественной, так и в духовной жизни германского и прочего населения на территории Британии. Что касается отправной временной точки начала исследования, то в этом отношении была предпринята попытка спуститься как можно ниже в глубь веков с тем, чтобы найти там истоки многих явлений англосаксонской эпохи. После того как римские войска в начале V в. были выведены из Британии, населенной бриттами (кельтами; на ее территорию стали массами вторгаться германские племена англов, саксов, ютов и фризов, жившие между Эльбой и Рейном (область расселения саксов), на Ютландском полуострове (область расселения англов и ютов) и во Фрисландии (область расселения фризов). Англосаксонское

завоевание Британии продолжалось свыше 150 лет и закончилось в начале VII в. Основным источником, рассказывающим о переселении германских племен в Британию, является «Церковная истории народа англов» англосаксонского монаха из монастыря Ярроу на северо-востоке Нортумбрии Беды Достопочтенного (673--735 гг.) Как сообщается в этой книге, впервые саксы под предводительством братьев Хенгиста и Хорсы прибыли в Британию в 449 г. Сообщение о братьях носит характер легенды и исторически вряд ли достоверно. Саксы, англы, юты и фризы начали колонизовать южную часть Британии сразу же после эвакуации в 407 г. римских войск с острова. Независимыми оставались только горные области на западе Британии (Уэльс и Корнуолл) и па севере (Шотландия), где продолжали существовать племенные объединения, превратившиеся впоследствии в самостоятельные кельтские княжества и королевства. Юты заняли Кент, англы и фризы — северную, а саксы — южную и среднюю части страны. Примерно к концу VI и началу VII в. на запятой германцами территории образовалось несколько англосаксонских королевств. Это были: Кент — па крайнем юго-востоке, основанный ютами, Уассекс, Сессекс и Эссекс — в южной и юго-восточной части острова, основанные саксами, Восточная Англия — па востоке, населенная англами и фризами, Нортумбрия — на севере и Мерсия — в центре страны, основанные главным образом англами. Примерно с конца VIII в. начались набеги норманнов, нападавших на Англию в основном из Дании и Норвегии и поэтому более известных в английской истории под именами «даны» (датчане) и «северные люди». Постепенно они захватили весь северо-восток страны и ввели там свои обычаи и порядки (область действия «датского права» — Делло). Уэссекс па юго-западе Англии, сплотивший вокруг себя англосаксонские королевства, стал центром сопротивления завоевателям. Это объединение произошло в 829 г. при уэссекском короле Экберте. До этого времени, в конце VI — начале VII в. наиболее важное значение имел Кент. Приблизительно с середины

6

VII в. господствующее положение заняло самое северное из англосаксонских королевств — Нортумбрия, в VIII в. — Мерсия в Средней Англии.

Слиянию страны в единое политическое целое, несомненно, способствовало христианство с его церковной организацией и связями, охватывавшими всю страну. Первым кентерберийским епископом был посланный в Англию папой Григорием I «святой» Августин, проповедовавший при кентском короле Этельберте, муже Берты, еще ранее крещеной дочери франкского короля. В 664 г. на синоде, собранном королем Освайном, было провозглашено единство британской церкви с римско-католической, а затем в 668 г. Теодор, архиепископ кентерберийский, ввел везде богослужение по римско-католическому чину и первым был возведен в достоинство примаса Англии. Ему подчинились Йоркский архиепископ и 15 других епископов, которые на соборах вместе с королем и знатью до VIII в. устанавливали основы управления англосаксонской церковью без влияния римского папы.

Па слияние страны в единое целое оказала влияние и необходимость обороны от набегов датчан и норвежцев. Уэссекс па юго-западе Англии, менее, чем другие области, доступный набегам датчан и норвежцев, стал центром сопротивления завоевателям. Важным этапом в борьбе с завоевателями было время правления короля Альфреда (871—889 или 900 г.), остановившего их натиск. Во второй половине X в., при короле Эдгаре (959—975 гг.¹), англосаксы смогли подчинить себе датчан и норвежцев, которые были близки англосаксам и по языку, и по своему общественному строю. Однако в конце X в. датское нашествие возобновилось с новой силой. Датские короли в 1016 г. установили в Англии свою власть, которая оказалась довольно непрочной. В 1042 г. па английском престоле была восстановлена в лице Эдуарда Исповедника (1042—1066 гг.) старая англосаксонская династия. Но правление ее оказалось недолгим. Сразу после смерти Эдуарда, предъявив претензию на английский престол, основанную па родстве с умершим англосаксонским королем, нормандский герцог Вильгельм, заручившись поддержкой папы Александра II, недовольного самостоятельной политикой и независимостью англосаксонской церкви, начал завоевание Англии. В походе на Англию приняли участие не только нормандцы, но и рыцари из других областей Франции и даже из Италии. Разгромив англосаксов в сражении близ Гастингса

14 октября 1066 г., Вильгельм стал королем Англии (1066-1087 гг.).

Краткий политический обзор событий, происходивших на территории англосаксонской части Британии, показывает, какой пестрой была этническая картина в эту эпоху. Несмотря на то что почти все пришельцы находились приблизительно на одном уровне социально-экономического развития, языковые и культурные различия между ними и англосаксами были значительны. Кроме того, помимо германских племен — англов, саксов, ютов, фризов и впоследствии датчан и норвежцев, в англосаксонских королевствах проживали еще и покоренные кельты. Вплоть до нашествия Вильгельма Завоевателя из северозападной Франции начиная с начала IX в. в Англию проникали также и другие чужеземцы, мало походившие на своих скандинавских сородичей, так как уже через два-три поколения все они переняли еще на континенте французский язык и стали жить по французским обычаям. Вот в такой сложной обстановке происходило зарождение и формирование общего этнического самосозна-

ния у всего населения англосаксонской Англии.

Непосредственно исследованием этнических процессов в англосаксонской Англии не занимались ни зарубежные, ни русские и советские этнографы и историки. Л. Р. Кор-сунским отмечен ряд черт этнических процессов, протекавших в тех германских племенах, которые столкнулись с мощным римским влиянием. Несомненной заслугой ученого является пошла подход к решению проблемы, позволяющий связывать социально-экономическое развитие общества с этническими процессами, протекавшими в нем. Н. Ф. Колесницким написан ряд работ об образовании немецкой народности; однако вопрос о том, как произошел переход от одной этнической общности к другой, автором еще по поднимался. Таким образом, как и советской медиэвистике мри подчеркивании самими же учеными важности исследования в отдельных регионах Европы этнических взаимоотношений (З. В. Удальцова), таг; и в советской этнографии налицо отсутствие конкретного исследования по образованию в переходную от родо-плсмен-ного к феодальному строю эпоху повоы этнической общности в Европе. В зарубежной историографии при выяснении образования того или иного народа используют три давно устаревших метода: «генеалогический» (Г. М. Чэдвик); отождествления с древним пародом (Дж. А. Лик); по-

8

исков прародины, связанных с миграционными построениями (Г. М. Чэдвик, П. К. Чэдвик, А. Шлёцер, М. И. Тупмапн, К. Г. Рёссиг, Ф. Г. Мюллер, Р. Лёвэ, Т. Гринбергер, М. Дж. Клэрк, К. Цойс, Дж. Б. Бири, И. Галлер, Б. Нерман, Э. Сестан, М. Динсли, Э. Демюже, Р. Г. Дэвис, Р. Венкус, Л. Мюссэ, Б. Тирнэй и С. Пэйн-тер, Э. М. Уайт и др.). Методологический норок этих теорий состоит в подмене проблемы формирования народа вопросом о его пространственном перемещении. Буржуазная историография и социология не видят различий в характере общественных связей, на основе которых формировались государственные образования и этнические общности. Они либо отождествляют этнические общности с государством (Г. Миттейс, К. Гугельман, Г. М. Чэдвик), либо признают при построении первых основной силой отношения родства (Г. Г. Брауншвейг) и союз (Г. М. Чэдвик, Э. Джон, Р. Латуш, Г. Фихтенау, М. Вилерс), заключаемый на основе ленных связей, либо выдвигают на передний план действие «психической инфраструктуры», абсолютизируя последнее (Р. Венкус). Отсутствие работ, посвященных поставленной в книге проблеме, или примера подхода к решению ее вынудило нас обратиться к изучению методов исследования в тех общественных науках, которые близко практически или теоретически подошли к решению проблемы зарождения и функционирования как сознания вообще, так и этнического в частности (труды в области социологии, исторической психологии, этнографии, истории, лингвистики и социолингвистики, языкознания, экономики, философии).

На всех этапах исторического процесса смена этнического самосознания, как и сознания вообще, является конечным результатом уже завершенных перемен в материальной культуре и социальном быте. Таким образом, поскольку типы этнической общности выступают как форма социального развития общества, исследование этнического самосознания этнических общностей неизбежно предполагает знание всей общественной жизни общностей как с социально-экономической, так и с политической, а также духовной сторон. Именно этим обстоятельством вызвано знакомство с научной литературой, посвященной германским племенам, которое было проведено нами при исследовании поставленной проблемы и представлено в главе I настоящей книги. При этом все данные работы, поскольку ни в одной из них вопрос о конкретном изучении этнических процессов у германских племен вооб-

що по поднимается, нельзя отнести к историографическим.

При исследовании поставленной проблемы в работе-были также использованы различные категории источников: 1) нарративные памятники, распадающиеся на определенные по типам группы; па древнеанглийском языке, среди которых представлены как героический эпос (поэма «Г>еовульф>>») и каталогическую поэмы («Видсид»), так и дидактические работы в области теологии, морализирующей и естественной философии, а также дреки их познании, зачастую комбинируемых с пророчествами (Кэд-мон и Кюиевульф, древнеанглийские загадки, гномическая поэзия). Отдельную группу составляют памятники, которые можно использовать как при исследовании глубинных корней зарождения этнического самосознания германских племен в целом, так и при прослеживании отмежевания его от гсптильной основы. В нее входят произведения самого разнообразного характера римских писателей, историков, философов, политических деятелей (Варроп, Саллгостий, Цицерон, Тит Ливии, Веллсй Патер-кул, Корнелий IfenoT, Сенека, Тертуллиан, Ювснал, Валерий Максим, Плиний Старший и др.)- Следующая группа предоставляет ценнейшие фактические сведения о жизни не только 'англосаксонских, по и прочих германских племен, а также их соседей. В нее входят как труды римских авторов (Юлий

Цезарь, Публий Корнелий Тацит, Лампро Марцеллин) и лип, исгерманского происхождения (Прокопий Косарийский), так и работы германцев (Альфред, Видукинд Корвойский, Лдам Брсмепский, Напел Дьякон, Снорри Стурлусон, Эльфрик, Беда Достопочтенный), а также «Младшая» и «Старшая» Эдды п Анналы Фульдскио и ф)апкских королей; 2) законодательные и юридические памятники, отражающие совмещение и взаимодействие в пределах одного общества двух укладов — архаического родо-племennого и как бы накладывающихся на него начатков государственности. Законодательные памятники представлены законами (па древнеанглийском языке) королей Этельсбрта, Уитреда, Хлотаря и Эдрика, Инэ, Альфреда (VII—IX вв.). Дополнением к ним служат источники последующего времени: законы Этельстана, Эдгара, Этельреда (X—XI вв.), Кнута от 1020 и 1027 г. Последние, включая и законы Альфреда, сохранились в нескольких списках и снабжены трактовкой их на латинском языке. Особняком стоят так называемые законы Вильгельма Завоевателя на латыни и

10

дрсвнефранцузском языке. Они интересны для сопоставления тех или иных институтов на территории Англии и на континенте. Законы Генриха I и Эдуарда Завоевателя, которые могут быть использованы исследователем как англосаксонского общества, так и английского средневековья, довершают эту группу памятников. Отдельную группу среди юридических памятников образуют отрывки I Закона Этелстана, постановление Псевдо-Кнута и другие X—начала XI в., формулы и работы юридического характера X—XII вв., канонические постановления, грамоты, собранные Кемблем, Робертсопом и Бирхом, а также договоры между отдельными королями и областями. Все они записаны на древнеанглийском языке и снабжены трактовкой их на латыни; 3) континентальные законодательные памятники (Саксонская, Фризская, Салическая, Гипуарская Правды, постановления лапгобард-скпх королей) позволяют уточнить некоторые вопросы, недостаточно отчетливо освещенные в англосаксонских источниках; дополняют все эти сведения археологические памятники, обработанные в трудах П. Эбсрга, П. Блэра и др.

Уже беглый предварительный обзор источников показывает исключительное значение письменных памятников, чьи сведения могут открыть путь для объяснения сложнейших этнических процессов, протекавших в обществе, в котором были заложены основы для образования одной из мировых наций — английской.

¹ Мчи>кс If., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 154.

- Тtm жо. Т. 19. С., 72; Т. 18. С. 253; Т. 22. С. 200-201; Т. 38. С. 412;

1-о изд. Т. XVI, ч. 1. С. 181-182; Ленин В. И. Поли. собр. соч.

Т. 7. С. 44-45; Т. 3!! С. 15. ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7; ср.: Т. 4. С. 445

и др.

" Тим жо. Т. 40, ч. 1. С. 402-403.

⁵ Ленин. И. II. Поли. собр. соч. Т. 29. С. 14 37; Т. 48. С. 234. » Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-о изд. Т. 3. С. 24- Т. 12. С. 735-738.

⁷ Ленин Л. И. Поли. собр. соч. Т. 25. С. 258; Т. 29. С. 81.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 100; Т. 19. С. 518-540; Т. 21 С. 410; Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 25. С. 258; Т. 8. С. 73; Т. 24. С. 147.

" Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. Г., 88-89- ср.- Т. 19 С. 327-345.

¹⁰ Там жо. Т. 21. С. 95; Т. 3. С. 30.

¹¹ Там жо. Т. 21. С. 410; Т. 25, ч. 2. С. 354.

Глава 1

Предпосылки и методика исследования

этнического самосознания.

Историография и источники

исследуемого вопроса

При исследовании генезиса самосознания этнической общности периода возникновения классового общества необходимо учитывать уже накопленный этнической общностью материал в сфере духовной и материально" культуры, свидетельствующий о проявлении сознания в предыдущую эпоху. Генезис сознания классового общества был связан с генезисом классов, представители которых часто выражали новое сознание в старой форме господствовавших ранее отношений.

Таким образом, развитие нового этнического самосознания — явление сложное не только в силу специфики его проявления в разных областях Европы, по также и вследствие его генетических связей и одновременного отталкивания от сознания предшествующей эпохи. Складывание любой этнической общности, а следовательно, и развитие нового этнического сознания осьть результат длительного исторического процесса, в котором отражаются как общие внутренние закономерности развития отдельных человеческих коллективов, так и разнообразные взаимные влияния, смешения, перемещения различных этнических групп.

Теоретические представления о развитии этнических отношений еще недостаточно соизмеряются с практикой, с принципами историзма. Исходя из данных принципов, В. И. Ленин требовал исследовать каждый вопрос в развитии, в исторической связи, изучая, «как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Марксистская диалектика включает историчность и требует «исследования данного общественного явления в его

12

развитии»². Конкретно-исторический подход при изучении специфических закономерностей общественного сознания позволяет переводить общие понятия, выработанные марксистской философией, на язык конкретных социологических фактов и фактов сознания, составляющих содержание философских категорий. А такой перевод совершенно необходим для осуществления эмпирических исследований явлений сознания, ибо в эмпирическом исследовании приходится иметь дело с конкретными проявлениями сознания, к которым непосредственно нельзя приложить понятия, выработанные философией³.

Начиная с 60-х годов XX в. на Западе интенсивно идет переориентация философско-теоретического мышления, которая имеет серьезные социальные и идейные предпосылки. Наблюдается тенденция к «историзации» общественных наук.

Особенно ярко данная тенденция выступает в области социологии, развитие теории которой до указанного времени шло по пути формализации и построения абстрактных моделей общества, не связанных с определенной исторической реальностью. Уже при возникновении социологии как науки ранние создатели ее стремились сохранить связь теоретических понятий социологии с конкретной исторической действительностью. Макс Вебер, выводя свои «идеальные типы», постоянно подчеркивал факт несовпадения социологических понятий и исторической реальности, условность теоретических конструкций. Идеально-типические понятия были для Вебера прежде всего средством познания исторически-конкретного. При последующем развитии социологии, особенно в США, эта связь была утрачена и веберовские понятия превратились в формальные классификационные схемы, прилагаемые к любому обществу.

Осознание того, что в теоретические построения необходимо ввести серьезный историко-социологический анализ, т. е. обратиться к историческому контексту с привлечением исторического фона, на котором можно правильно понять и оценить современные механизмы общественного развития, а также знакомство западных ученых с работами классиков марксизма-ленинизма способствовали тому, что социологи ныне сами ставят вопрос о возрождении «исторического видения».

Тяга к «историзации» наблюдается в ряде теорий функционалистов, пытающихся сочетать структурно-функциональный подход со сравнительно-историческим⁴,

13

в работах ноэволюционистов, таких, как, например, Л. Уайт, Дж. Стюарт и др. Равные тенденции можно проследить в исторической психологии, особенно в трудах французских ученых, строящих свои исследования на рационалистических началах⁵, в лингвистике⁶, на «историзации» которой следует остановиться особо.

На Западе развитие этой науки в данном направлении пошло по пути ее «социологизации». [Если в 1967 г. известный американский лингвист, редактор журнала «Language» У. Брайт писал, что «социолингвистика переживает период бурного роста, по при этом еще не вышла из младенческого возраста»⁷, то нынешний этап развития этого направления характеризуется органическим соединением лингвистических и социологических методов⁸. Влияние на формирование методологических позиций зарубежной социолингвистики оказала прежде всего так называемая «социальная (или культурная) антропология», предметом которой является «человек как общественная сущность с его культурным наследием»⁹, а язык выступает как составной элемент культуры. Данный взгляд получил развитие в трудах Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Малиновского, Б. Уорфа, Ч. Клакхона и др. По сути дела, речь идет об одной из методологических традиций социальной (или культурной) антропологии в целом, которая до сих пор находит себе немало последователей в современной зарубежной социолингвистике. В своей программной статье «Дилемма современной лингвистики» один из наиболее видных представителей социальной антропологии — Б. Малиновский выдвинул тезис о том, что язык является одной из форм человеческого поведения, возможно наиболее важной. По его мнению, лингвистика должна стать частью общей теории культуры¹⁰.

Опираясь на это положение и рассматривая язык как отражение социальных процессов, лингвисты многих школ и направлений провозгласили целью социолингвистики изучение «совместного варьирования» (co-variante) языковых и социальных структур¹¹.

Особенно наглядно процесс «историзации» социолингвистики выявляется при разборе методологических основ социолингвистических теорий, разрабатываемых советскими учеными и

учеными социалистических стран, базой которых являются марксистское учение об обществе, созданная марксистской социологией теория социального взаимодействия и основополагающие положения марксизма о языке как об общественном явлении¹². При исследовании

вопроса о воздействии социальных факторов на язык советские ученые соответственно учитывают с позиций исторического материализма и связь общественно-исторических условий с его развитием¹³. Указывая на непосредственное отражение в языке социальных отношений, господствующих на данном историческом отрезке времени в определенном обществе¹⁴, рассматривая язык как «систему систем»¹⁵, которая может быть соотнесена с теми или иными социальными общностями и коллективами, советские ученые и ученые социалистических стран отмечают взаимовлияние языка и социальной структуры¹⁶, определяя в этой взаимосвязи в качестве детерминирующей силы воздействие социальных факторов на язык¹⁷. Однако язык и сам по себе может выступать в качестве одного из социальных факторов, оказывающих известное воздействие на социальные процессы. С другой стороны, «язык как фактор формирования нации играет и роль дифференцирующего признака. Сознание языковой однородности коллектива, а также иноязычное окружение на определенных этапах этнического развития не могут не действовать консолидирующе. Внешнее языковое размежевание на первых этапах этнического развития не может не сплачивать одноязычный коллектив, живущий на одной территории и связанный хозяйственной жизнью»¹⁸. Таким образом, развитие сознания и, естественно, языка связано с развитием всей общественной жизни. По мнению советских философов, «возникновение сознания как специфически человеческого способа отражения действительности неразрывно связано с языком: язык — необходимое условие возникновения сознания. Осознавать — значит отражать объективную реальность посредством объективированных в слове общественно выработанных обобщенных значений»¹⁹. Цепь — «развитие общества — сознание — язык» — неразрывна. И если говорят, что материалы языка являются объективными памятниками истории²⁰, то под этим нужно понимать лишь то, что в языке отражено как социально-экономическое, так и соответственно духовное развитие общества. «Очень часто, — указывал академик И. А. Орбели, — к сожалению, игнорируются данные языка. А они способны натолкнуть на целый ряд весьма интересных и важных проблем. Я имею в виду не простое использование языка для того, чтобы прочитать тот или иной литературный памятник. Я имею в виду язык как культурное явление, как одно

15

из высших достижений человеческой культуры, как зеркало истории народа»²¹. Социально-экономическое развитие накладывает отпечаток и руководит духовным развитием, и данное взаимоотношение не только воздействует на развитие языка как такового, но и на отражение языком взаимоотношения двух первых ступеней. Общественное сознание, мышление и соответственно самосознание определенной этнической общности закреплены и отражены в языке и языком. «Основанием для выделения исторических типов общественного сознания служит, — как справедливо отмечает А. К. Уледов, — способ производства материальных благ. Способ производства определяет все стороны жизни общества, в том числе и его духовную жизнь, придает общественному сознанию специфические черты. Отсюда известным истории способам материального производства соответствуют и типы общественного сознания»²². Следовательно, соответствующему типу общественного сознания должен быть присущ и свой тип этнического самосознания, а также свой способ отражения последнего в языке.

Таким образом, язык можно рассматривать не только как один из факторов развития этнических свойств определенной общности. Как правило, в этом случае ведут речь об общности языка, особенно применительно к определению понятий «народ», «национальность», «нация»²³, «национальное самосознание»²⁴. В этом случае о языке можно говорить, что «язык является важнейшим, но не единственным этническим признаком»²⁵. Необходимо при этом также учитывать, что «наиболее сложная информация о своей культуре может передаваться только в словесной форме»²⁶ и что «механизм существования этносов также основан на связях информационного характера, но не генетических, а коммуникативных, главным образом речевых (словесных)»²⁷. Это вторая функция языка, которая играет немалую роль как при определении этнического самосознания, так и при его развитии. Именно в данной связи совершенно справедливо писал К. С. Горбачевич, что «язык обеспечивает осуществление духовной преемственности между различными эпохами»²⁸. Материалы языка могут помочь, если их рассматривать с точки зрения второй функции, вскрыть глубинные корни возникновения той или иной общности на примере развития этнического самосознания, установить преемственную связь форм этнического сознания и уточнить определения «народ», «национальность» и «нация»

16

с учетом всех присущих им функций. «Без анализа преемственности, — указывает Э. А. Баллер в

специальном исследовании по развитию культуры,— нельзя понять диалектику развития, взаимосвязь между отрицаемым и отрицающим, между старым и новым, ибо каждое явление есть единство тождества и различия... в процессе качественного изменения определяющей чертой развития является преобразование структуры, а преемственность здесь выражается в том, что каждый последующий этап снимает в себе структуру предшествующего. Такое снятие может выступать либо в форме преобразований структуры (когда уровень, порядок организации остается прежним), либо в форме перехода к организации нового порядка; во втором случае исходная структура включается в структуру вышележащего уровня, как один из ее моментов, как подчиненная ей»²⁹.

Третья функция языка была уже подмечена учеными. «Если „общность языка“,— указывает А. Г. Агаев,— один из основных факторов развития этнических свойств народа, то этническим признаком выступает непосредственно сам язык, причем обособленный, свойственный данному народу и им сотворенный. Если язык является бесспорным этническим признаком каждой этнической общности, то проявляется он у различных типов этой общности качественно различно»³⁰. Непосредственное воздействие социальной структуры на развитие этнического самосознания и соответственно языка, уже отмечалось учеными³¹. Однако эта связь не проводится дальше социальной структуры вплоть до экономических отношений, господствующих в исследуемой этнической общности. Различным типам этнической общности соответствуют и различные типы экономических отношений. Следовательно, и определенный тип этнического сознания зависит от определенного типа этнической общности и отражается в языке каждый раз по-своему. Недаром ученые отмечают характерную особенность сознания первобытной эпохи, заключающуюся в его нерасчлененности, в совпадении смыслов и значений³², проистекающих из социальной нерасчлененности первобытного общества, которая, в свою очередь, была связана с определенным способом производства материальных благ. Все эти взаимоотношения накладывали отпечаток на язык и — обратно — отражались в нем. Как указывал известный американский этнограф Ф. Боас, «выбор... терминов должен, до известной степени, зависеть от главных интересов народа»³³.

17

«В первобытной речи,— писал он,— вряд ли встречается рассуждение о качествах без связи с объектом, которому качества принадлежат, или о деятелях или состояниях, рассматриваемых без связи с идеей деятеля или субъекта, находящихся в известном состоянии»³⁴. Советский этнограф М. О. Косвен писал: «Набор слов и весь словарный запас языка данного племени всецело определяются его производственной деятельностью»^к. Как показывает вышеизложенное, третью функцию языка можно использовать и для раскрытия этнического сознания тех обществ, которые находятся на стадии перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу.

Таким образом, язык, несомненно, играет важную роль, способствуя цементированию, идентификации и дифференциации не только наций, но и других этнических общностей. Но, как известно, образованию этих общностей предшествует все развитие социально-экономических условий жизни общества. Поэтому изучение роли языка в процессе образования отдельных этнических общностей неизбежно связано с исследованием развития всех условий жизни общества, с исследованием, которое неотделимо от разбора конкретных исторических ситуаций.

Именно последнее обстоятельство привело к возникновению новой науки — социолингвистики, представители которой не могут не осознавать, что отдельные социальные группы создаются конкретной исторической ситуацией, конкретной исторической действительностью. Осознание необходимости обращения к исторической действительности привело к возникновению деления уже самой социолингвистики учеными ГДР на социолингвистику как таковую (Sociolinguistik) и социологию языка (Sprachsoziologie)³⁵.

Приближают социолингвистику к «историзации» и некоторые ее методы исследования. Отношения между компонентами социально-коммуникативных систем задаются — и это является основным из положений социолингвистики — по внутрискруктурными связями, а связями социальными, т. е. конкретной исторической действительностью. Социальная вариативность языка характеризуется наличием двух измерений — стратификационного, которое непосредственным образом связано с социальной структурой общества (так называемая социальная дифференциация языка³⁷), и ситуативного, которое проявляется в использовании языковых средств в зависимости от социальной ситуации. Подобное измерение под наимено-

18

ваниями — соответственно «социолингвистические индикаторы» и «социолингвистические маркеры» — предложено и американскими учеными³⁸. Но в американской социолингвистике измерение социально-коммуникативной системы рассматривается нередко на фоне противопоставления так

называемых «традиционных» и «индустриальных» обществ³⁹. Данный подход отражает классовые позиции американских социологов, оперирующих понятиями «доиндустриальное», «индустриальное» и «постиндустриальное» общества с целью затушевания и отрицания развития человеческого общества в русле определенных формаций.

В представленной работе на примере конкретного исторического изучения при использовании теории стратификационного и ситуативного измерений языка с учетом социальной ситуации, а также социальной структуры общества сделана попытка проследить развитие у англосаксов этнического самосознания. При этом нужно отметить крайнюю подвижность данных измерений языка, которая непосредственно отражает и саму социальную подвижность общества, находящегося на стадии перехода от одной формации к другой. Ввиду сосуществования в переходную эпоху процессов возникновения новых общественных отношений и отмирания на протяжении длительную времени старых оказывается, что одни языковые выражения данной эпохи пережиточно соответствуют прошлым этапам развития общества, другие, напротив, соответствуют развивающимся новым социальным общностям. Помимо того, различные понятийные ряды варьируют свои значения в зависимости от социального фона, на котором они выступают (как «средство местного общения», «средство регионального общения», средство межэтнического и межэтносоциального общения и др.). Таким образом, необходимо иметь в виду, что каждая языковая ситуация предопределяется многими факторами: собственно лингвистическими, культурно-историческими, демографическими, географическими, экономическими, социально-историческими и политическими⁴⁰. Перечень этих факторов, среди которых фигурируют культурно-исторические и социально-исторические, указывает (хотя сами социолингвисты проводят наиболее тесную связь социолингвистики с языкознанием, с одной стороны, и социологией, социальной психологией и этнографией — с другой⁴¹) на развитие социолингвистики по пути ее «историзации». В нашей работе избран противоположный

19

путь — проведен опыт использования методов социолингвистики при исследовании конкретного исторического материала. Такой подход правомерен, поскольку именно данные языка дают возможность для изучения такой области, как сознание; причем и язык, и сознание определены бытием, а именно уровнем развития социально-экономической жизни рассматриваемого общества. А кому, как не историку, строящему свои исследования на основе марксистско-ленинской теории общественного развития и хорошо знакомому не только с общесоциологическими, но и с конкретно-историческими законами этого развития, использовать и применить для выяснения еще многих неясных исторических проблем данные прочих наук, помогающие полнее раскрыть и решить эти проблемы. Разработанный советской исторической наукой метод исследования материала дает в руки историку большие преимущества перед теми науками, которые стремятся сейчас к «историзации» своей области и представителям которых еще предстоит углубленно осваивать исторические методы. В этой связи нужно отметить, что как представители социолингвистики, так и представители прочих наук все же еще и донныне либо строят свои исследования на материалах современности, либо ограничиваются определенными временными рамками. Исследование, как правило, замыкается в резко очерченном круге, а выводы переносятся на другие временные отрезки развития общества, что приводит к искаженному представлению об истинной картине. Так, например, социолингвисты разрабатывают свои методы в основном на материалах языкового строительства в СССР или зарубежных стран, а этнографы заняты либо традиционным изучением материальной или духовной культуры, либо построением общих теорий. Никто не будет отрицать, что вышеприведенные исследования имеют ценность и вносят свой вклад в развитие этих наук. Однако никто не будет отрицать, что ограничение рамками современности или перенесение выводов, полученных при таких исследованиях, на общества, проживавшие в Европе или на Востоке и в Азии еще до нашей эры или же в первое тысячелетие нашей эры, неправомерно, да и неверно, поскольку нынешние, так называемые, по терминологии западных ученых, «традиционные» общества подверглись уже трансформации под влиянием обществ, окружающих их и находящихся на более высоком уровне социально-экономического развития. Видный советский этнограф С. А. То-

20

карев, отмечая данное обстоятельство, подчеркивает, что «непосредственное наблюдение над явлениями человеческого сознания возможно для нас только в отношении современных нам народов, а ведь даже наиболее отсталые из них уже очень далеки от настоящей первобытности. Наблюдаемый и хорошо документированный материал, относящийся к проявлениям общественного сознания отсталых, условно выражаясь, народов, оказывается до крайности разнообразным, пестрым и с трудом укладывается в рамки каких-либо обобщений»⁴⁷.

Сравнительный метод в этом случае может лишь прояснить общую картину исследования, но не установить ее в полном объеме. При исследовании проблем, поставленных в работе, этот метод был использован довольно широко, с учетом необходимых условий для его плодотворного применения.

Сравниваемые объекты были качественно соизмеримы друг с другом, т. е. их отличия друг от друга не носили принципиального характера, чтобы сделать невозможным самое сравнение; далее — эти объекты были избраны таким образом, чтобы можно было использовать черты не только сходства, но и различия, позволяющие рассматривать их как индивидуальные вариации одного и того же основного типа; и, наконец, они были уже достаточно одинаково изучены. Даже более того, ряд германских племен был изучен значительно лучше, чем сами англосаксы. Цель и смысл сравнения заключались в том, чтобы истолковать неясные стороны жизни англосаксов с помощью параллели из жизни других германских племен, о которых известно больше, чем о самих англосаксах.

Если остановиться на той области исследования, которая была избрана темой настоящей работы, то можно лишь с сожалением констатировать, что в этнографии, как советской, так и зарубежной, данная область в ее временном отрезке мало разработана. Цепь «племя — народность — нация» в исследованиях этнографов либо по-дана в теоретическом ракурсе, либо разрывается с ограничением в основном внимания исследователя на разработку и уточнение в том или ином ракурсе понятия «нация». Следовательно, не учитывается основной принцип марксистско-ленинского учения, основное методологическое указание В. И. Ленина о том, что самое важное «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем разви-

21

тии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁴³. Сложившееся в этнографии положение возникло, возможно, из-за отсутствия проверки теоретических посылок практическим материалом. В 1952 г. советский исследователь М. О. Косвен заметил, что «мы слишком плохо знакомы с конкретной историей отдельных человеческих групп и народов в эту первобытную эпоху для того, чтобы достаточным образом все многообразие этой истории обобщить. Во всяком случае, полная универсализация этой истории невозможна. Это тем более совершенно невозможно при начертании периодизации. Остается законное место для конкретной истории»⁴⁴. В 1970 г. В. Ф. Гс-нинг подчеркивал, что «едва ли возможно без специального исследования многих конкретных общностей установить общие тенденции протекания этнического процесса па исходе первобытного и па заре раннеклассового общества»⁴⁵, а в 1972 г. В. Р. Кабо писал, что «в этнографии и истории первобытного общества вместо исследований, основанных на сравнительном изучении народов, вместо выявления общих для них особенностей, делающих их представителями одного и того же исторического типа, вместо раскрытия на этой основе общих, единых закономерностей социально-исторического процесса в истории первобытного общества получил распространение умозрительный способ реконструкции первобытности, опирающийся главным образом на гипотезы и умозаключения»⁴⁶. Именно в этом случае важна роль истории, оперирующей конкретным историческим материалом, — истории, использующей теоретические выводы и выводы, построенные па последних по времени материалах других наук, поскольку данные этих наук также важны для истории: они помогают раскрыть перед историей новые области исследования, донные упущенные ею, и дать ей в руки новые методы. Исторический подход и новейшие исторические исследования важны для прочих общественных дисциплин: они помогают последним уточнить и проверить свои выводы и несколько по-иному взглянуть па разрабатываемые материалы. Стремление к сотрудничеству с другими науками наблюдается за последнее время в западной исторической науке. Такие видные историки, как профессор Сорбонны, редактор журнала «Annales. Economies, Societies, Civilisations» Фернан Бродель, профессор Кембриджского университета Питер Ласлетт, директор Исследовательского

22

Центра «Ecole Pratique des Hautes Etudes» Франсуа Фюре, профессор Нью-Йоркского университета Франк К. Мэньюэль, профессор Веркбек-колледжа Лондонского университета Эрик Дж. Хобсбоум, и другие выдвигают в качестве основополагающего направления в современной исторической мысли сближение с прочими общественными науками и широкое использование при историческом исследовании достижений этих наук⁴⁷.

Работы такого характера уже появились на Западе ". Среди них следует отметить труды историков Э. Роккана, Э. Алардта и других, занимающихся проблемой национализма и возникновения наций⁴⁹, авторы которых использовали контент-анализ и другие средства, применяемые социологами и психологами для изучения верований, установок, мнений и идеологии. В качестве примера работ исследователей с неисторической профессиональной подготовкой, занятых историческими исследованиями, можно привести книги профессора социологии и истории Мичиганского университета Ч. Тилли⁵⁰, американского социолога профессора Калифорнийского университета Н. Смел-сера⁵¹, английского и американского экономистов Дж. Никса и Э. Хагсна⁵². В советских общественных науках можно отметить такие работы, которые по своему подходу и проблематике носят междисциплинарный характер, это исследования А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, а также

работы, посвященные непосредственно междисциплинарным отношениям и связям⁵³.

Возникновение этого метода исследования можно отнести к области уже не только советской, но и русской историографии. В XIX в. М. М. Ковалевский писал, что «наблюдения и опыт не должны замыкаться в какие-нибудь определенные границы»⁵⁴. «Этнография явится помощницей истории, и сравнительное изучение еще живущих народов дополнит изучение тех народов, которые сохранили смутные воспоминания о своем первобытном состоянии, а также тех, которые уже исчезли. ...Самым верным путем для этого является сопоставление этнографических данных с теми, которые нам дает история народов, уже прошедших несколько стадий самого развития. И в этом случае исторический метод оказывает этнографии такую же услугу, какую имеет право ожидать от нее. Таким образом, оба метода помогают друг другу, обогащая исследователя не только новыми наблюдениями, но и новыми теориями»⁵⁵.

23

В советской этнографической науке при указании самих же этнографов на то, что этнография является прежде всего исторической наукой, что «основными объектами этнографического исследования являются... конкретные народы»⁵⁶, очень мало конкретных исследований по образованию того или иного европейского народа⁵⁷. Это же замечание в какой-то мере касается и советской медиевистики, хотя сами историки-медиевисты подчеркивают важность исследования этнических взаимоотношений в отдельных регионах Европы⁵⁸. Следовательно, даже для выяснения путей развития современных наций необходимо исходить из конкретного изучения материала древней и средневековой истории европейских народов. Это изучение позволит углубить теоретические представления о развитии национальных отношений, выявить зоны национальной напряженности и ситуации, порождающие ее, выработать практические рекомендации о путях совершенствования национальных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества.

Изучение возникновения их истоков также должно внести свой вклад в понимание процессов, протекающих на современном этапе в развивающихся странах. В этом отношении необходимо в каждом конкретном случае учитывать характер сходства явлений и процессов, учитывать, основано ли оно на сходстве их происхождения или их функций. Как ни заманчиво сравнение между эпохами, историческими ситуациями в их целостности, вряд ли оно может быть осуществлено без предварительного анализа и сравнения их отдельных составляющих — необходимой предпосылки всякой классификации. Все это требует усилий многих специалистов. Лишь взятые в комплексе, исследования различных дисциплин — этнографии, истории, археологии, лингвистики, психологии, социологии и т. д. — могут дополнить друг друга и создать целостную и объективную картину. В представленной работе предпринята попытка исследования возникновения, развития и способа функционирования этнического самосознания англосаксов. Данное исследование сознательно доведено лишь до X—XI вв., поскольку именно со следующих столетий начался новый этап как в общественной, так и в духовной жизни германского и прочего населения на территории Британии. Что касается отправной временной точки начала исследования, то в этом отношении была предпринята попытка спуститься как можно ниже в глубь веков с тем, чтобы

24

найти там истоки многих явлений англосаксонской эпохи.

Переплетение влияний различных эпох затрудняет передачу общественных и духовных форм англосаксов современными неадекватными понятиями, тем более что сама англосаксонская Англия представляла собой весьма запутанный конгломерат не только социально-экономических, но и политических взаимоотношений, созданный как под влиянием внешних обстоятельств, так и всего характера переходной эпохи.

Любое понятие может иметь множество научных определений, отражающих многообразие сторон и связей изучаемых явлений. Однако какими бы совершенными и гибкими они ни были, они все же, как указывал В. И. Ленин «никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии»⁵⁹. Чтобы иметь правильное суждение о них, следует выяснить, в каком сложном комплексе явлений учитываются роль и место англосаксов как этнической общности. Необходимо выявить основные корни возникновения данной общности. Это требует не только проникновения в глубь веков. В соответствии с указаниями классиков марксизма-ленинизма о соотношении базиса и надстройки⁶⁰ следует разобрать связь возникновения этнического самосознания с социально-экономическим, политическим и духовным развитием англосаксонского общества.

На всех этапах исторического процесса типы этнической общности выступали как форма социального развития общества. Соответственно со сменой одного типа этнической общности другим менялось и ее самосознание. Смена этнического самосознания, как и сознания вообще, является конечным результатом уже завершенных перемен в материальной культуре и социальном быте. Таким образом, исследование этнического самосознания у той или иной этнической общности неизбежно предполагает знание всей общественной жизни этой общности как с социально-экономической, так и с

политической, а также духовной сторон, тем более что сознание исследуемой общности всегда неразрывно сопряжено с осознанием принадлежности ее к особому социально-политическому организму.

Именно этими обстоятельствами вызвано знакомство с научной литературой, посвященной непосредственно изучению англосаксов, и в частности отдельных германских племен. Основными проблемами, которые пытались разрешить исследователи по англосаксонской Англии, были и

25
остаются: роль германских социальных и политических институтов, в частности общины, королевской власти, дружины; так называемый континуитет (т. е. судьбы античных социальных и политических учреждений и вообще античной цивилизации на Британских островах в рассматриваемые столетия); вопрос о наличии феодализма.

Историография по общественным и политическим институтам англосаксонских племен представлена, прежде всего, рядом работ, в которых решается проблема англосаксонской общины как экономического и социального института,

На изначальность у англосаксов свободной общины указывали Ф. Стентон, Д. Уайтлок, Г. Р. Лойн, Д. Дж. Фишер и др.⁶¹ Среди русских исследователей общину непосредственно у англосаксов признавал Д. М. Петрушевский, отмечавший германское влияние в деле ее создания⁶². Огромное значение имели работы П. Г. Виноградова, посвященные исследованию социального строя англосаксонской Англии и критически направленные против сторонников «вотчинной теории», в частности против Ф. Сибомы⁶³. Ф. Сибом, не отрицая в принципе существование общины и общинных распорядков у англосаксов, широко привлекая археологические, лингвистические и топонимические данные, используя ретроспективный метод и метод переживаний, утверждал, что община находилась в зависимом положении и что членами ее являлись рабы и колоны, представляющие собой этнически смешанное население. В нее входили как захваченное кельтское население, так и низший слой англосаксонского общества — кэрлы. Ф. Сибом отошел от позиций предшествующего направления германистов — Д. Кембля, У. Стеббса, Э. Фримена. Однако, совершенно игнорируя данные, собранные этими историками, он примкнул к другому, не менее реакционному направлению, построенному сторонниками «вотчинной теории», тесно смыкающейся с теорией «аристократического государства» у древних германцев. Ведя речь о наличии вотчины у германцев эпохи Тацита, Ф. Сибом, как сторонник германо-романского синтеза и континуитета в общественных отношениях англосаксов после захвата ими Британии⁶⁴, представлял себе последующее устройство этих германских племен простым искомещением зависимой англосаксонской общины в крепостную римскую виллу; произошла лишь смена господ. Свободным населением на Британских островах

26

оставались только незахваченные бритты со своим общинным устройством (община покоренных бриттов попала в зависимое положение от захватчиков), а также англосаксонские вотчинники. Не отрицая кельтскую традицию в аграрном строе англосаксонской Англии и общины как таковой⁶⁵, что представляло вклад ученого в исследование англосаксонского общества, Ф. Сибом, однако, своими работами способствовал развитию теории «аристократического государства» у германцев.

Решение о положении кельтского населения и его взаимоотношениях с англосаксами после захвата последними Британии тесно смыкается с вопросом об образовании и развитии новой этнической общности у англосаксов. Если следовать Ф. Сибому, то нужно признать направляющее воздействие на данный процесс верхушки англосаксонского общества, что со всей очевидностью противоречит данным источников.

Однако теория Ф. Сибомы и в настоящее время находит своих учеников. В частности, ее сторонником выступил американский исследователь К. Стефенсон⁶⁶. Исследование положения завоеванного населения тесно связано с проблемой так называемых «лэтов» (литов) и «уилей». Ученые, касавшиеся проблемы «литов», мыслили себе это понятие в духе определенно оформленной категории: застойной и неподвижной, начинающей развиваться под давлением изменения социально-экономических отношений лишь с периода достаточно твердого установления статуса населения, скрывающегося под этим понятием.

Однако представления об этом периоде не могут достаточно четко помочь выявить институт «литов». Конечно, нельзя отрицать, что и последние представления также необходимы для успешного анализа его начальных форм; но они пригодны лишь в качестве масштаба для сравнения, а не для отождествления принципиально различных форм института друг с другом. И это в лучшем случае. В худшем лишь констатируется эта категория или описываются признаки ее без учета корней возникновения и дальнейшего развития института или указаны корни, но не учитывается социально-экономический фактор при его развитии. И та и другая концепции усиливают представление о неподвижности понятия и приводят к почти полному элиминированию идеи как развития и

трансформации всего общества англосаксов в целом, так и сознания данного общества. Попытка решения вопроса об институте «литов» и о формах его развития неизбежно должна

27

сводиться к конкретно-историческому изучению всего своеобразия жизни всех германских, а не только англосаксонских племен.

В исторической литературе лишь констатируется, что представители кельтского населения на территории завоеванной англосаксами Британии носили наименования «лэты» и «уили»⁷⁶. Однако ни один из исследователей не объяснил факт введения на этой территории двойного наименования автохтонного населения и не выявил истоки литства, не провел достаточной параллели между континентальными и англосаксонским институтами.

В последнее время за рубежом появился ряд работ, которые прямо или косвенно помогают пролить свет на существование двойного наименования автохтонного населения на территории, занятой в Британии германскими племенами. Это исследования, раскрывающие тесную связь Кента с континентальным германским племенем франков и сильнейшее влияние последнего на ютов, основавших Кент⁶⁸. При этом устанавливаются не только теснейшие торговые и политические контакты⁶⁹, но и соответственно проводятся обобщения по социально-экономическому устройству кентского общества. Однако утверждение, что англосаксонские лэты являлись подобием франкских литов⁷⁰, опять же строится не на разборе социально-экономической жизни германских племен, а на исследовании внешних условий.

Дополнением к приведенным работам служат материалы, собранные Дж. Линдсеем и Г. Р. Финбергом, о наличии остатков крупного землевладения позднеримского происхождения в Кенте и Мерсии с соответствующими распорядами⁷¹, что позволяет сравнить до определенной степени процессы этнического взаимодействия при завоевании франками Галлии и ютами Кента и влияние на эти процессы остатков римских распорядов, сохранившихся на указанных территориях. Об активном участии кельтов в общественной жизни англосаксов свидетельствуют также материалы самого различного характера: о значительном сохранении кельтского населения севернее Йорка, на юге и низменностях Восточной Англии⁷², о сохранении кельтских традиций в прикладном искусстве⁷³, о быстром усвоении кельтами диалектов англосаксонского языка вскоре после завоевания германскими племенами Британии⁷⁴. Важное значение для определения судеб кельтского населения и его участия в экономической жизни англосаксонского общества и соответственно в соци-

альной сфере имеет установление картографическим путем Р. Г. Коллингвудом факта соседства полей германского и кельтского типов в Сассексе и Йоркшире⁷⁵. Подобные выводы позволяют раскрыть и исследовать также некоторые черты взаимоотношений двух различных этнических общностей.

Указанные выше работы зарубежных авторов являются вспомогательными при изучении института «литства». Советскими учеными А. И. Неусыхиным и М. Н. Соколовой на материалах соответственно континентальных германских и англосаксонских племен было показано значение этого института как одной из форм прототипа будущего крепостничества⁷⁶. Исследования этих ученых помогают восстановить эволюцию института и близко подойти к решению с социально-экономических позиций вопроса о формах взаимоотношений различных этнических общностей в германских королевствах. Однако истоки самого института, причины его возникновения и его роль в период существования у германских племен первобытнообщинных отношений учеными еще не раскрыты. Тот подход зарубежных авторов конца XIX — начала XX в., отмеченный резко метафизической постановкой проблемы с целью доказать идею исконности существования зависимого населения в германском обществе и, следовательно, классов, обходя вопросы о путях социально-экономического расслоения и соответственно о наличии данного процесса как такового, был блестяще вскрыт и подвергнут критике советским исследователем А. И. Неусыхиным⁷⁷.

В отличие от ученых, которые строили свои выводы на материалах континентальных источников и были подвергнуты обоснованной критике А. И. Неусыхиным, теория Э. Фримена о лэтах и уилях как о рабах создавалась при использовании англосаксонских данных. Его теория основана на предположении, что рабство присуще всем пародам⁷⁸. Положение о наименовании «уиль — раб» верно, как показывают источники, для определенного времени, но не может быть распространено на весь период существования англосаксонских племен. При этом нужно учитывать как реальный состав населения, который охватывался понятиями «уиль» и «раб» в конкретное историческое время, так и то реальное значение этих понятий, которое трансформировалось с изменением социально-экономических отношений в англосаксонском обществе. С. М. Чэдвик объяснял наличие наименования «лэт» в

28

29

Кенте древностью его законов⁷⁹, не приводя никаких доказательств своим посылкам. Впоследствии

данное наименование исчезло, поскольку, согласно взглядам Г. М. Чод-чика, оно было заменено понятием «кэрл». Доказывается это путем сопоставления вергельдов, наличествующих в кентских и уэссекских законах, и приравнивания кентского лэта уэссекскому кэрлу⁸⁰. Таким образом, кэрл — это тот же лэт, свободное общество складывается из аристократов-воинов, и, следовательно, непосредственное окружение короля составляет англосаксонское ополчение. И кэрлы и лэты произошли от завоеванного населения, слой гезитов — от завоевателей⁸¹. Равные идеи проводились еще ранее английским ученым Ф. Сибомом⁸² и впоследствии американским историком К. Стефенсоном⁸¹. Все вышеуказанные исследователи игнорируют в своих трудах протекавший в англосаксонском обществе процесс социально-экономического расслоения и завышают роль формировавшейся феодальной знати в деле построения государства. Неравенство лэтов и кэрлов было доказано советским ученым М. Н. Соколовой, подвергнувшей тезис Г. М. Чэдвика справедливой критике⁸⁴.

Немаловажное значение имеют работы, посвященные выяснению социальной структуры отдельных мапоров. Ф. Стентон в 20-е годы XX в., исследуя отдельные регионы Англии, установил разнообразие вотчинной и социальной структур страны в средние века, что, несомненно, косвенно подтверждает неидентичность как взаимоотношения завоевателей с побежденными в первые века после вторжения англосаксов на территорию Британии, так и неравномерность по различным причинам развития социально-экономических отношений в англосаксонской Англии. Все это помогает дополнить картину развития этнического сознания на территории, занятой англосаксонскими племенами. Формированию феодального поместья и поместной администрации посвящены также работы Э. Джона и Г. Р. Лойна⁸⁵. Однако все три названных автора решают эту проблему с позиций «аристократического» построения государственности у англосаксов. Отбрасывая социально-экономические предпосылки возникновения манориальной системы, они распространяют отношения вассально-лешгой системы и частной власти у сеньора без учета классовых отношений на все управление в целом. Э. Джон, например, непосредственно смешивает манориальные суды с местными организациями, ведущими свое происхождение

30

еще от предыдущей родоплеменной эпохи. Участниками местных собраний по нему являются воины-землевладельцы, под которыми он понимает вотчинников различного типа; равную теорию выдвигает и Г. Р. Лойн⁸⁶.

Ф. Стентон, утверждая, что знать является детищем королевской власти⁸⁷, тем не менее не распространял ее влияние на народные собрания, ведущие свое начало еще с эпохи военной демократии. Не рассматривая весь англосаксонский период в развитии, он механически соединял две разнородные системы без учета взаимовлияния их друг на друга. Таким образом, как манориальная система, созданная королевской властью, так и органы местного самоуправления, по Ф. Стентону, существуют независимо друг от друга⁸⁸.

Этот подход не нов. Он укоренился в английской историографии еще в 50—70-е годы XIX в. с работы У. Стеббса «Конституционная история Англии»⁸⁹. Используя сравнительно-исторический метод, привлекая ценнейший справочный материал, У. Стеббс, как и впоследствии Ф. Стентон, признавая наличие еще со времен Цезаря и далее Тацита у германцев и соответственно англосаксов свободной общины, связывал с ней и местное самоуправление, наряду с которым существовала и иная система, созданная феодализирующейся верхушкой англосаксонского общества. Лишь после нормандского завоевания произошло слияние двух систем управления⁹⁰.

Равного мнения придерживался впоследствии Ф. Мэт-ленд, который пытался провести грань между народными демократическими органами и учреждениями формирующегося феодального государства⁹¹. В работе по истории развития английского законодательства, написанной им в начале XX в. совместно с Ф. Поллоком, Ф. Мэтлэнд определял его характер для VII—VIII вв. как «юридические памятники, фиксирующие отношения, не выходящие за рамки варварского общества»⁹². Равная черта ранних англосаксонских законов была отмечена в 60-е годы Г. Ричардсоном и Дж. Сэйлзом⁹³. Однако и Мэтлэнд с Поллоком, равно и Стеббс, а впоследствии Стентон уделяли основное внимание разбору учреждений формирующегося феодального государства, почти не касаясь органов народного самоуправления и не связывая их друг с другом.

Выяснению времени утверждения манориальной системы в Англии посвящен ряд работ русского исследователя П. Г. Виноградова, в которых он устанавливает оформ-

31

ление последней лишь к концу XI — началу XII в., юридически же — к середине XIII в. в процессе кристаллизации английского «общего права». Манориальная теория П. Г. Виноградова исходила из переоценки хозяйственной роли манора, идеализации его социальных функций, создающихся по образцу системы общинного управления⁹⁵. В отношении проблемы, решение которой представлено в предложенной работе, нет нужды останавливаться на вопросе статичности крупного манора,

выдвинутого П. Г. Виноградовым. Это положение выходит за рамки рассматриваемого периода и давно уже доказательно оспорено советскими учеными⁹⁶.

Весьма важно после сделанного разбора подчеркнуть, что для большинства вышеназванных ученых и даже для тех, которые признают наличие свободной общины в англосаксонский период, характерно принижение рядового населения и выдвигание косвенно или прямо превалирующей роли знати в деле формирования англосаксонской государственности. Чаще всего подобное достигается либо путем полного игнорирования социально-экономического расслоения, либо путем дробления единого процесса на социальную и политическую сферы жизни англосаксонского общества (развитие так называемых «феодализмов политических и социальных»). В русской исторической литературе общую линию развития у англосаксов только в политической сфере — разрабатывал Д. М. Петрушевский. Его теория «правового государства» весьма близко подходит к теориям указанных зарубежных историков. Социальный анализ, который проводил Д. М. Петрушевский, касается лишь верхушки общества. Основное в его работах — это описание политики государственной власти⁹⁷.

Указанный подход особенно заметен при изучении политической организации англосаксонского общества, которое тесно смыкается с исследованием развития государственности у англосаксов. Этой проблеме в последнее время посвящены конкретные работы П. Блэра, Э. Джона, Б. Л. Лойна, У. Чини⁹⁸. Все эти авторы ограничиваются рассмотрением одного какого-либо явления без связи его со всей социально-экономической очевидностью и предшествующим развитием общества. Так, например, П. Блэр в своей работе «Введение в англосаксонскую Англию» в главе «Управление» разбирает лишь органы центральной власти, упуская взаимосвязь ее с местными общественными органами управления и не учитывая

82

вливание на ее развитие отношений предшествующей эпохи, в значительной степени сохранившихся в жизни англосаксов". В главе «Экономика» П. Блэр вообще упускает связь экономических и социальных отношений, подразумевая под «экономикой» лишь экономическую политику центральной власти¹⁰⁰. Скудость исследования дополняет факт отсутствия среди источников, используемых автором настоящей книги, англосаксонского законодательства.

Опорой для своих исследований вышеуказанные авторы избрали имеющие глубокую традицию в зарубежной историографии взгляды Г. М. Чэдвика, Ф. Мэтленда и в последнее время Г. Р. Лойна об аристократическом характере управления у англосаксов, об активнейшем участии знати в деле построения у них государственности, основанной на ленных связях¹⁰¹. Теоретической предпосылкой и базой для развития подобных взглядов в англо-американской историографии послужили и являются поныне теории о «государстве знати» в германском обществе, происхождение которого выводится из политики королевской власти. Данная теория весьма распространена у ряда западных ученых¹⁰². При этом центр тяжести в ходе исторического процесса переносится из области социально-экономических отношений в сферу политической структуры общества.

Западногерманские исследователи К. З. Бадер и Г. Данненбауэр указывают на аристократичность древне-германского общества, на отсутствие многочисленных «свободных» в раннем средневековье. По мнению этих историков, ключ свободы следует искать в изучении политики королевской власти¹⁰³. Критикуя термин «Geme-infroie» (мелкие крестьяне с равной свободой, владением и правом, объединенные общими хозяйственными целями), выдвинутый немецкими медиевистами XIX в.¹⁰⁴, Т. Мейер противопоставил при определении свободных в раннем средневековье понятие «Konigsfreie»¹⁰⁵, снимая, таким образом, саму постановку вопроса о наличии и первобытнообщинном, а тем более в раннефеодальном германском обществе массы свободных.

В более модифицированном виде не столь прямолинейно, как в работах вышеприведенных немецких ученых, эта теория представлена в ряде исследований, посвященных разбору социально-экономических отношений в лан-и обардской и раннесредневековой Италии. Так, например, Г. Круг и Г. Эбнер переносят отношения, присущие раз-

2 Е. А. Шервуд

33

витому феодализму, на раннесредневековую лангобардскую "Италию"¹⁰⁶. А. Допш, Г. Миттейс, Дж. Боньетти, Ф. Шнейдер, К. З. Бадер, К. Фридрих фон Савиньи, М. А. фон Бетманн-Гольвег, Г. Рот, Дж. Фазоли, П. Брецца, Дж. Мепгоцци, П. С. Лейхт и другие идут еще дальше, усматривая бенефициальную систему уже в Римской империи (IV в. н. э.) и утверждая наличие дво-ряпства, которое *управляло* всей экономической жизнью и создало государство как у древних германцев, так и соответственно у лангобардов¹⁰⁷.

Вышеуказанная теория нашла свое место и в англоамериканской историографии¹⁰⁸. Знать (а не все в

целом взятое англосаксонское общество) была основой как центрального, так и местного управления. По мнению Ф. Мэтленда, Г. Р. Лойна и Г. Гардиига, членами органов местного управления, созданных королем, являлись исключительно либо аристократы-воины, либо епископы, эрлы и тэыы, непосредственно подчиненные королю¹⁰⁹. Равной точки зрения на состав местных собраний у континентальных германских племен, подвергнутой обоснованной критике советским ученым А. Р. Корсунским¹¹⁰, придерживался западногерманский историк Г. Данпенбауэр¹¹¹.

Все эти историки совершенно игнорируют данные, собранные еще в XIX в. Дж. Кемблем, при помощи которых он обосновывал теорию демократического строя у англосаксов¹¹², что дало ему повод вместе с Ф. Пэл-гревом сделать вывод о позднем оформлении государственности у этих германских племен¹¹³. Подобный взгляд проводится также в работах Г. М. Чэдвика, Ф. Стентона, Г. Р. Лойна и Д. Уоллеса-Хэдрилла¹¹⁴ в противоположность Ф. Сибому и впоследствии — М. Динсли, указывающих на наличие государства у англосаксов уже в V—VI вв.¹¹⁵ Оба направления своими корнями уходят в школы «германистов» и «романистов», столь распространенные в зарубежной историографии XVI—XIX вв. И романисты, и германисты механически переносили политические идеи и учреждения Древнего Рима в общества германцев. Наиболее ранними представителями романистов на англосаксонском материале являлись Ф. Пэлгрев и Ф. Сибом, искавшие истоки государства в сохранении римских учреждений и установлений в англосаксонской Англии¹¹⁶; германистов, выводивших возникновение государства из чисто германских учреждений, — Дж. Кембл, Э. Фримеп, У. Стеббс и Ф. Либерией¹¹⁷.

34

Последнее направление, наиболее плодотворное, основывалось опять-таки не на разборе социально-экономической жизни англосаксонского общества, но либо на исследовании развития права (У. Стеббс и Ф. Либерман), либо на превознесении национальных свойств англичан (Э. Фримен). Даже у Кембля, который придавал большое значение землевладению, утверждая, что оно является основой политического и социального быта англосаксонских племен, ни кельтские, ни римские порядки вообще не учитывались. Наиболее слабым пунктом Кембля является учение об общественных группах.

Политические и хозяйственные черты марки показаны очень неясно; рассуждения же о гильдиях, десятках и сотнях основаны на постоянном смешении совершенно различных учреждений.

Предположения и априорные комбинации занимают видное место.

Как бы то ни было, исследователи и того и другого направлений в большинстве своем игнорируют социально-экономическое развитие общества и при своих построениях, даже с учетом последнего, стремятся всячески исказить характер тех процессов, которые протекали во всех сферах жизни англосаксонских королевств.

Зарубежные ученые, проводящие идею «аристократичности» англосаксонского общества, стремятся использовать ее и при разборе нарративных источников. Так, например, утверждая, что поэма «Беовульф» является чисто христианским произведением (с большим числом христианских выражений при сохранении исторической информации), они указывают, что она представляет собой произведение христианского автора, черпавшего свой материал из языческих песен; отсюда следует вывод о ее придворном характере¹¹⁸.

Вопрос о христианском или языческом характере поэмы, о ее германском или ином этническом происхождении уже поднимался начиная с конца XIX в. рядом исследователей. Зачинателем полемики выступил Ф. Клэбер, который обнаружил в поэме смешение эпического с христианскими мотивами¹¹⁹.

Развитию этой же мысли посвящены работы А. С. Кука и А. Брандла¹²⁰. Б. Ф. Юппе конкретно указывал на влияние работ Августина не только на религиозную поэзию, но и на поэму «Беовульф»¹²¹.

Влияние латинской модели на англосаксонскую поэзию, в том числе и на поэму «Беовульф», усматривали также Р. Дероле, А. Г. Бродэр и Дж. Д. А. Огильви¹²². Противоположную точку зрения,

30

2»

в которой утверждаются языческие и германские основы поэмы «Беовульф» с большим влиянием устного народного творчества германцев, высказал Ф. П. Магоун¹²³; среди советских ученых — Л. Я. Гуревич, К. Ф. Савелло¹²⁴. Однако эта полемика, с каких бы позиций она ни велась, не дает повод авторам первого направления отрицать, что в поэме наличествуют народные мотивы¹²⁵, и даже наоборот, она вынудила их признать в лице наиболее видного английского исследователя Г. М. Чэдвика не только наличие в ней наряду с христианскими языческих мотивов¹²⁶, но и то, что дидактические отрывки частично христианского характера в поэме «Беовульф» не влияют на ее общий дух¹²⁷. Вывод же, что все героические поэмы англосаксов были сложены в основном при королевском дворе¹²⁸, строится и на других основах: утверждается, во-первых, что среда, описанная в них, является исключительно аристократической, и это доказывается нередко простым перечислением действующих лиц

"

170

с указанием на их социальный статус; во-вторых, что интерес в них направлен на индивидуальное¹³⁰, социальные установки определяются личными характерами¹³¹; в-третьих, что сцены или приключения оцениваются лишь как придворные¹³². И основным доказательством служит указание на наличие при

дворах королей как исторически зафиксированных¹³³, так и описанных в поэмах¹³⁴ певцов. Действительно, наличие певцов отмечено в англосаксонских поэмах¹³⁵. Однако в тех же источниках указывается, что певец обычно излагал те «приключения, песни, которые накопились в его памяти»; он был лицом, «которое могло вспомнить много историй прошлых дней»¹³⁶. И это об очевидце событий, которым мог выступить, как установлено самим же Г. М. Чэдвиком, и крестьянин, и король, и любое другое лицо¹³⁷.

А как же быть с тем обстоятельством, что некоторые англосаксонские поэмы повествуют о событиях более ранних, чем во время их записи (как это, например, ясно показано в поэме «Беовульф», которая описывает времена на два века раньше, чем время записи поэмы)? Кстати, и такой крупный ученый, как Г. М. Чэдвик, был вынужден написать, что он сомневается в существовании письменного «Беовульфа» даже в первой половине VIII в.¹³⁸ Подобный вывод повлек за собой и следующий: «Беовульф» возник из устной традиции, царившей еще во времена мерсийского короля Оффы¹³⁹, а сама традиция уходит своими корнями в глубокое прошлое — в период миг-

36

раций германских племен (до VI в.)^{un}. Все эти данные привели к противоречиям в теории вышеозначенного направления: с одной стороны, утверждается аристократичность поэмы, с другой — наличие в ней массы элементов фольклорного характера, отраженного в истории, изложенной в поэме¹⁴¹ и созданной, как выражается Г. М. Чэдвик, «на улице, но не при дворе»¹⁴². Таким образом, сам собой напрашивается вывод, что поэма «Беовульф» была сотворена не отдельным лицом, но записана, пусть даже и при дворе, на основании литературной обработки народного творчества. Автором поэмы было не отдельное лицо, но все северо-западные германцы¹⁴³.

Некоторые исследователи указывают на общность тематики многих героических поэм германских племен, на отсутствие в связи с этим прямого отношения данных поэм, не исключая и англосаксонских, к своей стране и истории¹⁴⁴. Об истоках поэмы «Беовульф» весьма недвусмысленно говорил немецкий ученый-филолог Г. Сар-рацин, который отмечал, что «если (в поэме.— *Е. III.*) народ понимать в смысле нации, то данное означает лишь то, что это понятие относится не к одному народу, но ко многим»¹⁴⁵. Это обстоятельство объясняется особенностью эпохи «Великого переселения народов», когда германцы любых племен вместе сопереживали созвучные их эпохе события¹⁴⁶. При этом северо-западный ареал, как прародина всех германцев, по их поверью, практически неотделим в героических поэмах от всей германской поэзии в целом¹⁴⁷. Исследователи проводят сопоставления (фабул, персонажей и т. д.) англосаксонских поэм как достояния всех германцев со скандинавскими и датскими источниками¹⁴⁸ и приходят к выводу, что такие поэмы, как, например, «Беовульф», ведут свое происхождение из северной традиции¹⁴⁹; при этом промежуточным регионом между англосаксонской и скандинавской поэзией, а также в целом германской (вплоть до конца VII в.) являлась Дания¹⁵⁰.

Уже давно миновал спор о скандинавском или англосаксонском происхождении поэзии англосаксов, который был столь популярен у ученых на протяжении всего XIX в.¹⁵¹ Данные, собранные сторонниками того или иного взгляда, все чаще подводят исследователей к мнению, что многие из англосаксонских поэм, так сказать, «интернациональны» по своей природе¹⁵². О поэме «Беовульф» ведут речь как о произведении, которое про-

37

славляет ни свой, ни чужой народ, но то общее, из чего вышли все германские племена, а также то, «что раскрывает неуловимый путь этнического единства английской нации»; поэма «Беовульф» выражает дух англо-саксов, ютов, фриз-ов, равно как и данов, являясь в то же время чисто английским национальным эпосом¹⁵³. Таким образом, эти исследователи близко подошли к далеко ведущему выводу, что чувства, присущие отдельному германскому племени северо-западной группы в период «Великого переселения народов», были присущи всем германским племенам этой группы, а еще ранее, быть может, всем германцам. Однако подобное утверждение выдвигается как гипотеза.

Вышеизложенный анализ показывает, что теория «аристократичности» социальной жизни англосаксов, проводимая при исследовании их духовной жизни, не только не доказана сторонниками этой теории, но и опровергается рядом выводов, сделанных ими же самими.

Что касается советской историографии, то советскими исследователями была отброшена узость и метафизичность романистического и германистического направлений. В 60-х годах А. И. Неусыхинным было выдвинуто положение о почти бессинтезном пути развития англосаксов¹⁵⁴. На XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве советскими исследователями Британия была представлена как «бессинтезный» путь развития феодализма, который возникал непосредственно из родо-племенного строя¹⁵⁵.

В западной историографии за последнее время также наблюдается отход от романистического и германистического направлений. На первый план выдвигается скорее проблема «континуитета»

традиций родо-племенного строя. При этом широко используется весьма плодотворный сравнительно-исторический метод исследования с привлечением континентальных материалов¹⁵⁶. Однако в этих работах опять же отсутствует исследование тех социально-экономических изменений, которые протекали в германских королевствах, означенных этими учеными как «племенные». Лишь с X в., по мнению указанных ученых, можно усматривать изменения в характере англосаксонских королевств¹⁵⁷. Эта теория была подвергнута на материале континентальных источников критике со стороны советского ученого А. Р. Корсунского¹⁵⁸ и преимущественно на англосаксонском материале — английским исследова-

38

гелем Г. Р. Лойном¹⁵⁹. Однако если советский ученый подходит к критике с учетом всего социально-экономического развития германских обществ, подобно тому подходу, который был использован советскими исследователями при установлении типов генезиса -феодализма, то Г. Р. Лойн опровергает данную теорию с целью обоснования тезиса «аристократичности» германского общественного устройства.

В советской исторической науке прочно укрепился марксистско-ленинский подход к исследованию формирования государства. А. И. Неусыхин, Е. А. Косминским, А. Я. Гуревичем, М. Н. Соколовой были вскрыты социально-экономические предпосылки формирования и классовая сущность возникающего раннефеодального государства. Если в работах А. И. Неусыхина детально прослежены с превалирующим учетом социально-экономических отношений те процессы, которые привели в обществе германцев к возникновению зависимого крестьянства, то в обобщающей работе А. Р. Корсунского «Образование раннефеодального государства в Западной Европе» (М., 1963) выводы построены с учетом общеевропейского контекста как по социально-экономической, так и по политической сфере. И. А. Неусыхин и А. Р. Корсунский лишь касались общей линии развития государства и социально-экономических отношений у англосаксов. Оба исследователя в общих чертах отметили у них слабую социальную дифференциацию и установили, что государство у англосаксов из-за более низкого уровня общественного развития по сравнению с континентальными германцами начало складываться лишь с конца VII в. При этом оно выросло непосредственно из органов родового строя¹⁶⁰. Многие по выявлению социально-экономических предпосылок складывания государства непосредственно у англосаксов сделали советские историки А. Я. Гуревич и М. Н. Соколова, занимающиеся вопросами общины и общинными формами собственности, формированием поместья феодального типа и становлением классов феодального общества, классовых противоречий и классовой борьбы¹⁶¹.

Таким образом, проблемы романо-германского синтеза или бессиптезного пути развития, «континуитета» ро-до-племенных отношений, политического и социально-экономического развития германских обществ, в том числе и англосаксонского, необходимо решать вместе. 15 историографии, как зарубежной, так и советской, отти

39

рассматриваются в целом в каждой отдельной работе и соответственно с тех методологических позиций, на которых стоит тот или иной ученый. Но если в отношении вышепоставленных проблем советские ученые придерживаются в основном единого направления, то по вопросу о завершенности феодализации Англии ко времени нормандского нашествия царит разногласие. Такие исследователи, как М. А. Барг и А. Я. Гуревич, придерживаются мнения о полной победе феодализма у англосаксов до нормандского завоевания. А. Р. Корсунский, М. Н. Соколова¹⁶² и Н. Ф. Савело указывают, что лишь после завоевания произошло фактическое завершение феодализации Англии. Как известно, понятие «феодализм» включает все сферы общественной жизни — социально-экономическую, политическую, духовную и т. д. И если А. Я. Гуревич на англосаксонском материале и М. А. Барг на материалах уже последующего периода проводят свои взгляды, опираясь на данные из социально-экономической сферы, то К. Ф. Савело на юридическом, а также нарративном материале доказывает, что лишь к X в. произошло перерождение органов народной власти в учреждения, находящиеся под контролем государства¹⁶³. Данные по духовной, а также непосредственно по этнической сферам развития общества дополнительно указывают на факт незавершенности феодализации Англии к началу XI в. Вопрос о степени феодализации англосаксонской Англии все же остается открытым, поскольку разрешить его можно лишь с учетом всех данных по всем сферам жизни англосаксонского общества. Равное разногласие по вопросу о степени феодализации англосаксонской Англии налицо и в западной историографии. Естественно, такие ученые, как Б. Лиз и Д. Джолифф, соответственно своей точки зрения на политическое развитие англосаксонских племен выдвигают позднее развитие феодальных отношений в Англии (лишь с X—XI вв.). Те историки, которые придерживаются романистических традиций, усматривают наличие феодализма у англосаксов уже в VI в. Причины, заставляющие названных исследователей придерживаться той или иной точки зрения, совершенно ясны. Сложное обстоит дело с теми историками, которые подчеркивают «аристократичность»

англосаксонского общества. Тот или иной взгляд, как правило, зависит от формы доказательства этой «аристократичности». Если автор со всей откровенностью проводит подобную идею.

40

он, как правило, заявляет о полной победе феодализма у англосаксов еще до нормандского завоевания¹⁶⁴; если же он пытается завуалированно изложить ее, он очень осторожен в своих выводах и чаще указывает на победу феодальных отношений лишь после нормандского завоевания. Так, например, Г. Р. Лойп, признавая «рассеяние королевского авторитета», которое выразилось в передаче королем функций местного управления знати¹⁶⁵, и присоединяясь, пусть даже косвенно, к идее «государства знати», указывает на вызревание феодализма после нормандского завоевания. Равно думают Б. А. Лайон, З. Джон, П. Блэр и др. Формально-правовой подход, предвзятое проведение тех или иных взглядов, нередко полнейшее отрицание социально-экономических факторов развития общества характеризуют буржуазную в отличие от советской историографию в деле изучения германских племен.

Таким образом, непосредственно исследованием этнических процессов в англосаксонской Англии не занимались, как было указано выше, ни зарубежные, ни русские и советские ученые. В научной литературе лишь констатируется, что в IX — первой половине X в. в англосаксонской Англии протекал процесс этнического сплочения англосаксов¹⁶⁶, под которым нередко понимают политическое сплочение. Правда, советскими историками единодушно признается ведущее влияние на развитие этого процесса социально-экономических отношений, но взаимовлияние обоих процессов еще не прослежено.

Опыт обобщения мнений советских ученых по вопросам, касающимся этнических процессов у германцев в переходную от родо-племенного к классовому обществу эпоху, был проведен А. Р. Корсунским¹⁶⁷. Однако ряд черт, присущих этим процессам и показанных им, имеет отношение лишь к тем германским племенам, которые столкнулись с мощным римским влиянием. Несомненной заслугой ученого является впервые выдвинутый им новый подход к решению подобной проблемы, позволяющий связывать социально-экономическое развитие рассматриваемого общества с этническими процессами, протекающими и нем. П. Ф. Колесницким за последнее время написан ряд работ об образовании немецкой народности. Ценным является привлечение автором исторического, т. е. эмпирического, материала. Но исследователь начинает свой разбор с того периода, когда уже были заложены почти все предпосылки для образования немецкой народности.

41

В зарубежной историографии при попытке выяснит, образование того или иного народа используют три давно устаревших метода: либо происхождение народа разъясняется путем возведения его генеалогии к легендарному родоначальнику (наиболее примитивный и донаучный метод, так называемый «генеалогический» принцип)¹⁶⁸; либо пытаются отождествлять исследуемую общность с тем или иным древним народом¹⁶⁹; либо ищут прародину, и эти поиски неизбежно связаны с миграционными построениями¹⁷⁰. Методологический порок миграционных теорий и теорий «прародины» заключается в том, что они незаконно подменяют проблему формирования народа вопросом о его пространственном перемещении. Буржуазная историография и социология не видят различий в характере общественных связей, на основе которых формировались этнические общности и государственные образования; зачастую они, по существу, отождествляют этнические общности с государством, которое является у них выражением общности народа¹⁷¹. Так, например, в сравнительно-историческом обзоре «The Heroic age» Г. М. Чэдвика этническое развитие германских племен рассматривается с точки зрения характера королевств, причем в основу классификации последних кладется даже не государственное развитие, а способ их основания¹⁷². Если касаются этнической стороны жизни англосаксонского общества, то не выходят за пределы чисто юридической трактовки этой проблемы¹⁷³.

Вообще было сделано очень мало попыток выработать такой аппарат научных понятий, который помог бы уловить специфические особенности этнических взаимоотношений указанного переходного периода. Венгерским ученым Сючем на примере франков для определения их самосознания был введен термин «гентилизм»; но его работа опирается в основном на признание в качестве ведущей силы в данном явлении так называемой «психической инфраструктуры», т. е. психологического противопоставления одной группы людей другой¹⁷⁴. Сюч исследовал лишь один «кирпичик» и абсолютизировал его, пройдя мимо многих явлений в этнической жизни германских племен. Однако ни в коей мере нельзя сравнивать взгляды Сюча при всех недостатках его теории с такой упрощенной разработкой действия «психической инфраструктуры» в первобытном обществе, которая предложена Ю. М. Лотманом, утверждающим, что взаимоотношения внутри социального коллектива «Мы» регулируются

42

с гыдом, а между коллективами «Мы» — «Они» — страхом¹⁷⁵. История человеческих взаимоотношений

и регулирующих их нормативов бесконечно сложнее этой упрощенной формулы. Некоторые ученые, решая проблемы, связанные с возникновением народа, национальности или нации как определенных типов этнической общности, лишь вскользь коснулись вопроса образования последних, не только не прояснив, но значительно затемнив картину исследования. Таково, например, замечание В. Флейшера о том, что национальность возникает из разложения «der sippen-gebundenen Gens»^{17e}. При такой постановке вопроса совершенно неясен смысл «gens», а также не показаны причины его разложения. Кроме того, правомерно задать вопрос: «Почему первой этнической общностью, следующей за gens, является именно национальность, а не народ или нация?»

Конечно, нельзя в принципе возражать против общего социологического мнения о том, что в варварских обществах этническое самосознание определялось более родственными, нежели политическо-территориальными, как это принимается в основном для определения нации у современных народов, связями^T. Классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что в системе родоплеменных связей именно кровнородственные составляли главный стержень и что кровнородственные связи выражали специфику ранней формы этнической общности людей^T; однако они в то же время не отделяли социальные отношения от экономических. Ф. Энгельс считал основными чертами первобытнообщинного строя родство и общую собственность на землю, не отрывая одну от другой¹⁷⁹. Советскими учеными, опирающимися на учение марксизма-ленинизма, установлено, что «ни на последнем этапе существования первобытного общества, ни в раннеклассовом обществе, ни даже в условиях сложившегося феодализма отношения родства отнюдь не утрачивают своей социальной значимости»; в эти исторические периоды «системы терминов родства... в той или иной мере являются отражением реальных общественных отношений и поэтому могут служить источником и для изучения социальной структуры общества»¹⁸⁰.

В зарубежной историографии роль родства преувеличивается и разбирается в основном с политической точки зрения. Так, например, Г. Г. Брауншвейг выводит верховную власть правителя лишь из отношений родства: на

43

кровном родстве — основе союзнических связей — построены как государственные, так и межгосударственные отношения; из родства вырастает и политическое господство¹⁸¹. Г. М. Чэдвик прямо заявляет, что основными силами в социальной системе первобытности являлись родство и союз. Перечислив формальные признаки родства, давно известные в научной литературе, Г. М. Чэдвик выдвигает на первое место союз, основанный на личных отношениях и заключаемый либо королевскими домами, либо дружинниками^{48Z}. Равно и у Э. Джона, выдвигающего два типа взаимоотношений в англосаксонском обществе: верность роду и верность господину¹⁸³. В этих работах отсутствует разбор социально-экономических отношений, но присутствует стремление доказать при феодализации общества превалирующее значение ленных связей и приниженное или полное отсутствие социально-экономических отношений, которым марксисты придают первенствующее значение¹⁸⁴. Развитие этнических общностей не изолировано от тех социально-экономических и политических факторов, которые наличествуют в исследуемом обществе: оно неразрывно сплетается с ними, взаимопересекается и зависит от них.

Отсутствие каких-либо примеров конкретного исторического (т. е. эмпирического по характеру) исследования поставленной проблемы вынудило, в свою очередь, в данной работе обратиться к изучению методов исследования в тех общественных науках, которые близко, на других примерах, практически или теоретически подходят к решению проблемы зарождения и функционирования как сознания вообще, так и этнического, в частности. Особое внимание, уделенное в представленной работе разбору данных англосаксонского (древнеанглийского) языка, а также использование новейших лингвистических методов обоснованы как непосредственным взаимовлиянием языка и социальной структуры, так и тем, что язык и сам по себе может выступать в качестве одного из социальных факторов, оказывающих известное влияние на социальные процессы. Подчеркивая важность языка как фактора национальной консолидации, Ф. Энгельс отмечал, что именно языковые группы послужили основой для образования национальных государств в Европе и развития национальностей в нации¹⁸⁵. Обращение к языковым данным при исследовании этнического сознания той или иной общности оправдано их ролью при изучении этногенеза того или иного народа¹⁸⁶ и, следовательно, развития сознания не только этнического, но и вообще человеческого. Отмечая непосредственную связь мышления с языком¹⁸⁷, указывая, что «язык есть важнейшее средство человеческого общения»^{*88} и выражает то общее, что присуще развитию человеческого общества¹⁸⁹, В. И. Ленин связывал возникновение сознания и соответственно языка со всей общественной жизнью. Язык в согласии с этой мыслью отражает все процессы — экономические, социальные этнические

и другие, протекающие в обществе.

Переплетение подобных процессов, в свою очередь, влияет и на развитие терминологии, закреплённой в языках исследуемых обществ. Кроме того, терминология будет и должна отражать переходное состояние этих обществ, что значительно затрудняет задачу исследователя и предъявляет к нему определенные требования, а именно: знание предшествующей и последующей эпох, ограничивающих переходный период; знание социально-экономических отношений и духовной жизни общества, поскольку первые влияют на вторую и обуславливают развитие общественного, в том числе этнического, сознания; и, наконец, знание источников и соответственно языка исследуемой общности. Осознание важности анализа терминологии источников, записанных на родных для населения языках (в частности, на древнеанглийском и древнескандинавском для германских обществ) при исследовании всех проблем, относящихся к этим обществам, уже подчеркивалось советскими учеными¹⁹⁰.

В представленной работе древнеанглийский язык с учетом всех его функций исследуется в целях раскрытия развития этнического самосознания англосаксов в переходную эпоху. В работе рассматриваются общность языка и ее роль в деле выработки общности у определенной группы германских племен; последовательно разбираются данные языка, отражающие влияние экономических и социальных отношений на развитие у англосаксов самосознания. При этом поздний генезис феодализма в Англии наложил свой отпечаток и на изменение всей терминологии в англосаксонском языке. Характер многоукладного англосаксонского общества с многочисленными формами дофеодальных отношений повлиял на многоплановость значений в языке, отражающих общественную жизнь. Словарный фонд англосаксонского языка прекрасно показывает процесс приспособления традиций первобытнообщинного строя к иным условиям обществен-

45

ной жизни и использование их при развитии новых социально-экономических отношений, государственности и становлении на основе последних новой формы этнического самосознания. Использование в этой работе достижений смежных наук, в частности последних теоретических выводов этнографии, психологии, лингвистики, истории, применение которых оправдано темой, отнюдь не означает, что работа может быть определена лишь либо как этнографическая, либо лингвистическая и т. д. Она, например, в такой же мере является и исторической, поскольку: 1) в ней рассмотрены источники, издавна считающиеся материалом историков; 2) разбор этих источников проделан на основе и исторических, а не только лингвистических или этнографических и других методов; 3) сам эмпирический подход опирался на те исторические познания, которые наука накопила и сохранила по настоящее время; 4) также непосредственно проведен ряд исторических исследований и соответственно решен ряд исторических проблем, донныне в недостаточной степени разработанных историками, без раскрытия которых невозможны разбор и определение этнического самосознания (например, исследование пережитков родоплеменного строя, эволюции марки, отдельных социальных категорий общества у англосаксов и на континенте; и соответственно ряд уточнений по развитию англосаксонского общества в целом, помогающих ближе подойти к ответу на вопрос о степени феодализации англосаксонской Англии). Вопрос об образовании племен, народностей и наций и внутреннем механизме функционирования этих этнических общностей, как и все прочие вопросы, как-то касающиеся первого, можно успешно решить только при междисциплинарном сотрудничестве общественных наук.

Соответственно сложности решаемой проблемы выбраны источники. Внимание сосредоточено прежде всего на тех, которые отражают эволюцию сознания англосаксов в наиболее чистом виде; как иллюстрации привлечены допускающие сравнения параллели из континентальных памятников.

Один из разделов образуют нарративные памятники. Они в свою очередь распадаются на определенные по типам группы. Памятники на древнеанглийском языке, среди которых представлен как героический эпос, так и дидактические и спекулятивные работы в области теологии, морализирующей и естественной философии, а также

46

древних познаний, зачастую комбинируемых с пророчествами.

В качестве героического эпоса ярким примером может служить крупнейшее произведение (3182 строфы), возникшее на основе народных преданий англосаксонских племен, героических песен и саг скандинавского происхождения,—поэма «Беовульф» (ок. 700 г.). В ней,

как и во всяком любом другом художественном произведении, предметом является вкладываемый в нее личностный, эмоциональный смысл. Этот смысл может быть выражен как одним лицом (автором), так и объединением (сообществом) людей. Но и в том и в другом случаях он выражает все чувства, присущие «всякой личности и всякому человеческому объединению»¹⁹¹. Поэтому любое художественное произведение, в том числе и поэма «Беовульф», служит познанию эмоциональной стороны человеческой действительности. Англосаксонское общество не просто воспринимало поэму. Англосаксы рассматривали события, описанные в ней, как отражение своей собственной внутренней жизни. Поэма способствовала формированию общественного поведения англосаксов при всех возможных обстоятельствах жизни. Художественная реальность, запечатленная в ней, представляла для англосаксов особую форму повседневной жизненной реальности, концентрирующей и передающей смысловое богатство опыта¹⁹². Только в том случае, если поэму рассматривать как целостное культурно-идеологическое образование, через которое фиксируется и передается социально-исторический и жизненно-практический опыт именно германских обществ с присущим только им способом материальной жизнедеятельности и вытекающими из него нормами социальных связей и зависимостей, можно определить истинные ее права и границы как специфической формы духовного освоения действительности¹⁹³.

Поистине верно указывал академик В. М. Жирмунский, что «литература, как и прочие виды идеологий, возникает прежде всего на основе социальной практики — как отражение и осмысление определенной общественной действительности и как орудие для ее перестройки»¹⁹⁴. В поэме «Беовульф» зафиксированы истоки чувства родства всех, и особенно северо-западных германских племен. «У каждого народа,— отмечает С. Т. Калтахчян,— живущего в сравнительно одинаковых, в первую очередь природных, условиях, вырабатывается определенный динамический стереотип видения и воспроизведения действительности»¹⁹⁵. Исследователем подмечена лишь одна из сторон того процесса, который протекал у германских племен.

13. поэме «Беовульф» также отражены предшествующий социальный опыт германских племен и начало развития общества на новой основе. Как указывает М. М. Плисецкий, «героико-эпическая поэзия была важным средством сплочения населения в период возникновения государственности и начала развития национального самосознания»¹⁹⁶. И наоборот, она должна была соответственно диалектическому развитию отражать указанные процессы. Возможно, именно из-за такого переплетения и наложения различных эпох и отношений, отраженных в поэме, А. Я. Гуревич во введении к изданию поэмы указывал, что противоречия, отраженные в ней, проистекали из самой жизни¹⁹⁷. В зарубежной литературе уделяется очень мало внимания социальному содержанию поэмы. Спор сводился и сводится к определению ее авторства, причем в данном случае поднимались в основном два вопроса: «1) является ли поэма по своему происхождению чисто англосаксонской или же представляет собой старосеверный эпос и 2) „народна“ ли она?»

Видный советский исследователь Ю. В. Бромлей указывает, что «культурные традиции в концентрированной форме фиксируют его (этнoса.— *Е. III*) исторический опыт, представляя как бы „память“ о его историческом прошлом»¹⁹⁸. В приведенной фразе уже содержится ответ на первый вопрос. Поэма «Беовульф» является в такой же мере англосаксонским, как и старосеверным эпосом. М. И. Стеблин-Коменский указывал, что на территории Скандинавии во время пребывания англосаксов в Ютландии не существовало сколько-нибудь резких лингвистических границ¹⁹⁹. В этом случае налицо так называемая «гибридная лингвистическая непрерывность». Скандинавские языки вместе с близкой им группой языков, базирующихся на фризском наречии, выполняли двойную роль: они одновременно и отделяли (как и прочие явления примитивной культуры²⁰⁰) германские племена, говорящие на данных языках, от прочей массы германцев, и соединяли их. В поэме «Беовульф» отражен не только этот процесс разъединения германских племен, но и прослеживается непрерывность культурных явлений. Ни один из последующих этапов развития англосаксов как этнической общности не ликвидировал сразу и пол-

48

ностью тех представлений, которые сложились в предшествующий период. Более широкая, чем племенная, этнолингвистическая близость отражалась в сознании англосаксов, создавая представления о «своих» и «чужих» лицах и объединениях лиц. В поэме «Беовульф» отражена та действительность, с которой сталкивалась вся группа северо-западных германцев. Исторические процессы той эпохи зафиксированы в поэме в преломленной художественной форме, в которой показаны и социальные явления иного времени, относящиеся к записи поэмы. Переплетаясь с первыми, они создают причудливый клубок ее фабулы, переносящей социальную действительность, отраженную в поэме, в

не соответствующее ей время.

Художественное произведение, вернее жизнь художественного произведения, начинается только тогда, когда оно становится фактом сознания человека, так или иначе соотносится с его взглядами и эстетическими критериями²⁰¹. Сознание же по своему происхождению и по выполняемым функциям является всегда общественным сознанием. Сознание каждого человека социально, поскольку каждый человек выступает в качестве общественного индивида²⁰². «Производство идей, представлений, сознания,— указывал К. Маркс,— первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»²⁰³.

Единство общественного бытия англосаксов в период преобладания первобытнообщинных отношений, в эпоху господства коллектива обуславливало единство их общественного сознания. Если при этом учесть известное отставание оформления идеологии масс от общего хода общественного развития, в котором сказывается диалектичность общественного развития, и в связи с этим приспособление старых форм этнического сознания к новым для данного общества, то нужно признать «народность» поэмы, кем бы она ни была записана. Сторонники «придворного» характера поэмы ведут речь об окружении, в котором она была записана, как об ее действительном создателе. Нередко ссылаются и на запись поэмы одним лицом.

Однако дух первобытного коллективизма, наделение героев такой же силой, как и коллектива в целом, всесильность чудесного и волшебного указывают на народное происхождение поэмы.

Первобытнообщинная формация оказалась в поэме «Беовульф» перенесенной на всю природу и на весь мир. И поскольку у англосаксов даже к VIII в., когда была записана поэма, еще не сложилось классовое общество, бытие которого преломляется в художественном произведении под воздействием политических отношений и взглядов, постольку же можно считать, что поэма «Беовульф» глубоко народна по своему духу и может и должна служить несомненным источником при исследовании как общественной жизни англосаксов, так и соответственно их сознания.

К циклу англосаксонских поэм относится также «Вид-сид» (VII—IX вв.). Но в отличие от поэмы «Беовульф» это произведение не является одним из нарративных источников, хотя и содержит некоторые их элементы. Приключения в ней случайны (в поэме описаны личные посещения автором исторических мест и лиц) — именно поэтому в поэме так краток пролог, отсутствует стиль припева, нет внутренних речей; она создана в форме речи автора. Все короли, фигурирующие в поэме, жили в разное историческое время (Эрменрик умер в 370 г., Элфвин — в 570 г. и т. д.), что указывает на фиктивность этих путешествий и на использование в поэме латинских источников. Таким образом, поэма «Видсид», в которой в отличие от поэмы «Беовульф» отсутствует выражение социальных стандартов, может рассматриваться как каталогическая поэма с оттенками дидактического характера. Сближает обе поэмы лишь отсутствие в них упоминания самих англосаксов.

Несмотря на отдельные дидактические и христианские мотивы, усматриваемые в поэмах «Беовульф» и «Видсид», их нельзя отнести к так называемой «религиозной» поэзии. Подлинным творцом и основателем ее можно назвать Кэдмона (VII в.). Содержание своих поэм он черпал из более ранних поэтических народных источников, а также от монахов; поэтическая обработка сведений с приданием им религиозного характера — стиль творчества Кэдмона. В его поэзии слышно пение крестьян, однако фабулы заимствованы из христианских историй. Последователем Кэдмона был Кюпевульф (конец VIII — начало IX в.), автор многих поэм, таких, как «Христос», «Юлиана» и др. И в поэзии Кэдмона, и в поэзии Кюне-вульфа богато представлены в завуалированной религиозной форме черты быта, нравов и обычаев времени жизни обоих поэтов; их поэзия может служить источником

50

при исследовании, включая и богато представленные в ней системы родства, которые «в той или иной мере являются отражением реальных общественных отношений и поэтому могут служить источником для изучения социальной структуры общества»²⁰⁴, жизни англосаксов.

Очень ярко повседневная жизнь англосаксов отражена в коротких поэтических произведениях, обычно анонимного характера, таких, как «Странник», «Песня моряка», «Плач женщины» и др., собранных в так называемой «Книге Экзетера». К данной гномической поэзии по своему характеру могут быть отнесены древнеанглийские «Загадки» (XI в.), авторами которых являлись лица, черпающие сведения из различных источников.

Отдельную группу составляют памятники, которые можно использовать как при исследовании глубинных корней зарождения этнического самосознания германских племен в целом, так и при прослеживании отмежевания данного самосознания от его гентильной основы. В нее прежде всего входят произведения самого разнообразного характера многочисленных римских писателей, историков, философов, политических деятелей и др.: труды Варрона (116—27 гг. до н. э.), которые дают также познания по истории, географии и сельскому хозяйству и, кроме того, являются прекрасным материалом для исследования раз-пития терминологии, отражающей становление этнической общности раннего феодализма; в качестве дополнительного материала труды римского историка

Саллюстия (86 — ок. 35 г. до н. э.) «О заговоре Катилины» и «Югур-тинская война», судебные и политические речи, трактаты по риторике, политике, практической и теоретической философии, письма Цицерона (106—43 гг. до н. э.); труды авторов переходной эпохи, такие, как «Римская история от основания города» (в 35 книгах, до 9 г. до н. э.) Тита Ливия (59 г. до н. э.— 17 г. н. э.), «Римская история» с биографическими очерками выдающихся военных и политических деятелей времени принципата Августа — Веллея Патеркула (ок. 19 г. до н. э.—ок. 31 г. н. э.), «Хроника» с 23 биографиями чужеземных полководцев римского историка Корнелия Пепота (ум. после 32 г. до н. э.), диалоги, письма, трактаты, являющиеся, помимо того, одним из ценных источников по возникновению и выработке идеологии христианства, Сенеки (ок. 4 г. до н.э.—65 г. н.э.), которые дополняются работами христианского теолога и писателя, основателя христианского богословия, современника кризиса Римской империи в

51

[11 в. н. э. Тертуллиана (ок. 160 — после 220 г. н. э.), затрагивающего в своих произведениях также вопросы церковной морали и церковной организации. Богато представлена терминология и в 16 сатирах (5 книг) римского поэта-сатирика Ювенала (ок. 60—140 г. н. э.), в сборнике поучительных исторических примеров, составленном для риторических целей с использованием ценного фактического материала из несохранившихся источников, Валерия Максима (I в. н. э.), в «Естественной истории в 37 книгах», детально описывающей быт, экономическую и политическую жизнь и представляющей собой энциклопедию знаний античного мира, Плиния Старшего (23— 79 гг. н. э.) и др.

Следующая группа источников не только богата терминологическим материалом, но и представляет ценнейшие фактические сведения, подтверждающие выводы, сделанные при помощи лингвистического анализа, о жизни англосаксонских и прочих германских племен, а также и их соседей. Такими источниками являются труды римских авторов и работы лиц германского происхождения. Наиболее ранним представителем из римских авторов является Юлий Цезарь (102—44 гг. до н. э.). Его «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданских войнах» отмечены и богаты разработанным терминологией, и тонкой характеристикой отдельных лиц и народов. При привлечении трудов римского историка Публия Корнелия Тацита (ок. 56 г.—ок. 117 г. н. э.) «Германия», где дан очерк общественного устройства, религии и быта германских племен, и в качестве дополнения к нему «Анналов», излагающих события с 14 по 68 г., можно получить ценнейшие сведения по исследуемому вопросу. «Деяния» римского историка Аммиана Марцеллина (ок. 330 г.— ок. 400 г.) хронологически продолжают свидетельства Тацита (от 96 до 378 г.); в них личные наблюдения автора, использование им свидетельств очевидцев создают впечатляющий фон жизни племен, населяющих Юго-Восточную и Центральную Европу. Скучные фразы о северо-западных германцах содержатся в труде византийского историка Прокопия Кесарийского (490—562 гг.) «Война с готами». Ценные географические описания северо-западных германцев есть также в переводе англосаксонским королем Альфредом «Истории» (полное название — «История против язычников в 7 книгах») римского историка Орозия Павла (ок. 380—420 г.). Сведения о саксах и их соседях в языческий период, почерпнутые из народ-

52

ных преданий, носящих большей частью легендарный характер, содержатся также в «Истории саксов» Видукинда Корвейского (ок. 925 — после 973 г.). Вместе с историко-географической работой северогерманского хрониста Адама Бременского (ум. после 1081 г.) «Деяния гамбургских епископов», в которой наиболее интересна для избранной нами темы 4-я книга под названием «Описание северных островов» (приводящая как обширное географо-этнографическое описание древних Дании, Швеции, Норвегии, Исландии и Гренландии, так и сведения о быте, нравах и обычаях, культуре, а также природных условиях прибалтийских племен). Труд Видукинда Корвейского может помочь в раскрытии преобразования в ходе развития этнического самосознания у германских племен латинской терминологии, отражающей это развитие. Для уточнения обычаев и нравов англосаксов как германских племен, глубокими корнями связанных со всем германским миром, можно привлечь источники по другим германским племенам, такие, как, например, «Происхождение племени лангобардов» Павла Дьякона (ок. 720 г.—ок. 799 г.), использующего в своей работе устные предания, письменные источники, свидетельства современников и участников событий, развертывающихся на территории Центральной Европы с древнейших времен до 771 г., «Хеймскрингла» исландского историка Снорри Стурлусона (1179—1241 гг.), в которой собраны саги о норвежских королях и описаны страны Северной Европы с легендарных времен до 1177 г., а также Младшая и Старшая Эдды.

В качестве справочного материала по отдельным событиям и нравам германских племен могут быть привлечены крупнейшие произведения, написанные на древнеанглийском и на латинском языках. Это сочинения англосакса Эльфрика «О временах года», «Беседы» и «Проповеди», составленные в форме поучения; анналы, среди них особенно фульдские, охватывают погодную запись событий с 680 по 901 г. в восточной части франкского государства и отражают, кроме того, характер связи с соседями и Севером. Завершает эту группу памятников большой труд англосаксонского летописца, монаха из Нор-тумбрии Беды Достопочтенного (672—735 гг.). «Церковная история англов» доведена им до 731 г. Она является основным источником по истории Англии англосаксонского времени. Период до 596 г. (первая книга), написанный Бедой на основе ранних устных преданий, наименее до-

53

стоверен. Этот труд на латинском языке, хотя и содержит некоторые сведения из политической и даже социально-экономической жизни англосаксов, наиболее интересен все же для дескриптивной истории и в малой степени может содействовать раскрытию путей становления самосознания новой этнической общности у англосаксов. Односторонность данного памятника несколько снимается переводом его на англосаксонский язык в IX в. королем Альфредом.

Отдельный раздел составляют законодательные и юридические памятники, отражающие совмещение и взаимодействие в пределах одного общества двух укладов — архаического родо-племенного и как бы накладывающихся на него начатков варварской государственности в лице королевской власти и ее окружения. Из такого сочетания проистекает и изменение классификации тех или иных явлений и обычаев с соответствующим изменением самой терминологии источника, приводящим к тому, что некоторые социальные группы фигурируют под необычными для них (с точки зрения родо-племенного уклада) названиями и могут быть отнесены к не совсем подходящей для них рубрике.

Законодательные памятники представлены сохранившимися законами королей Этельберта, Уитреда, Хлотаря и Эдрика, Инэ, Альфреда. Все они весьма разнообразны. Германские племена, завоевавшие Британию, принесли с собой на завоеванную ими территорию обычаи своих племен. Кроме того, источники изданы не в одно и то же время и поэтому не взаимодействуют синхронно. Это не дает возможности для их полного сопоставления.

Законы кентских королей Этельберта и Уитреда, записанные на кентском диалекте и изданные только для кентцев, резко различаются. Законы Этельберта архаичны и специфичны. Основу их составляет старое племенное право без влияния христианства, однако с фиксацией уже зарождающихся феодальных отношений (например, патронат). В законах представлены лишь система вер-гельдов, наказаний, архаичное членение общества еще в рамках разлагающегося родо-племенного строя, однако полностью отсутствуют упоминания об общине, поземельных отношениях и др. Законы же Уитреда (695—696 гг.) фактически не самостоятельны: они продолжают более ранние, что указывает на действие не зафиксированных в законодательстве обычаев на территории Кента. Кроме того, на их выработку сильное влияние оказала церков-

54

пая идеология. Но, несмотря на свою целостность, постановления Этельберта, равно как и Уитреда, из-за своей малочисленности приводят очень мало сведений о жизни кентского населения и могут поэтому быть использованы лишь в сравнении с другими законами. Наиболее полно представлены законы уэссекских королей Инэ (688—695 гг.) и Альфреда (890 г.). Самый ранний юридический памятник Уэссекса — законы Инэ — в оригинале был утерян и сохранился в собрании законов короля Альфреда, но лишь в качестве дубликата. Законы короля Инэ, в которых ощущается влияние постановлений кентских королей Этельберта, Хлотаря и Эдрика, поражают своей целостностью и спецификой. В них с полной определенностью показаны положение местного завоеванного населения и различных слоев уэссекского общества, рост и укрепление королевской власти и служилой знати, административный и политический строй Уэссекса. Незначительные по своему объему, они тем не менее являются ценнейшим источником по общественной жизни западсаксонского королевства. Законы королей Альфреда и Инэ тесно связаны, что дает возможность для их сопоставления. Сам Альфред называет источником своих законов законы королей Этельберта кентского, Инэ, обычаи Уэссекса, короля Мерсии Оффы, а также ряд уголовных кодексов VII—IX вв. В его постановлениях отражено и датское влияние. В отличие от предшествующих памятников права они имели силу на территории всей англосаксонской Англии. Это* юридический памятник не только предоставляет в руки исследователя данные по общественной жи. чпи англосаксов IX—X вв., но и дает воз-

возможность восстановить ход развития этой жизни.

Дополнением к приведенным памятникам служат юридические источники последующего времени, весьма разнородные по своему характеру, но восполняющие пробелы по тем или иным исследуемым вопросам: законы Этельстапа (925—936 гг.), действующие на территории всей Англии, но явно представляющие произведение духовенства; II Закон Этельстана (925—935 гг.), являющийся областным постановлением для Кента и Уэссекса, в котором использованы постановления королей Инэ и Альфреда, а также договор Эдуарда с Гутрумом (921—938 ? гг.); записанный на латыни III Закон Этельстана (928-938 гг.); IV Закон его же (929-939 гг.); VI Закон для Лондона его же (930—940 гг.); I Закон Эдмунда (апрель 942 г.—март 946 г.), изданный в Лондоне для

55

северной Англии; IV Закон Эдгара (962—963 гг.); I (980—1013 гг.) и II (991 г.) Законы Этельреда для Уэссекса; V и VI Законы его же, с использованием утерянных постановлений короля Энгема (1008 г.); законы Кнута от 1020 и 1027 гг. Перечисленные законы и постановления обнаруживают огромное влияние церкви; помимо того, все они сохранились в нескольких списках. Единовременные латинские комментарии к ряду постановлений, включая законы Альфреда, дают возможность уточнить не совсем ясные выражения.

Особняком стоят так называемые законы Вильгельма Завоевателя. Статьи записаны как на латыни, так и на древнефранцузском языке; они интересны для сопоставления развития тех или иных институтов на территории Англии и на континенте. Законы Генриха I и Эдуарда Завоевателя довершают эту группу памятников, они по времени выходят за пределы функционирования англосаксонского общества и открывают новую эпоху жизни населения Англии. Эти законы могут быть использованы как исследователем англосаксонского общества, так и исследователем английского средневековья. Отдельную группу среди юридических памятников образуют отрывки, формулы, частные работы юридического и канонического характера, грамоты, собранные Кемблем, Робертсоном и Бирхом (грамоты приводят односторонние сведения и неравномерно распределяются по хронологическим периодам), и договоры между отдельными королями и областями. Среди повелений необходимо отметить договоры королей Альфреда и Эдуарда с датским предводителем Гутрумом (записаны на западносаксонском диалекте), они интересны как наиболее ранние документы проявления единого сознания почти всего англосаксонского населения. Договор о пограничной области Дунсэте позволяет исследовать отношения между англосаксонским и уэльским населением. Равный характер носит «Lad» Вильгельма, регулирующий отношения между англосаксами и нормандцами, прибывшими в Англию как до завоевания со Вильгельмом, так и вместе с Вильгельмом.

Среди юридических отрывков необходимо выделить постановления, пестрые по своему характеру. К ним относятся «Almosen» I Закона Этельстага (927—937 гг.), постановление Псевдо-Кнута «de Foresta», «Gerefa», детально описывающие обязанности каждой группы населения и порядок управления королевским доменом. «Законы Северных людей» (Northleoda laga) и «Мерсийские поста-

5R

новления» (Mircna laga), излагающие традиционную для родо-племенного сознания форму удовлетворения иска, являются юридическими компиляциями X — начала XI в., опирающимися, однако, на положения, взятые из права VII в.; они фиксируют не только экономическое, но и социальное положение отдельных групп населения англосаксонской Англии. Из канонических постановлений можно выделить «Йоркские постановления» в Йорке (Hadbot), определяющие штрафы за телесное повреждение в пользу клириков, «Нортумбрийский церковный закон» (Northcumbra ciricgrith) и «Епископ» (Episcopus), устанавливающие обязанности епископов. Канонические постановления приводят сведения о делах церкви. Они помогают воссоздать картину социально-экономической жизни англосаксов. Подобные данные содержатся в формулах, таких, например, как «Hit Weswaeth». К ним примыкают отрывки самого разнообразного характера, касающиеся судопроизводства и правовых норм и обычаев: «Определение размеров вергельдов для различных слоев общества» и порядок их уплаты (944—1060 гг.); «Образец принесения присяги» (Swerian, 920—1050 гг.); «Образец отлучения от церкви и изгнания из общества провинившегося» (Excommunicatio VII 950—1100 гг.); «Табель о рангах» (Gctyntho, 1029—1060 гг.) и перекликающиеся с ним более ранние «Постановления об обязанностях и повинностях разных лиц в поместье и порядок

управления им» (*Rectitudines Singularum Personarum*, 960/1025—1060 гг.); «Об обязанностях судей» (*Judex*, 980—1050 гг.); закон, определяющий места, находящиеся под особой охраной, и порядок сохранения и установления в них мира (*Grith*, 1028—1070 гг.); закон, устанавливающий порядок принесения присяги тэном (*AD*, 950—1050 гг.); «Порядок ведения и функции сотспных собраний» (*Hundredgomol*, X в.), «Наказания, следующие за угон скота» (*Forfang*, 900—1000 гг.) и, наконец, «Порядок обручения с девушкой или женщиной» (*Wifmannos Bewedthmg* 970/1030—1060 гг.). Взятые в целом, эти постановления позволяют дорисовать картину жизни англосаксонского общества. Для уточнения положения некоторых групп населения, которое недостаточно отчетливо отражено в англосаксонских источниках, неизбежно приходится обращаться к континентальным источникам, близким по характеру англосаксонским,— это саксонская и фризская Правды, отражающие интересное сочетание крайне архаи-

57

ческих черт быта с чертами возникающего феодального строя, и, конечно, постановления франкских и лангобардских королей. Однако справочный материал по тем или иным вопросам исследуемой проблемы можно найти практически во всех древних западноевропейских законах.

Дополняют все эти сведения археологические памятники. Но еще и еще раз необходимо подчеркнуть исключительное значение письменных источников, которое заключается в том, что даже небольшие и, казалось бы, попутные упоминания, содержащиеся в них, могут открыть путь для объяснения сложнейших процессов, протекавших в обществах, давно исчезнувших с карты Европы, но оставивших свое наследство современным народам.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 39. С. 67.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 223.

³ Улепов А. К. Структура общественного сознания: Теоретико-социологическое исследование. М., 1968. С. 219.

⁴ См., напр.: *Parsons T.* The system of modern societies. Englewoorl Cliffs, 1971; *Idem.* Societies. Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs, 1966; *Smelsor N. J.* Social perspectives. Englewood Cliffs, 1966; *Idem.* Social change in the industrial revolution: An application of theory to the British cotton industry. Chicago, 1959.

⁵ См., напр.: *Vernant J.-P.* Mythe et pensee chez les Grecs: Etudes de psychologie historique. Paris, 1971. V. 1-2; *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragedie en Greco ancienne. Paris, 1973; см. также: *Розовская И. И.* Проблематика социально-исторической психологии в зарубежной историографии XX века // ВФ. 1972. № 7; *Лницыферова Л. И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974. С. 219-247.

⁶ См., напр.: *Foucault M.* Folie et deraison. Histoire de la folie a Fage classique. Paris, 1961; *Idem.* Les Mots et les choses. Paris, 1966; *Idem.* L'archeologie du savoir. Paris, 1969.

⁷ *Bright W.* Language, social stratification and cognitive orientation//Exploration in sociolinguistics. International Journal of ame-rican linguistics. 1967. Vol. 33, N 4. P. 185.

* См., напр.: *Fishman J.* Advances in the sociology of language// Advances in the sociology of language. The Hague, 1971. Vol. 1. Basic concepts, theories and problems: alternative approaches. P. 10.

⁹ Anthropology. Englewood Cliffs, 1970. P. 31.

¹⁰ См., напр.: *Malinowski li.* The dilemma <rf contemporary linguistics // Language in culture and society. New York. 1904. P. 63—65; ср.: *Idem.* Magic, science and religion and other essays. Glencoe, 1948.

¹¹ См., напр.: *Bright W.* Introduction//Sociolinguistics. The Hague, 1966. P. 11.

¹² *Жирмунский В. М.* Марксизм и социальная лингвистика//Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. С. 5.

¹³ См., напр.: *Дешериев Ю. Д.* Проблема функционального развития языков п задачи социолнгвистики // Язык и общество. М., 1908.

58

¹⁴ См., папр.: *Федосеев П. Н.* Некоторые вопросы развития советского языкознания // Теоретические проблемы современного языкознания. М., 1964. С. 34.

¹⁵ См., напр.: Русская диалектология/Под ред. Р. А. Аванесова и В. П. Орловой. М., 1965.

¹⁰ См., напр.: *Дешериев Ю. Д.* Проблема ... С. 56; *Deseriev J.* Social linguistics // Linguistics. 1973. October. 113. P. 7.

¹⁷ *Швейцер А. Д.* Современная социолнгвистика: Теория, проблемы, методы. М., 1976. С. 38; *Klaus G.* Die Macht des Wortes. Ein erkenntnisstheoretisch-pragnatisches Traktat. Berlin, 1963; *Neumann W.* Zur Clarakteristik des sprachlichen Zeichens, gesel-schaftliche Detenniniertheit und sprachliche Bestimmung. Eine Skizze // Linguistische Studien. Berlin, 1973. Reihe A: Arbeitsbe-richte. H. 2; *Hartung W.* Die Macht des Wortes als gesellschaftU-chcs und linguistisches Problem. Berlin, 1969.

¹⁸ *Пазиев А. Т., Исаев М. И.* Язык и нация. М., 1973. С. 87-88.

¹⁹ *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.

- С. 274—275; *Анциферова Л. И.* Материалистические идеи ... С. 63.
- ²⁰ *Анисимов А. Ф.* Духовная жизнь первобытного общества. М.; Л., 1966. С. 72.
- ²¹ *Орбели И. А.* Восток и Запад в XII-XIII веках//ВИ. 1966. № 4. С. 106.
- ²² *Уледов А. К.* Структура ... С. 221.
- ²³ *Ленин, В. И.* Поли. собр. соч. Т. 8. С. 73; Т. 24. С. 147; *Куш-нер П. И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 8.
- ²⁴ *Клементьев Е. И.* Социальная структура и национальное самосознание: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 3.
- ²⁵ См., напр.: *Токарев С. А.* К постановке проблем этногенеза// СЭ. 1949. № 3. С. 22.
- ²⁸ *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. И.* Этнические процессы и информация // Природа. М., 1972. № 6. С. 60.
- ²⁷ *Арутюнов С., Чебоксаров Н.* Этнос, популяция и раса//Тез. докл. сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 17; *Бром-лей Ю. В.* К характеристике понятия «этнос» // Расы и народы. М., 1971. Вып. 1. С. 20.
- ²⁸ *Горбачевич К. С.* Язык — памятник культуры. Л., 1965. С. 4.
- ²⁹ *Паллер 9. А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969. С. 16-17.
- ³⁰ *Агеев А. Г.* Нация, ее сущность и самосознание//ВИ. 1967. № 7. С. 58.
- ³¹ См., напр.: *Клементьев Е. И.* Социальная структура и национальное самосознание, С. 1—3; *Беркович М. Е.* О характере немецкой средневековой этнической общности в XI—XIII вв.//СВ. М., 1973. Вып. 36. С. 168.
- ³² См., напр.: *Токарев С. А.* Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 260; *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1965. С. 294.
- ³³ *Роас Ф.* Ум первобытного человека. М.; Л., 1926. С. 81.
- ³⁴ Там же. С. 83.
- 59
- ³⁵ *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. С. 130.
- ³⁶ *Гроссе Р.* О соотношении языка и нации // Иностранные языки в школе. М., 1970. № 3; *Grosse R, Neubert A.* Thesen zur marxistisch-linguistischen Soziolinguistik // Linguistischen Arbeitsberichte. Leipzig, 1970. S. 3-4.
- ³⁷ См., напр.: *Головин Б. Н.* Вопросы социальной дифференциации языка//Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. С. 347.
- ³⁸ См., напр.: *Labov W.* The study of English in its social context// Sociolinguistics. The Hague, 19(50).
- ³⁹ См. напр.: *Fishman J.* Sociolinguistics. A brief introduction. Rowley, 1971. P. 21-22.
- ⁴⁰ Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований. М., 1972. С. 231
- ⁴¹ См.: *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. С. 5. ¹² *Токарев С. А.* Проблемы ...С. 246.
- ⁴³ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 39. С. 67.
- ⁴⁴ *Косвен М. О.* О периодизации первобытной истории // СЭ. 1952. № 3. С. 157.
- ⁴⁵ *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970. С. 112.
- ⁴⁶ *Кабо В. Р.* История первобытного общества и этнография: (К проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии) // Охотники, собиратели, рыболовы: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 54.
- ⁴⁷ *Бродель Ф.* История и общественные науки: Историческая длительность//Философия и методология истории. М., 1977. С. 115—142 (особенно с. 141); *Ласлетт П.* История и общественные науки//Там же. С. 199—215; *Фюре Ф.* О некоторых проблемах, поставленных развитием количественной истории // Там же. С. 245-261 (особенно с. 260-261); *Мэнюэл Ф. Е.* О пользе и вреде психологии для истории//Там же. С. 262-288 (особенно с. 284); *Хобсбоум Э. Дж.* От социальной истории к истории общества // Там же. С. 289-321.
- ⁴⁸ См., напр.: *Lane R. E.* Political ideology: Why the American common man believes what he does. New York, 1962; *Erikson E.* // Young Man Luther: A Study in psychoanalysis and history. New York; Norton, 1958; *Demos J.* Underlying themes in the witen-craft of seventeenth century. New England//American Historical Review. 1970. Vol. 73. P. 1311-1326.
- ⁴⁹ См.: Centre formation. Nation-Building and cultural diversity: Report on a symposium organized by UNESCO (28 августа - 1 сентября 1968 г.).
- ⁵⁰ *Tilly Ch.* The Vandee. New York, 1956.
- ⁵¹ *Smelser N.* Social change in the industrial revolution. New York, 1964.
- ⁵² *Nicks I.* The theory of wages. New York, 1932; *Hagen E.* On the theory of social change: How economic growth begins. London, 1964.
- ⁵³ См., напр.: История и социология. М., 1964; *Поршнев В. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Вайнштейн О. Л.* Теоретические дисциплины истории//Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; *Дробизеев Л. М.* История и социология. М., 1971; История и психология. М., 1971; и др.
- 60
- Ковалевский М. М.* Очерк происхождения и развития семьи // собственности. М., 1939. С. 18.
- Там же. С. 20.
- Толстой С. П.* Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии//ВИ. 1961. № 11. С. 107.
- См., напр.: *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические

границы. М., 1951. С. 43-44.

Удальцова З. В. Генезис и типология феодализма // СВ. М., 1978. Вып. 34 С. 13-38.

Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 27. С. 386. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 13. С. 7.

Stenton F. Anglo-saxon England. Oxford, 1943; *Idem*. The first century of English feudalism. Oxford, 1961; Whitelock D. The beginnings of English society. London, 1952; Loyn H. R. Anglo-Saxon England and the Norman conquest. London, 1961; Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon age. London, 1973. P. 122-123. Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государств-ра и общества в средние века. М., 1937.

Виноградов П. Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887; *Он же*. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911. Seebohm F. The English village community. London, 1904. P. 144, 420.

Seebohm F. Tribal customs in Anglo-Saxon law being an essay supplemental to 1) «The English village community», 2) «The tribal system in Wales». London, 1911.

Stephenson C. Feudalism and its antecedent in England // American historical review. 1943. Vol. 48, N 2.

См., напр.: Гуревич А. Я. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии // СВ. М., 1955. Вып. VII. С. 31; *Он же*. Английское крестьянство в X-начале XI в. // СВ. М., 1957. Вып. IX. С. 71-72, 75; Соколова М. Н. Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII-X веках // СВ. М., 1955. Вып. VI. С. 43; Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956. С. 218-219, сн. 4; Петрушевский Д. М. Очерки из истории ... С. 32; Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1965. С. 13; см. также в работах зарубежных авторов: Chadwick H. M. Studies on Anglo-Saxon institutions. Cambridge, 1905. P. 112-114; *Idem*. The heroic age. Cambridge, 1967. P. 352; Fossier R. Histoire sociale de l'occident medieval. Paris, 1970. P. 62.

⁸ См., напр.: Addyman P. B. Saxon Southampton: a town and international port of the 8th to the 10th century // Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1973. T. 1. S. 227; Wallace-Hadrill J. M. Early Germanic kingship in England and on the continent. Oxford, 1971. P. 23; Wilson D. M. The Anglo-Saxons. London, 1960. P. 84-88; Stenton F. Anglo-Saxon England. P. 60; Dark age Britain/Ed. D. B. Hasden. London, 1956. P. 219-220; Aberg N. The Anglo-Saxon in England. During the early centuries after the invasion. Uppsala, 1926. P. 2-4.

⁹ Deanesly M. Roman traditionalist influence among the Anglo-Saxons // The English historical review. 1943. Vol. 58, N 230.

⁰ Ibid. P. 130, 133, 136-137, 142; Stenton F. The Anglo-Saxon England. P. 62; среди более ранних работ см.: Chadwick H. M. Studies on Anglo-Saxon institutions. I. 112.

Lindsey I. Arthur and his times. Britain in the dark ages, London. 1958. P. 278-290; Finberg H. R. Roman and Saxon Wiltshire. Leicester, 1955. P. 84.

Blair P. H. An introduction to the Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956. P. 21; Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon age. P. 46-49. Wilson D. M. The Anglo-Saxon. P. 32; Collingwood R. G. Roman Britain and the English settlements. Oxford, 1945. P. 451. Jackson K. H. Language and history in early Britain. Edinburgh, 1953. P. 97-117.

Collingwood R. G. Roman Britain... P. 455.

См., напр.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства... С. 152—225, 245—262; *Он же*. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 157-166; Соколова М. Н. К вопросу о положении полусвободных в англосаксонском обществе // СВ. М., 1964, Вып. XXVI.; см. также: Колесницкий Н. Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // ПИДО. М., 1968. Кн. 1. С. 620.

Неусыхин Л. И. Возникновение зависимого крестьянства. С. 220 и след.

Freeman E. J. The growth of the English constitution. From the earliest times. London, 1906. P. 168, 170, ср. P. 12.

Chadwick H. M. Studies on Anglo-Saxon institutions. P. 105, 114.

Ibid. P. 95, ср. P. 113.

Chadwick H. M. The origin of the English nation. Cambridge, 1924. P. 297.

Seebohm F. Tribal customs in Anglo-Saxon law...

Stephenson C. The problem of the common man in early Medieval Europe // American historical review. 1946. Vol. 51, N 3. P. 419-438.

Соколова М. И. Свободная община ... С. 43—45.

John E. Land tenure in early England. Welwyn Garden City, 1960;

Loyn H. R. Anglo-Saxon England. New York, 1970.

John E. Orbis Britanniae. Leicester, 1966. P. 147-149; Loyn H. R. Anglo-Saxon England and the Norman conquest. P. 213.

Stenton F. Anglo-Saxon England. P. 688.

Ibid. P. 296-297.

Stubbs W. The constitutional history of England. Oxford, 1874 Vol. 1. P. 107.

Ibid. P. 216.

Maitland F. The constitutional history of England. Cambridge, 1908. P. 58.

Pollock F., Maitland F. The history of English law. Cambridge, 1898. Vol. 1. P. 25.

Richardson H., Sayles G. Law and legislation from Aethelberth to Magna Carta. Edinburgh, 1966. P. 5.

См., напр.: Виноградов П. Средневековое поместье в Англии. С. 124, 245 и др.; Vinogradoff P. The growth of the

manor. London, 1905; *Idem*. Villainage in England. Oxford, 1892. P. 405. *Vinogradov P.* Villainage in England. P. 405. См., напр.: *Косминский Е. Л.* О некоторых характерных чертах английского феодализма // СВ. М., 1960. Вып. XVII; *Он же*. Английская деревня в XIII вене. М.; Л., 1935; *Он же*. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947:

Барз М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI-XIII вв. М., 1962; и др.

⁹⁷ *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века; *Он же*. Очерки из истории средневекового государства и общества. СПб., 1922.

⁹⁸ *Blair P. H.* An introduction...; *John E.* Orbis Britannie; *Loyn B. A.* Constitutional and legal history of medieval England. New York, 1960; *Chaney W. A.* The cult of kingship in Anglo-Saxon England. Berkeley and Los Angeles, 1970.

⁹⁹ *Blair P. H.* An introduction... P. 194-244.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 245-300.

¹⁰¹ *Loyn H. R.* Anglo-Saxon England and the Norman conquest. P. 295-302; *Maitland F. M.* The constitutional history of England; *Chadwick H. M.* Studies on Anglo-Saxon institutions. P. 309, 313, 318, 328.

¹⁰² См., напр., работы западногерманских историков: *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. Weimar, 1959. Kap. 1-3; *Idem*. Formen der Adels Herrschaft im Mittelalter. Weimar, 1957; *Bosl K.* Franken um 800. München, 1969; *Mayer Th.* Die Ausbildung der Grundlagen des modernen deutschen Staates im hohen Mittelalter. Darmstadt, 1956.

¹⁰³ *Bader K. S.* Volk, Stamm, Territorium // Herrschaft und Staat im Mittelalter (Wege der Forschungen. Bd. II). Darmstadt, 1956. S. 94; *Dannenbauer H.* Adel, Burg und Herrschaft bei den Germanen // *Ibid.* S. 110; ср.: *Bader K. S.* Das mittelalterliche Dorf als Friedens- und Reichsbereich. Weimar, 1962. Bd. II. S. 244-245.

¹⁰⁴ *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1892. Bd. 1. S. 134; *Planitz H.* Germanische Rechtsgeschichte. Berlin, 1941. S. 13.

¹⁰⁵ *Mayer Th.* Die Königsfreien und der Staat des frühen Mittelalters, Das Problem der Freiheit in der deutschen und schweizerischen Geschichte // Vorträge und Forschungen. Lindau; Konstanz, 1955. S. 17-18, 23.

¹⁰⁶ *Krag H.* Untersuchungen zum Amt des «Centenarius-Schultheißi» // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. G. A. Weimar, 1970. Bd. 87 (100). S. 1-3, 10, 27, 29; *Ebner H.* Das freie Eigen. Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Klagenfurt, 1969. S. 129-137, 287.

¹⁰⁷ *Dopsch A.* Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. S. 1., 1921-1922. Bd. 1-2. Aufl.; *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. S. 8-9, 12, 16; *Bognetti G. P.* Un gastaldato longobardo e i giudicati di Adalardo, Arialdo e Pertarido nella lite fra Parma e Piacenza // L'eta longobarda. Milano, 1966. Vol. 1. P. 267; *Idem*. Arimannie e Guariganghe // *Ibid.* Vol. 1. P. 4, 29, 31; *Idem*. Arimannie nella città di Milano // *Ibid.* P. 33-83; *Idem*. L'influsso delle istituzioni militari romane sulle istituzioni longobarde del secolo VI e la natura della «fara» // *Ibid.* Vol. 3. 1967. P. 1-47; *Idem*. I «Loca Sanctorum» o la Storia della Chiesa nel regno dei Longobardi // *Ibid.* P. 323; *Idem*. Storia, Archeologia e Diritto nel problema dei Longobardi // *Ibid.* P. 224-225, 227; *Idem*. S. Maria Foris portas di Castelseprio e la Storia Religiosa dei Longobardi // *Ibid.* Vol. 2. 1967. P. 58, 62-65, 148, 184; *Idem*. Longobardi e Romani // *Ibid.* Vol. 1. P. 139-141; *Schneider F.* Die Entstehung von Burg und Landgemeinde in Italien. Berlin, 1924. S. 89, 103, 111-112; *Idem*. Die Reichsverwaltung in Toskana von der Gründung des Langobardenreiches bis zum Ausgang der Staufer Rom. O. P., 1914. S. 180-185; *Bader K. S.* Studien zur Rechtsgeschichte des

62

63

mittelalterlichen Dorfes. Weimar, 1957. Bd. 1; *Savigny C. Fr. von.* Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. Heidelberg, 1815. Bd. 1, cap. 7, § 58-59, S. 202; *Bethmann-Hollweg M. A. von.* Ursprung der lombardischen Stadtfreiheit. Bonn, 1846. S. 130; *Roth H.* Geschichte des Beneficialwesens. Erlangen, 1850. S. 374-375; *Fasoli G.* I Longobardi in Italia. Bologna, 1965. P. 42, 44, 70; *Brezzi P.* Politica, economia, vita sociale. Roma, 1962. P. 217, 220, 248; *Mengozi G.* La città italiana nell'alto Medio Evo. Firenze, 1931. P. 109, 117; *Leicht P. S.* Studi sulla proprietà fondiaria nel Medio Evo. Verona, 1903. Vol. 1. P. 41; 1907. Vol. II. P. 87.

¹⁰⁸ *Palgrave F.* History of the Anglo-Saxons. London, 1831; *Stubbs W.* The constitutional history of England; *Freeman E. A.* The growth of the English constitution; *John E.* Orbis Britannie. P. 22-23, 138, 140-142; *Loyn H. R.* The king and the structure of society in late Anglo-Saxon England // History. 1957. Vol. 42, N 145. P. 95-98.

¹⁰⁹ *Maitland F. M.* The constitutional history of England. P. 82; *Loyn H. R.* Anglo-Saxon England and the Norman conquest. P. 213; *Loyn B. J.* Constitutional and legal history of medieval England. New York, 1960. P. 67-82; *Harding H.* The social history of English law. Baltimore, 1966. P. 20.

¹¹⁰ *Корсунский А. П.* Образование раннефеодального государства и Западной Европе. М., 1963. С. 137-138.

¹¹¹ *Dannenbauer H.* Hundertschaft. Centena und Hunlari. Stuttgart, 1958. S. 188.

¹¹² *Kemble J. M.* The Saxons in England. A history of the English commonwealth till the period of the Norman conquest. London, 1848-1849. Vol. 1-2.

¹¹³ *Ibid.* Vol. 2. P. 41; *Palgrave F.* History of the Anglo-Saxons.

¹¹⁴ *Chadwick H. M.* The heroic age. P. 376-377; *Stenton F.* Anglo-Saxon England; *Loyn H. R.* The king and the structure... P. 86; *Wal-lace-Hadrill J. M.* Early Germanic kingship... P. 8.

¹¹⁵ *Seebotim F.* The English village community; *Deanesly M.* Roman traditionalist influence among the Anglo-Saxons // The English historical review. 1943. Vol. 58, N 230. P. 129-146.

¹¹⁶ *Palgrave F.* History of the Anglo-Saxons. P. 142; *Seebotim F.* The English village community. P. 144, 420.

¹¹⁷ *Kemble J.* The Saxons in England. Vol. 1. P. 95, ср.: *Freeman E. A.* The growth of English constitution; *Stubbs W.* The constitutional history of England; *Liebermann F.* The national assembly in the Anglo-Saxon period. Halle, 1913.

¹¹⁸ *Chadwick H. M., Chadwick N. K.* The growth of literature. Cambridge, 1932. Vol. 1: The ancient literatures of Europe. P. 554-556; *Chadwick H. M.* The heroic age. P. 47, 73.

¹¹⁹ *Klaeber Fr.* Aeneis und Beowulf // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. Braunschweig, 1911. Bd. 126. S. 40-48, 339-359.

¹²⁰ Cook A. S. Greek Parallels to Certain Features of the Beowulf// Philological quarterly. A journal devoted to scholarly investigation of the classical and modern language and literatures. Joma, 1926. Vol. 5. P. 226-234; Brandt A. Beowulf-Epos und Aonois in systle-malischer Vergleichung// Archiv fur das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. Braunschweig, 1937. Bd. 171. S. 161-173.

¹²¹ Huppe B. F. Doctrine and poetry. Augustine's influence on old English poetry. New York, 1959. P. 231-233.

¹²² Derolez ft. Anglo-saxon literature: «Attic» or «Asiatic»? Old English poetry and its latin background // English studies today. 2nd

series. Bern, 1961. P. 93-105; Brodeur A. G. The art of Beowulf. Berkeley; Los Angeles. 1960; Ogilvy J. D. A. Books known to anglo-latin writers from Aldhelm to Alcuin (670-804). Cambridge (Mass.), 1936.

¹²³ Magoun F. P. Oral-formulaic character of anglo-saxon narrative poetry//Speculum. A journal of medieval studies. Cambridge (Mass.). 1953. Vol. 28. P. 446-467; Idem. Bede's story of Caedman: The case history of an anglo-saxon oral singer // Speculum. A journal of medieval studies. 1955. Vol. 30. P. 49-63.

¹²⁴ Гуревич А. Я. Средневековый героический эпос германских народов//Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Ниблунгах. М., 1975. С. 8-14; Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.

¹²⁵ О происхождении главного героя поэмы см.: Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. P. 224, 444; о построении поэмы в виде устной речи см.: Ibid. P. 565; также см.: Chadwick N. K. The monsters and Beowulf//The anglo-saxons studies in some aspects of their history and culture presented to Bruce Dickins/Ed. by P. Clemoes. London, 1959. P. 171-203.

¹²⁸ Chadwick H. M. The heroic age. P. 55.

¹²⁷ Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. P. 20.

¹²⁸ Chadwick H. M., Chadwick N. K. The study of anglo-saxon. Cambridge. 1941. P. 4; Idem. The heroic age. P. 82-84, 86, 93; Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. P. 79, 186.

¹²⁴ См., напр.: Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. P. 65; см. также: Girvan R. Beowulf and the seventh century. Language and content. London, 1971. P. 40, 42-43.

¹³⁰ Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. P. 24, 81-85, 87, 95; Chadwick H. M. The heroic age. P. 34.

¹³¹ Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. P. 65.

¹³² Ibid. P. 68-71, 78-79.

¹³³ Ibid. P. 597-598.

¹³⁴ Ibid. P. 596-597, 619, 626; Chadwick H. M. The heroic age. P. 79. ¹³⁵ См., напр.: Beowulf. Mit ausführlichen Glossar. Paderborn, 1863

(Далее: Beov.). 1166, 1457, 2105. ^{13e} Ibid. 868-870.

¹³⁷ Chadwick H. M. The heroic age. P. 83.

¹³⁸ Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. P. 552.

¹³⁹ Chadwick H. M. Studies on anglo-saxon institutions. P. 60.

¹⁴⁰ Girvan R. Beowulf and the seventh century. P. 27.

¹⁴¹ Ibid. P. 82.

¹⁴² Chadwick H. M. The heroic age. P. 113; ср. P. 112, 116.

¹⁴³ У советских филологов при признании отражения поэмой реальной жизни общества в эпоху родового строя встречается указание на «автора» поэмы, на так называемого ее «творца», который выступает в качестве отдельного лица (см., напр.: Алексеева Л. С. Древнеанглийский язык. М., 1971. С. 59—61). Это подобно абсурдному указанию на то, что «автором» русских народных сказок, былин и т. д. является лицо такое-то, вместо «собрал и обработал такой-то».

¹⁴⁴ Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. P. 14, 437-442; Chadwick H. M. The heroic age. P. 21, 32; Girvan R. Beowulf and the seventh century. P. 8.

¹⁴⁵ Sarrazin G. Beowulf-Studien. Ein Beitrag zur Geschichte altger-manischer Sage und Dichtung. Berlin, 1888. S. IV.

¹⁴⁶ Chadwick H. M. The heroic age. P. 28, 38-40.

64

3 Е. А. Шервуд

65

¹⁴⁷ Ibid. P. 13.

¹⁴⁸ Ibid. P. 3, 9, 60, 61, 80, 136-138, 148, 153-158, 161, 202, 208, 217, 224, 233, 294; Beowulf and its analogues/Transl. by G. N. Garmon-sway, J. Simpson. London; New York, 1968. P. 91-349.

¹⁴⁹ Chadwick H. M. The heroic age. P. 34-36, 60-61, 119-137, 148, 153-161; Idem. The study of anglo-saxon. P. 3-4; Chadwick N. K. The monsters and Beowulf. P. 171-203; Girvan R. Beowulf and the seventh century. P. 57-84; Beowulf and its analogues. P. 91.

¹⁵⁰ См., напр.: Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literatures. P. 523.

¹⁵¹ Sarrazin G. Beowulf-Studien. Einleitung.

¹⁵² См., напр.: Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literatures. P. 81; Chadwick H. M. The heroic age. P. 33, 38.

¹⁵³ Leake J. A. The geats of Beowulf. A study in the geographical mythology of the middle ages. Madison; London, 1967. P. 133.

¹⁵⁴ См., напр.: Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному: (На материале истории Западной Европы раннего средневековья) // ПИДО. М., 1968. Кн. 1. С. 614.

¹⁵⁵ Удальцова З. В. Генезис и типология феодализма//СВ. М., 1971. Вып. 34. С. 13-38.

¹⁵⁶ См., напр.: Binchy D. A. Celtic and anglo-saxon kingship. Oxford, 1970; Wallace-Hadrill J. M. Early Germanic kingship in England and on the continent...

¹⁵⁷ См., напр.; Joliffe J. E. A. Prae-feudal England: the jutes. London, 1933. P. 4, 40-47, 117; Idem. The constitutional history of medieval England. London, 1947. P. 23-29, 32, 46; Lees B. Alfred the Great. New York, 1972; ср.: Bader K. S. Volk, Stamm, Terri-torium. S. 244-248; Freeman E. A. The growth of the English constitution. P. 68.

¹⁵⁸ Корсунский Л. П. Образование раннефеодального государства.. С. 73-77, 139. 142.

- ¹⁵⁹ *Loyn H. R.* The king and the structure... P. 88-90.
- ¹⁶⁰ *Корсунский А. П.* Образование раннефеодального государства... С. 73 и след., 132; *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период... С. 615.
- ¹⁶¹ *Гуревич Л. Я.* Из истории имущественного расслоения...; *Он же.* Английское крестьянство... С. 100-115; *Он же.* Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // СВ. М., 1953. Вып. IV; *Соколова М. Н.* Свободная община...; *Она же.* Возникновение феодального землевладения и класса феодалов в Англии VII—X вв.//СВ. М., 1958. Вып. XII.
- ¹⁶² *Соколова М. Н.* Поместье в Англии до нормандского завоевания // СВ. М., 1969. Вып. 32. С. 102-103.
- ¹⁶³ *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. С. 90.
- ¹⁶⁴ См., напр.; *Maitland F. M.* Domesday and beyond. Cambridge 1897. P. i2; *Hoskins W. G.* The making of the English landscape. London. 1957. P. 49.
- ¹⁶⁵ *Loyn H. R.* Gesith and thegns in anglo-saxon England from the seventh to the tenth century//The English historical review London, 1955. Vol. LXX.
- ¹⁶⁶ См., папр.: *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. С. 75, 78.
- ¹⁶⁷ *Корсунский А. П.* Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе//СВ. М., 1968 Вып. 31.
- ¹⁶⁸ *Chadwick П. М., Chadwick N. K.* The growth of literatures P. 81-82, 85; *Chadwick H. M.* The heroic ago. P. 33
- ¹⁶⁹ *Leal; c. J. I.* The geats of Beowulf. P. 133
- ¹⁷⁰ См., напр.: *Chadwick H. M., Chadwick N. K.* The growth of literature. P. 270; *Schlijzer A.* Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771; *Thunmann M. J.* Untersuchungen iiber die alte Geschichte einiger nordischen Volker. Berlin, 1772; *Rossig K. G.* Die Altert-uummer der Deutschen in einem kurze Entwurf'e dargestellt. Leipzig, 1973; *Mailier F. H.* Die deutschen Stamme und ihre Fursten oder historische Entwicklung der Territorial-Verhaltnisse Deutsch-lands im Mittelalter. Berlin, 1840. T. 1; *Loewe R.* Die ethnische und sprachliche Gliederung der Germanen. Halle, 1899; *Grienberger Th u* Die nordischen Volker bei Jordanes // Zeitschrift fur deutsches Altertum. 1902. Bd. 46; *Clarke M. G.* Sidelights on Teutonic history during the migration period. Cambridge, 1911; *Zeuss K.* Die Deutschen und die Nachbarstamme. Heidelberg, 1926; *Hury J. B.* The invasions of Europe by the barbarians. London, 1928; Das alto Germanien. Jena, 1929; *Holler J.* Die Epochen der deutschen Geschichte. Stuttgart; Berlin, 1934; *Idem.* Der Eintritt der Germanen in die Geschichte. Berlin, 1944; *Nerman B.* Die V61-kerwanderungszeit Gotlands. Stockholm, 1935; *Sestan E.* Stato e nazione nell'alto Medioevo. Ricerche sulle origin! nazionali in Francia, Italia, Germania. Napoli, 1952; *Deanesly M.* A history of early medieval Europe 476 to 911 // History of medieval and modern Europe. London, 1956. Vol. 1; *Demougeot E.* La formation de l'Europe et les invasions barbares. Paris, 1960; *Davis R. H.* A history of medieval Europe. From Constantine to Saint Louis. London, 1960; *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden des irihmittelalterlichen gentes. Koln; Graz, 1961; *Musset L.* Les invasions: les vagues germaniques. Paris, 1969; *Tierney B., Painter S.* Western Europe in the middle ages 300-1475. New York, 1970; *Tierney B.* The middle ages. New York, 1970. Vol. 1; *Wait E. M.* The march of the Teutons. New York, 1972 и др.
- ¹⁷¹ См., напр.: *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. Weimar, 1953 S. 3- *Hugelmann K. G.* Volk und Staat im VVandel deutschen Schicksals. Essen, 1940. Bd. 1. S. 77.
- ¹⁷² *Chadwick H. M.* The heroic age. P. 377-378.
- ¹⁷³ *Deanesly M.* The court of king Aethelbert of Kent//The Cambridge historical journal. 1942. Vol. VII, N 2. P. 136; *John E.* Orbis Britannie. P. 4-5; *Braunschweig H. H.* Bündnisformen der Arigelsachsen (450-1016). Hamburg, 1972. S. 24, 26, 28; *Stenton F.* The supremacy of Mercian kings // The English historical review. 1918. Vol. 23. P. 433-452; *Loyn H. R.* The term ealdormen in the translations prepared at the time of king Alfred // Ibid. 1953. Vol. 269. P. 85.
- ¹⁷⁴ *Szucs G.* «Nationalititil» und «Nationalbewusslscin» im Miltelal-lor//Acta historica. Budapest, 1972. T. XVIII, N 3-4. S. 255.
- ¹⁷⁵ Тезисы докладов IV Летной школы по вторичным моделирующим системам, 17-24 августа 1970 г. Тарту, 1970. С. 98-100.
- ¹⁷⁶ *Fleischer W.* Zur Entstehung der deutschen Nationalsprache (Be-merkungen ш einem zweiibiindigen Werke von Mirra Guchman) // Beitrilge zur Geschichte der deutschen Sprachc und Literatur. Halle, 1962. Bd. 84, Hf. 3. S. 385.
- ¹⁷⁷ См. напр • *Muhlmann W.* Rassen, Ethnien, Kulturen. Berlin, 1964. S. 54.
- ¹⁷⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 88-89.
- ¹⁷⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 327-345.
- ¹⁸⁰ *Крюков М. В.* Типы систем родства и их историческое соотношение // ПИДО. М., 1968. Кн. 1. С. 353.
- 67**
- ¹⁸¹ *Braunschweig H. H.* Bündnisformen der Angelsachsen... S. 19-20, 25, 30-32, 41-42, 71
- ¹⁸² *Chadwick H. M.* The heroic ago. P. 344-348, 352, cp.: P. 373-374.
- ¹⁸³ *John E.* Orbis Britannic. P. 20-23, 43-44, 145, cp.: *Latouche R.* Les grandes invasion ot la crise do l'occident au V° sieclo. Anbiei, 1946. P. 212-215; *Flichtenau H.* Das Karolingische Impermm. Zurich, 1949. S. 13-15; *Wielers M.* Zwischenstaatliche Beziehungsfor-men im friihen Mittelalter. Miinster, 1959.
- ¹⁸⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 72; Т. 38. С. 412; 1-е изд. Т. XVI, ч. 1. С. 181-182; *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 7 С. 44-45; Т. 39. С. 15.
- ¹⁸⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 410.
- ¹⁸⁶ *Токарев С. Л.* К постановке проблем этногенеза//СЭ. 1949. № 3. С. 30.
- ¹⁸⁷ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 29. С. 81.
- ¹⁸⁸ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 25. С. 258. ¹⁸¹¹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 29. С. 249.
- ¹⁹⁰ См. выступление Л. Я. Гуревича на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве, изложенное в статье: *Удаль-иова З. В.* Генезис и типология феодализма//СВ. М., 1971 Вып. 34. С. 30.
- ¹⁹¹ *Марков М. Е.* Искусство как процесс (основы функциональной теории искусства). М., 1970. С. 58- cp.: С. 53, 64.
- ¹⁹² Там же. С. 68, 72, 100.
- ¹⁹³ «Национальное искусство не может существовать без топ., чтобы не отражать психического склада нации в своеобразной обстановке ее жизни, быта, родной природы, обычаев и традиций» *Арутюнян М.* Социально-психологические факторы социалистических национальных отношений // Вопросы национальной психологии.

Черкесск, 1972. С. 35. Ирикедепные слона имеют отношение не только к искусству социалистических наций, но справедливы и для творчества прочих этнических общностей, см., напр.: *Ковалевский М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, С. 23.

¹⁹⁴ *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962. С. 0.

¹⁹⁵ *Калтахчан С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969. С. 161.

¹⁹⁶ *Плисецкий М. М.* Вопросы развития эпоса в условиях возникновения государственности // СЭ. 1959. № 4. С. 28.

¹⁹⁷ *Гуревич А. Я.* Средневековый героический эпос... С. 8-14.

¹⁹⁸ *Промлей Ю. В.* К вопросу об объективных основаниях этнического самосознания // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тез. докл. сессионных и пленарных заседаний. Мецниерсба, 1971. С. 14.

¹⁹⁹ *Стеблин-Камеиский М. И.* История скандинавских языков М • Л., 1953. С. 27.

²⁰⁰ *Поршнев В. Ф.* Противопоставление как компонент этнического самосознания. М., 1973. С. 4.

²⁰¹ *М силах В. С.* Художественное восприятие как научная проблема // Художественное восприятие. Л., 1971. Вып. i. С.

24.

²⁰² *Плотников Ю. К.* О природе социальной формы движения М 1971. С. 154.

1 "

²⁰³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 24.

²⁰⁴ *Крюков М. В.* Типы систем родства ... С. 353.

Глава II

«Гентилизм»

как первоначальная форма выражения

этнического самосознания

англосаксов

Понятию «этническое (национальное) самосознание» в советской научной литературе уделяется в последнее время все большее внимание¹. Оно кажется очевидным, если употреблять данное понятие как разработанную модель без проверки ее реальной пригодности к историческим эпохам, без научного соотнесения ее с крупными периодами истории общества.

Сложная структура и внутренний механизм действия этнического самосознания² обусловлены факторами его развития. Поскольку и сами эти факторы проявляются в многообразии, они могут по-разному выявлять отдельные стороны структуры этнического самосознания и способствовать развитию в ту или иную сторону действия его внутреннего механизма. Такая гибкость проявления этнического самосознания вызвана составом населения. Следовательно, раскрытие реального значения вышеприведенного термина, как и четкая фиксация реального состава населения, выражающего этническое самосознание, возможны лишь с учетом строго определенных, конкретно-исторических рамок в ходе внимательного изучения социальной структуры, объединяющей данную этническую общность на том или ином этапе ее развития. Каждая крупная эпоха в истории общества оказывалась связанной со своими этническими определителями, вызванными сменой различных типов этнических общностей. И советской научной литературе имеется теоретическое обоснование данного процесса³. Его изложение заслуживает внимания, поскольку может послужить отправной точкой для исследования сущности развития этнического сознания у германских племен. Теоретические выводы состоят в следующем.

69

Объективной формой существования общности является связь людей, которая проходит через три качественно отличные друг от друга стадии развития: кровнородственную, территориальную и характеризующую преимущественно сильными экономическими связями. Каждой из этих стадий соответствует свой тип этнической общности: родо-племенная, народность и нация. Этнические связи возникли еще при первобытнообщинном строе и обусловили множество подтипов родо-племенной общности. В раннеклассовых обществах существовало множество этнических объединений, имевших признаки родо-племенных образований, в том числе и так называемые «территориальные племена», находившиеся по своему этническому уровню развития где-то между кровнородственным племенем и народностью. Высшим подтипом родо-племенной общности первобытнообщинного строя был «союз племен» или «группа родственных племен». Подобный союз родственных племен был первым шагом на пути образования народностей. Некоторые исследователи, считая народность этнической общностью феодальной эпохи, ставят между родо-племенной общностью и народностью особую форму этнической общности, которая не выражала еще всех черт, присущих народности, но являлась, однако, иным по своему характеру образованием, отличным от этнической общности первобытной эпохи⁴. Подобная неопределенность, вызванная существованием переходного периода в истории развития человеческого общества, приводила нередко к тому, что многие общности в период своего превращения в народность не всегда обнаруживали ярко выраженную этническую индивидуальность. Последнее обстоятельство в советской научной литературе было подмечено П. Ф. Колеси и цким,

который отмечал, что вплоть до X в. в источниках не встречается четкое определение «немецкого народа» или «немецкого (германского) государства». Последнее впервые появилось в Зальцбургских анналах (за 919 г.). Страна и государство, по мнению П. Ф. Колесниченко, складывались из племенных областей, народ — из соплеменников этих областей. По Видукипду (X в.), население Германии представлено саксами и франками. Позволим себе привести интересный отрывок из Видукинда, используемый автором для подтверждения своей мысли. «*Omnis populus Frangorum atque Saxorum*» избрал Оттона I королем. Под «*populus Francorum*» следует, пишет автор, понимать здесь всех немцев, кроме саксов⁵. Автором, очевидно,

70

в силу решения им других проблем, относящихся непосредственно к его работе, не поставлены очень важные вопросы: «Кого нужно относить в рассматриваемую эпоху к саксам? Почему саксы в то время выделились из тех, кто участвовал в деле образования «немецкой государственности»?» Определенно, не только политические и экономические события влияли на формирование «немецкой государственности».

Однако автор частично ответил на вопрос. Саксы на севере, полагает он, не одно племя, а своеобразная этническая общность, т. е. смешение нескольких родственных племен, представляющее собой образование определенного типа, находившегося на стадии перехода от племени к народности⁶. Но что заставило сплотиться эти племена и уходило ли их родство своими корнями в глубь веков?

Известно, что в британских хрониках наименование «саксы» было использовано для общего определения врагов бриттов, применяемого ко всем новым поселенцам Англии. Римляне называли их нередко «единомышленниками» или «прибрежными саксами»⁷; под общим же наименованием «саксы» они понимали союз германских северных племен, противопоставляемых франкам, проживавших почти на всем побережье Западной Европы и совершавших морские набеги⁸. Уже к концу III в. данный союз был известен грабительскими набегами на побережье нынешней Бельгии и Великобритании.

Завоевание Британии саксами началось в середине V в. и закончилось в конце VI в. В нем участвовали различные племена северной Германии от Рейна до Эльбы. На западном континентальном побережье Европы, расположенном напротив Британских островов, проживали в основном фризские племена. У англосаксонского летописца Беда Достопочтенного (075—735 гг.) названы всего три племени, принимавшие участие в завоевании Британии: саксы, англ и юты⁹. Какое же отношение имели фризы к данным племенам? Письменные источники¹⁰ и лингвистические данные¹¹ свидетельствуют об устойчивых связях последних с фризами в VI—VIII вв. Археологические материалы, датированные серединой V в., подтверждают тождество материальной культуры фризов и англосаксов до их переселения в Британию¹². Частое посещение англосаксонскими миссионерами в каролингское время фризско-саксонских племен Германии и их деятельность по насаждению среди них христианства, как, например, Уильфрида и Уилброда во второй полови-

71

не VII в., а также Бонифация в начале VIII в. и других¹³, указывают на длительную связь обоих народов как в Британии, так и в Германии. Еще доныне залив при Эдинбурге в Шотландии называется «Фризским морем». Такое наименование является остатком старой традиции, ведущей свое начало с глубокой древности. В XI в., т. е. спустя уже 300—500 лет после рассматриваемого периода, германский летописец Адам из Бремена отмечал, что романские народы вплоть до этого времени называли «океан» (т. е. Северное море) Британским, а сам Адам называет его Фризским: «океан Фризский, который у римлян пишется как „Британский"»¹⁴. Хотя наименование «фризы» в Британии было постепенно вытеснено именем «саксы», нужно принять, что германское население Британии сложилось из четырех, но не из трех, как у Беда Достопочтенного, племен: саксов, англов, фризов и ютов¹⁵. Впрочем, вскоре имя «юты», как и «фризы», также было вытеснено наименованием «саксы», и лишь острон Уайт напоминает об этом народе, который Беда называет нередко именем «виты»¹⁶.

В приведенном выше примере две большие группы германцев — франки и саксы — противопоставлены друг другу. Но и каждая группа, взятая отдельно, не являлась целым, а заключала в себе ряд племен. Какие факторы привели к дроблению общей массы германцев на племена и к созданию на их основе различных союзов, какой повод привел к выделению из последних отдельных групп германцев и как трансформировалось этническое сознание союзов племен в этническое самосознание отдельных, выделившихся из них групп, можно понять на примере оформления англосаксонской этнической общности.

Этническая общность у германцев в раннее средневековье (до XI в.) проявила свое существование в двух различных плоскостях. Одну из них, достаточно целостную, определяло общее этническое название «*tenthō*» — народ, люди, выражающее единство происхождения всех германцев, важной предпосылкой которого было языковое родство. Эта общность распадается на подвиды: ингевоны, пстевоны, горминопы. Вторая плоскость представлена отдельными племенными наименованиями: англ, саксы, юты, даны, варини, франки и т. д., которые в дальнейшем и явились основой для

наименования возникающих раннефеодальных государств. Проблема взаимодействия и влияния друг на друга обеих этнических предпосылок при процессах складывания феодального государства и

72

новых этнических общностей еще очень мало разработана как в советской медиевистике, так и в советской этнографии. Определить границы возникающего, первоначально примитивного по своей форме государства трудно. В основном трудность состоит в решении нелегкой задачи отличия формы данного государства от простейших, но уже организованных племенных союзов.

Наименование «*teitho*» — очень древний термин, который выражал не только общность происхождения всех германцев, но и противопоставление своей культуры чужой. Более точное определение общности столь высокого порядка, придание ей концентрированное™ опережали политические возможности эпохи.

Однако если остановиться на временном отрезке VI—IX вв., то можно увидеть, что данный термин встречается в это время лишь в среде ингевонов. Англы, фризы, све-вы (свиопы), гуттоны называли народ «*teutho*», соответственно видоизменяя его сообразно звучанию своего племенного диалекта. Так, например, в англосаксонском диалекте слово «*teutho*» звучало уже как «*teod*», в то время как северо-восточные германские племена произносили его соответственно — «*thead*». Последнее наименование еще в глубокой древности сделали непосредственно племенным германские племена теутонов, или тевтонов, и тевтонар. Племя тевтонов (лат. *teutones*) было известно во времена, следующие сразу же за эпохой тацитов-ских племен, как сосед аварпов; племя тевтопаров — как сосед вирупов. Тевтоны по своему местоположению совпадают с нуитонами, описанными Тацитом, затем они превратились в вуитонов и позже — в гуттонов, ютов и ви-тов. Тевтоны с реудингами впоследствии также совпадают с гутингами, витипгами, ютингами и ютунгами III в. Поэтому можно предположить, что и в этом случае перед нами выступают племена, которые во времена Тацита не только не выделились из общего круга германцев, но и прямо включали себя в него, используя свое наименование как общее, которое помогало им самоопределиваться и сохранить свою связь с германцами. В данном случае наблюдалось косвенное сопротивление процессам ассимиляции у германских племен, столкнувшихся с мощным римским влиянием".

Пример с германскими племенами тевтонов и тевтонар свидетельствует о признании единства происхождения всех германских племен, которые затем, развиваясь на общем пути общественной и политической жизни, раз-

73

межевались, опираясь на племенное самосознание каждого из германских племен.

Тот факт, что только в северной группе германцев названия племен к VI в. в отличие от германских племен, столкнувшихся с римским влиянием, образовывались от понятия «*teitho*»¹⁸, доказывает, что еще в глубокой древности произошло разделение германцев на две ветви, и это разделение отражало в себе более позднее образование северо-западной группы, отделившейся от остальных германских племен. Именно у ингевонов — северных германских племен — встречаются такие древние наименования королей, как «*teoden*» (англосаксонское), «*tiodann*» (древ-несеверное) и «*tiodans*» (готское), отражающее значение короля как общего представителя всего племени¹⁹. Таким образом, готское «*tiuda*», древнесеверное «*tjoth*», англосаксонское «*teod*», древнефризское «*thiad*», верхненемецкое «*diot (a)*», германское «*teutho*» соответствуют самоопределению племени. Оно равно по своему значению греческому слову «этнос» (*σθνος*) и латинскому «гене» (*gens*) и несет, следовательно, этнический оттенок. Раздвоение его в дальнейшем на два значения — «страна» и «народ»²⁰ — является уже отражением развития другого порядка этнического сознания — территориального²¹. С развитием территориального сознания, связанного с преобразованием социальных отношений в германском мире, происходила постепенная трансформация понятия «*teutho*»²².

Чувство общности племенных союзов засвидетельствовано прежде всего в названиях данных союзов, созданных первоначально неполитическими организациями. Значительная же часть племенных названий (прежде всего тевтоны и тевтонары, а также вестготы и лангобарды, алеманы и вандалы и др.) просуществовала недолго на политической карте Западной Европы тех времен. Потом народы, носящие эти названия, исчезли, оставив их лишь географическим областям. Например, до сих пор местность в Дании к юго-востоку от Лимфьорда носит наименование «*Thy*» или «*ThinUi*».

Для северо-западной группы германских племен, объединенных общим наименованием «ингевоны», это наименование в отличие от слова «*teutho*», развитие которого пошло далее в сфере социальной структуры общества, явилось более действенным для разграничения германских племенных союзов как бы в плоскости географиче-ско-этнического уклада.

74

Этнические свойства большой группы людей формируются первоначально благодаря двум объективным факторам: территории и языку. Но функцию территориального фактора нельзя сводить только к тому, что территория предоставляет расселенному на ней народу общность совместного

жительств и деятельности. Территория — это конкретные флора и фауна, климат, ландшафт. Живя в течение веков в одной и той же географической среде, этническая общность испытывает ее влияние на свою экономику, материальную и духовную культуру, обряды, обычаи. Идентичность природных условий являлась, особенно у древних народов, основанием для более или менее одинакового воздействия пространственного фактора на их хозяйственную и культурную жизнь, сознание. В. И. Ленин указывал, что одним из звеньев в акте сознательной деятельности человеческой личности является момент столкновения индивида с тем или иным предметом среды, приводящего человека к осознанию «самого себя в сфере практики, т. е. осознание человеком другого человека как равного себе и отношение человека к другому человеку как к равному»²³. Исторически доставшиеся народам территории способствовали этнической дифференциации, в основе которой лежала дифференциация по хозяйственному и бытовому признакам. Отсюда и появление наименований различных народов в древние времена по географическому признаку²⁴. Так, например, наименование «фризы» произошло от слова «Frese» или «Fries», переводимого как «закругленный край» или «кайма» и связанного с побережьем Северного моря, а «свевы» — от слова «Saiws» или «Sewe», означавшего море. Германские наименования на -varii (ср. старосеверное «veriar», англосаксонское vare и германское «vunþjoz») означали, с одной стороны, жителей, живущих по определенным рекам (амзиварии, хазуарии), с другой — обитателей определенного ландшафта (ангриварии, рипуарии, видиварии) или страны (бавары). Территория, давая наименование той или иной группе людей, проживающих на ней, превращалась в этническую территорию. Роль этнической территории как географической среды велика на начальных стадиях складывания этнической общности. В последующем она несколько снижается. Вновь эта роль возрастает тогда, когда этническая общность по тем или иным причинам вдруг лишается своей этнической территории (в этом случае общность как таковая может исчезнуть, растворившись в окружающих эт-

75

нических организмах). Помимо того, этническая территория является первоосновой государственного образования, что вытекает из свойства экономической и политической концентрации населения, говорящего на одном языке. Таким образом, территория выступает необходимым условием суверенитета и существования этнической общности.

Это подтверждают и наши исторические данные. Эпоним «Ing» отражает роль географической среды на первой стадии размежевания германских племен. Он присущ всей северо-западной области Европы. Им во времена Тацита отделялась группа северо-западных германских племен от общей массы германцев²⁵. Уже это отделение должно свидетельствовать о начале образования этнического самосознания у данных племен. Происходит осмысление и противопоставление себя не всему иному, но «германскому» миру, как это наблюдалось, например, у германских племен, основавших свои королевства на территории бывшей Римской империи, а размежевание внутри древних племенных германских образований. Этот вывод подтверждает и широкое распространение производных слов от вышеприведенных в северном бассейне той области. Несколько позже замечаний Тацита мы встречаем северные Ingnranþeyr, Ingvi или Inguni, объединенные общим наименованием Inglingar²⁶; шведское Ingvifreyr; саксонское Inguinus; древние наименования королей Ingvi или Yngvi; соответствующие Ingvi англосаксонских или нортумбрийских королевских генеалогий и Ing англосаксонских рун²⁷; норвежские Ing или Ing-wine и, наконец, многие древнегерманские мужские имена, как Ingvin, Inguperth, Ingmar, Ivarr (Ingvarr), Ingi-biorg, Ingubug, Ingwald и др.²⁸

Что же дало повод отделять в древности группу различных германских племен, объединенных общим наименованием «ингевоны»²⁹, от прочих германцев? Данный вопрос заключается совсем не в определении территории, а в том, как установить действительный этнический состав населения данной местности и его географическое размещение. В отдельных случаях территориальные рубежи могли, конечно, совпадать с границами этническими, но между теми и другими не было непосредственной связи. Этническая территория складывалась веками, и за это время население настолько свыкалось с ней, что начинало считать ее «родной». От передающейся из поколения в поколение памяти о том, что «родная земля»

76

история связана с судьбами данного народа, возникает убеждение об «исторических правах» на нее. Одним из выражений родства в первые века нашей эры у германских племен являлось чувство «родной земли», основанное на сходстве географической среды, в которой обитали эти племена. Длительная совместная жизнь в одной и той же среде вырабатывала у этих племен определенные привычки и навыки, способствовала появлению одинаковых традиций. Этнической общности первобытности был присущ свой определенный хозяйственно-культурный тип, со своими специфическими особенностями в материальной и духовной культуре, определяемый нередко влиянием географической среды³⁰. Сходство северной приморской природы дало повод выделить самим же племенам определенный круг людей, именовавшихся «ингевоны». Эти племена были схожи как в силу идентичной географической

среды, так и по способу ведения хозяйства. Но свидетельству Тацита, кораблестроение было развито преимущественно у древних фризов, шведов (свио-нов), саксов". Северное море облегчало сношения германских племен, живущих вдоль его побережья. Приморская среда оставила свой отпечаток даже на возникновении и развитии понятий как социального, так и территориального отграничения. Ведь о политическом союзе можно вести речь в том случае, если у определенной этнической общности на первое место выступает территориальное и социальное отграничение. Однако на практике чаще наблюдается двойственное выражение понятия отграничения, совпадение его социального осмысления с территориальным. Такое совпадение вытекало в какой-то степени и из влияния географической среды.

Влияние географической среды наложило свой отпечаток также на социальное и культурное развитие англосаксов. Великолепное описание похоронного обряда в поэме «Беовульф» со всей силой подчеркивает характер народа, живущего у моря³².

«Морской прилив», идентичный бушующим волнам, океану,— это мир прибрежных народов, в котором они живут и в который, но поверю этих народов, они должны уйти, отправившись в своей последний путь³³. В поэме неоднократно встречаются слова, связанные с определяющим словом *saе* — море, морской³⁴. Англосаксы осознавали море как неотъемлемую часть своего существования. Корабль рассматривался как живое существо с головой, шеей и хвостом (словно конь или лебедь).

Англосаксон-

77

ское *eorde* (ср. *yrðling* — лат. *arator* и *earfod* ср. лат. *aga-tio* — работа), близкое по корню слову — *aritra*, означает «корабль», «гребец» (ср. англосакс, *arc*, англ, *oag*, древне-норв. *ag*; швед, *aga*, дат. *aage*).

Северо-западные германские племена представляли море как землю, вспаханную плугом, вместо плуга выступает корабль (ср. слово «плуг», производное от другого корня — англосакс, *syl* или *sul*, *sulli*; ср. лат. *sulcus*)³⁵.

Влияние прибрежной географической среды способствовало выработке у ингевонов чувства родства, которое наиболее ярко выявилось лишь при действительном отделении прибрежных германских племен от прочих германцев. Если на развитие данного чувства у юго-восточных германских племен несомненное влияние оказало их непосредственное столкновение с римским миром, то на прибрежные народы, помимо указанного воздействия, оказывало влияние и географическое окружение. Интересно, что, по преданию, все германские племена происходили с Севера, а именно из Скандинавии, окруженной водами различных морей. Этим подчеркивалась общность происхождения всех германцев. Но использовать это предание непосредственно в деле сплочения племен в одно целое и при выработке у этих племен чувства родства смогли лишь северо-западные германские племена.

Однако не следует забывать, что данное чувство нередко могло утратить свое цементирующее влияние. Известно, что сформировавшаяся общность, у которой выработались все этнические черты, на определенное время может эмансипироваться от этнической территории. Иногда случается, что общность в силу тех или иных исторических условий, как это произошло, например, с англосаксами, покидает свою территорию. Данное свойство носит, конечно, относительный характер, так как сколько-нибудь значительное время экстерриториальная общность не может сохранять свои этнические свойства: расплывшаяся в инонациональной среде общность рано или поздно растворится в ней.

Что же помешало англосаксам после их переселения в Британию исчезнуть и не существовать далее как этническая общность? Ответ нужно искать, как это ни парадоксально, не в наполнении региональных этнических наименований — англы, саксы, юты, фризы — новым этническим содержанием, а в укреплении традиций близости всех племен, объединенных общим наименованием «инге-воны». Данная традиция, господствующая у всей группы

78

северо-западных германских племен и препятствовавшая даже на последней стадии развития племен образованию новых общностей, крепко держала англосаксов, даже после отрыва последних от родственных им германских племен, в их кругу, создавая, таким образом, основу для становления и развития еще только что зародившихся этнических свойств.

Перед переселением в Британию англы и саксы неизбежно должны были иметь представление о месте, которое они занимали среди прочих народов, и об окружении, через которое они прошли по пути в Англию. Естественно, это представление складывалось в течение долгого времени и наложило свой отпечаток не только на сознание англосаксов, но и на сознание прочих германских племен, объединенных общим названием «ингевоны». Англосаксонская поэма «Беовульф», написанная в VIII в. (т. е. уже после переселения англов и саксов на Британские острова) в их среде на национальном языке, должна была бы, как кажется, отразить события, происходящие у данных племен. Но поэма, напротив, повествует о жизни иного племени — древних датчан (данов), которые до переселения англосаксов являлись их ближайшими соседями. Исследуя поэму, можно установить,

что завоевание и заселение англосаксами Британии приходились приблизительно па то же время, что и скандинавско-датские события, которые и образуют преимущественно историческую фабулу поэмы (450—550 гг.)³⁷. Об особенностях же заселения, о побудительных мотивах, которые толкнули их на завоевание Британии, о своих собственных подвигах в то время англосаксы сохранили лишь неясные воспоминания. Гармунд, Оффа и Эормер — единственные лица, упоминаемые в поэме, которые относятся к добританской истории англо-³⁷.

Таким образом, можно предположить, что англосаксы более интересовались судьбами других племен, нежели своими собственными делами, и что пристальное внимание англосаксов к событиям у древних датчан проистекало из особого интереса к ним. Поскольку они на континенте так долго являлись свидетелями, а нередко и участниками датских событий, то кажется совершенно естественным их живой интерес к последним, который они сохранили и после переселения. Но интерес, впрочем, мог вырасти у англосаксов к датским событиям не только из простого соседства; он должен иметь еще и другую, более вескую основу. Незрелое чувство племенного

79

самосознания, сильное влияние традиции общего происхождения всех ингевонов и сохранили живой интерес англосаксов к жизни народов, объединенных общим названием «ингевоны»³⁸. Со своей стороны и сами древние датчане, о которых повествует поэма, так же как и англосаксы, еще недостаточно ощущали племенное единство. В поэме говорится о трех племенах: датчане (Dene), управляемые династией Скильдингов (Scyldinge), гауты (Geatas) с династией Грээлингов (Hrethlinge), шведы (Sveon) с королевским домом Скильфингов (Scilfingen). Два последних наименования, а также и прочие названия племен упомянуты в поэме очень бегло, всего лишь при пересказе племенных сказаний и в эпизодах. Деление древних датчан в поэме по географическому признаку на четыре ветви — восточные (East-Dene), западные (West-Dene), южные (Suth-Dene) и северные (North-Dene)³⁹ — неясно. Большей частью эти наименования приводятся либо с целью аллитерации⁴⁰, либо под каждым из них (независимо от названия) в отдельных эпизодах подразумеваются все датчане в целом". Лишь в источниках, датируемых тем же временем, что и события, описываемые в них (VIII—X вв.), с постепенным укреплением и развитием самосознания отдельных, выделившихся из среды ингевонов племен древние датчане (даны), о которых повествовала англосакская поэма «Беовульф», уже выводятся как отдельное племя, распадающееся па ряд более четко оформившихся ветвей. Тот факт, что источники по истории самих англосаксов, упомянутые выше и называющие датчан, проводят конкретное различие между отдельными ветвями датского племени, свидетельствует о том, что только после VII в. датчане стали оформляться как племя с ярко выраженным племенным самосознанием. Англосаксонская поэма «Видсид» (VII — IX вв.)⁴² уже четко выделяет отдельные ветви датчан: называется Зигер — король морских датчан (Saedenc — строфа 28), Алевий — господин датчан (строфа 35), а в строфе 58 певец ведет речь о своем посещении шведов (свионов), гаутов и южных датчан. Но более определенно различает Альфред в своем «Орозии» (IX в.) «северных» и «южных» данов⁴³, которые, однако, из-за не совсем верного определения Альфредом с географической точки зрения местоположения Дании, отодвинутой у него слишком высоко к северу, оказываются на деле восточными и западными". В более же раннее время древние датчане, как и англосаксы, предпочитали

имено-

80

вать себя либо «ингевонами» либо просто указывать на присущие им качества, выработанные у тех и других в период господства у них военной демократии. В поэме «Беовульф» датский король Гротгар назван «eodor Ingwina» или же «frea Ingwina», т. е. «один из высших правителей ингевонов» и «последователь Инга»". Сами же даны именуются как «даны-копыеносцы», «честные (храбрые) скильдинги», «скильдинги-победители», «скиль-динги-войско» и т. д.⁴⁶ Встречается в поэме и такое выражение, как «вооруженный народ», означающее, однако, в данном контексте все племя датчан⁴⁷. Сфера, затрагивающая все ингевоновские племена, была сферой связей свободных и открытых. Ее важной предпосылкой была языковая общность. В. И. Ленин отмечал, что «язык есть важнейшее средство человеческого общения»⁴⁸, и подчеркивал тем самым, что язык является основой этнического образования. Говоря, что «ни одна государственная граница не совпадает с естественными границами национальности, то есть с границами языка», Ф. Энгельс⁴⁹ указывал на то же, что и В. И. Ленин. Л. Нидерле определял этнические рубежи главным образом по языку населения⁵⁰. Советскими этнографами на многих примерах было доказано, что на тех этнических рубежах, когда соприкасаются родственные национальные культуры, линию этнической границы установить трудно. Во многих пограничных районах национальное население не только живет географически смешанно, но и создает переходный говор. Отдельные группы населения при этом настолько сближаются по своим этнографическим признакам, что их национальную принадлежность можно установить лишь в меру развития национального сознания⁵¹. Как справедливо указывает Ю. И. Семенов, «все родовые коллективы, имевшие общее происхождение, должны были быть

связаны языково-культурной непрерывностью, должны были образовывать очень своеобразную „ступенчатую“ языково-культурную общность». Притом данные коллективы не могут быть в то же время названы племенами⁵². «Языковые границы,—указывает М. С. Джупусов,— это один из важных показателей этнической границы»⁵³. В. М. Жирмунский отмечает, что англ, бывшие в Ютландии ближайшими соседями скандинавских народов, принесли с собой в Британию древнюю особенность своего племени — племенное наречие, сложившееся в результате контактного развития с соседним скандинавским⁵⁴.
Немецкий филолог Крае раз-

81

личал две основные группы германских языков — «гото-скандинавскую», в которую он включал всех ннгеионов, и «западногерманскую», иначе «южногерманскую»⁵⁵. Классификация Крае отражает этническое родство и спаянность отдельных ветвей германцев. Таким образом, очень рано произошло разделение общегерманского языка на нижненемецкий и верхненемецкий диалекты. Все иингевоны, которые были носителями нижненемецкого диалекта, говорили на древнефризском наречии, являвшемся в первые века средневековья господствующим во всех областях проживания ипговонов⁵⁶. Позднее лишь одно племя сохранило наименование «фризы».

Данные о западногерманской группе племен, носящих наименование «ингевоны», указывают, что область побережья Северного моря нужно рассматривать как место их долговременного обитания (от северо-восточного устья Рейна до Ютландского полуострова). Наименование «ингевоны» опирается в своей основе на географический фундамент. Ведь слово «ингевоны» переводится с древне-германского как «прибрежные жители».

Подводя итог, можно констатировать, что понятие этнической общности в раннее средневековье включает в себя не только значение племенной, но и региональной общности. Чувство региональной общности засвидетельствовано прежде всего в названиях племен и пародов, а также в названиях, созданных первоначально неполитическими организациями. Эти названия разграничиваются как бы в плоскостном уровне — географическо-этническом укладе.

Таким образом, германцы не смогли создать взаимозависимости между культурно-этническим чувством, уже нарушенным в отношении общности языка и обычаев, и политической организацией, которая среди германцев не распространилась более чем на политическое объединение нескольких больших и малых племен — ингевонов, истевонов, гермиттонов. Предпосылкой создания подобных объединений являлась также устойчивость социальных отношений, присущая стадии первобытнообщинного строя.

В сфере социальных действий той эпохи можно усмотреть глубокий, нижний слой генезиса коллективных представлений и коллективных действий. Последние трактовались в германских племенах как обязательные эталоны поведения. Процессы такого рода не были произвольными. Они зависели не только и не столько от

82

способа восприятия мира, господствующего в данном обществе, сколько определялись многими факторами, свя-ианными теснейшим образом с природными, как было указано выше, но прежде всего с социальными и политическими условиями жизни общества. Новые социальные отношения не приобрели еще формы институтов, что наиболее заметно в области права. В ту эпоху в социальных и политических отношениях коллективное мнение довлело над индивидуальным".

«Общегосударственное самосознание» могло возникнуть лишь при интенсивном развитии у германцев государственного организма и всех его общественно-политических институтов. Однако ни ингевоны, ни истевоны с герминонами не являлись теми политическими объединениями, которые были бы способны направить развитие социально-экономических отношений по руслу возникновения государства. И хотя отдельные племенные наименования германцев, если проследить их тщательно по источникам, содержат в себе также информацию, касающуюся вертикальной структуры — политической и общественной иерархии, эта информация ограничивалась скорее подчеркиванием общего происхождения как всех германцев, так и отдельных их ветвей. Первейшим признаком существования политической организации являлось наличие суверенитета внутри определенно отграниченной территории. Таким образом, возникало понятие «граница». Необходимо при этом отметить, что понятие «граница» у народов, находящихся на стадии разложения первобытнообщинного строя, определялось двояко: 1) отграничение от прочих групп посредством символа, указывающего на принадлежность данного лица к определенной группе, и 2) территориальное отграничение группы посредством границы. Символом в первом случае выступали у германцев такие наименования, как ингевоны, истевоны, гермипопы. Но основой для сохранения этих наименований являлись те социально-психические явления, которые были присущи обществу германцев, находящихся на стадии первобытнообщинных отношений.

В. И. Ленин уделял особое внимание психологии при решении национального вопроса⁵⁸. Социально-

психические явления, в том числе и социальное настроение, не имманентно развивающаяся сила, но продукт всей системы социальных отношений и хода исторического развития. То, как они отображаются в сознании людей,— очень сложный и трудноразрешимый вопрос.

83

Общей тенденцией развития у человечества социального настроения является прохождение информации, которой обмениваются люди, через «фильтр доверия и недоверия». При этом то, что вызывало доверие или недоверие, необязательно соответствовало истинному положению вещей. У пародов, находящихся на стадии первобытнообщинных отношений, социальное настроение было обусловлено теми коллективными связями, покоящимися на отношениях родства, которые господствовали на этой стадии развития общества. Подобное можно наблюдать и у германских племен. У англосаксов социальное настроение, связывающее данную германскую общность в одно целое, отражено и зафиксировано всей системой англосаксонского языка, которая преобразовывалась и развивалась вместе со становлением и развитием социальных отношений. Первоначально нередко одно слово целиком охватывало определенную ситуацию. Впоследствии появился целый ряд значений для этой ситуации, и в каждом значении было заключено такое содержание, которое при современном уровне развития языка выражается с помощью нескольких предложений. Если первоначально слова сопровождали реальное действие, то впоследствии в них стали вкладывать иное значение. На протяжении длительного промежутка времени путем постепенной перестройки этнического сознания с огромным трудом находились и делались общим достоянием определения новых понятий, касающиеся всеобщего развития и становления государства. Без труда удастся открыть словарные изменения, охватывающие всю общественную жизнь англосаксов. При этом необходимо подчеркнуть то, что основное значение как для общественной перестройки, так и соответственно выработки нового этнического сознания имели рост и дифференциация общественных и хозяйственных функций. Поэтому и более высокий уровень развития этнического сознания у англосаксов нельзя представлять как результат эпохи племенного сознания. Однако в своей основе терминология, соответствующая новой эпохе, восходила ко времени, предшествующему отжиманию первобытнообщинного строя. Система англосаксонского языка непосредственно отражает социальное настроение, господствующее у англосаксов. Смысловое значение ряда слов и выражений подтверждает это. Одним из таких слов являлось *un-cuth*. В поэме «Беовульф» наряду со значением данного слова

84

как «неизвестный/ая, ое/»⁵⁹, в тех случаях, где возникает чувство враждебности⁶⁰, «незнакомого», против которого нужно бороться", смысл его становится определенным и ясным. Человек той эпохи был тенденциозен в определении своих чувств. Все неизвестное представлялось ему нелюбимым, более того, нехорошим и злым. Замкнутые группы, на которые разбивалось общество англосаксов, противостояли друг другу по принципу «известное—неизвестное». Еще в IX в. король Альфред вынужден был законодательным путем ограждать любого иноплеменника, а также того же англосакса от недружелюбных действий подобной замкнутой группы, для которой они, будучи пилигримами, являлись не «своими»: «Не позволяй обращаться ни с чужаком, ни с извне пришедшим (*eltheodegan and utan cmenan*) враждебно (*nncntnllice*), не угнетай их какими-либо несправедливостями»⁶². В данном постановлении, если понятие «чужак» выражено непосредственно словом «*eltheodegan*», т. е. «из другого парода», то под «извне пришедшим» (со стороны) (*utan cmenan*) можно понимать того же англосакса из другой местности, области или общины.

Чтобы более четко выявить значение слова *un-cuth*, достаточно определить смысл корня *cuth*, который входит в весьма интересное у англосаксов понятие «*cuthþlm*», означающее состояние «родства» и отождествляемое часто с тем, что мы ныне называем «родиной», «страной», «местностью». «Бьющие насмерть и клятвопреступники, нарушители звания духовного сословия и супружеской верности должны,— звучит во втором законе короля Кнута,— покоряться и каяться или со своими грехами с родины (*of cyththe*) изгоняться»⁶³. В постановлениях короля Хлотаря совершенная при всех, а также при свидетелях покупка имеет законную силу и считается добром приобретенного ее (*cuthan ceapð*). При конфискации этой покупки в качестве ворованной вещи англосакс должен был привести поручителей, что покупка была совершена открыто, т. е. на законных основаниях. «Если он это не может сделать,— звучит далее в законах,— так пусть заявит (*gekythe*) он перед алтарем с одним из своих свидетелей или с викгерей короля, что он это добро открыто за свое собственное добро в городе приобрел, и пусть отдадут ему затем цену добра назад; но если он это не сможет заявить (*gescythan*) с законным доказательством, то пусть он откажется от добра и владелец его забирает»⁶⁴. Следовательно, то, что известно, будь это при всех

85

совершенная покупка, открыто сделанное заявление или указание на предмет, отмеченный известным кому-либо знаком, законно и имеет силу в обществе. «Это есть, если проследят,— звучит в англосаксонском законодательстве,— след украденного скота „от одного берега к другому", пусть

передадут выслеживание лицам, проживающим на той территории, или пусть знаком укажут (mid meag-se gesythe), что преследуют по праву»⁶⁵. Cuth как означение чего-либо известного⁶⁶ дало начало таким англосаксонским словам, как «объявлять» или «извещать» при свидетелях, т. е. делать известным⁶⁷. В прологе к законам англосаксонских королей глагол «syth» нередко употребляется именно в этих двух значениях: «Я, Этель-стан, король, по совету Вульфхельма, архиепископа, и моих других епископов объявляю (syth) герефам из бургов и прошу вас во имя господина и всех его святых, а также во имя моей дружбы, чтобы...»⁶⁸ или «Эдмунд, король, извещает (syth) весь народ...»⁶⁹. Это же слово используется и в смысле «доказывать» (т. е. «делать известным и признанным всеми») ⁷⁰. Подтверждает вышесказанное и англосаксонский термин «sib» — «родство» (род): «... дал мне злато и пищу, к родству (sibbe) причисляя», — говорит в поэме «Беовульф» ее герой. В ней же звучит: ... родства (sibb) сила не может отвернуться от того, кто хорошо мыслит⁷². Данный термин часто выражает в древнеанглийском языке и понятия «мир», «дружба». Это непосредственно засвидетельствовано в поэме «Беовульф»:

... мира (sibbe) не хотел (он)
с мужами из какого-либо содружества данов ⁷³,
и в отношении трактовки «sib» как «дружба»: ... И все еще была их дружба (sib) нерушима, каждый другому верен...⁷⁴

В вышеуказанной поэме нередко можно заметить, как трактовка понятия «sib» в случае заключения мирных отношений между отдельными германскими племенами путем установления искусственного родства среди глав племен может одновременно выражать и понятие «родство», и понятие «мирные отношения»:

...храни крепко это
новое родство (niwe sibbo),-говорит
король Хродгар герою поэмы,—
чтобы вы не нуждались здесь
во многих вещах мира,
хочу (я), а именно в тех, которые я в
(моих) владениях имею ⁷⁵.

Термин «sib» встречается у многих германских племен. Англосаксонское «sib(b)», древнегерманское «sibjo», готское «sibja»⁷⁶, означающие «мирные отношения», часто трактуются как «собрание, племенная общность»⁷⁷. В англосаксонской поэзии это слово употребляется часто в смысле «мирных отношений». Например, «sib sy mid eowic» в «Юлиане» переводится как «Pax vobiscum!»⁷⁸. В поэме «Беовульф» о Грэнделе говорят «sibbe ne wolde», и от шведов (свионов) датчане (даны) не ждут «мира или дружбы» — «sibbe oththe treowe»⁷⁹. Королева Ве-альхтеон названа как «мировотворица среди народов» — «frithu-sibb lolca»⁸⁰. Дружественный союз между Хрот-гаром и Хрозульфом, покоящийся на родстве, был прочным и крепким — «Ta gyt waes hiera sib aetgaedere, aegh-wylc othrum trywe...»⁸¹.

Такие дружественные отношения могли возникать и путем адаптации:

Ныне, Беовульф, я тебя,
Из воинов лучший, за сына желаю
Держать в моем сердце; храни крепко это
Новое родство (niwo sibbe)...

— говорит король Хротгар Беовульфу⁸², и последний рассказывает о своем деде:

Меня содержал и оберегал король Хретгель, ... к роду причисляя (sibbe gemunde)⁸³.

Подобные отношения и у Виглафа с Беовульфом⁸⁴; они выступают по отношению друг к другу как «родичи-эделинги» (sib-aethelingas)⁸⁵. Иначе говоря, там, где людей связывают родственные узы, укрепленные еще политическим союзом, т. е. где возникает чувство «своих», «своего», — там царят также мир и дружба⁸⁶.

Понятием «sib» охватывались все степени родства. Под ним подразумевали, например, большесемейную общину: «И мы учим и просим, и, во имя господина, повелеваем, чтобы ни один из христиан никогда не должен был вступать в брак внутри шести поколений (binnan VI manna sib-faece) в своем собственном роду, ни с вдовой

87

своего родича, который является ближайшей родной (neah sib), ни с родичами женщины, которой он сам ранее обладал, ни со своими крестницами, ни с одной из посвященных в монахи...»⁸⁷. За кровосмешение внутри этой общины следовало определенное наказание: «Если кто-либо кровосмешение (sib-leger) совершит, пусть искупит он это в соответствии со степенями родства (sibbe gnaethe) либо вирой, либо закладом, либо всем имуществом»⁸⁸. Степени родства, охватываемые понятием «sib», были различные, по, как правило, чаще всего этим словом выражалось близкое родство: «И ни один из мужей пусть не женится на ближайшей родне (on neah-sibban), как вне четырех колен, и никто пусть не сочетается браком внутри своей духовной родни (godsibbe)»⁸⁹. Таким образом,

понятие «sib» включало как близких родичей, так и крестных с крестниками и крестницами вплоть до дальних родичей: «И это не есть все равно, если кто-либо сожительствует с сестрой или с тем, кто из отдаленного родства (feor sibb) происходит»¹⁰⁰.

«Sib», объединяя всех англосаксов в один мир, подчеркивал их общее происхождение⁹¹ и подготавливал их слияние в единую этническую общность. При данном оттенке понятия «sib» словосочетание «feor sibb» в законах англосаксов может заменяться словом «feorcund», если англосаксы противопоставляли себя «чужакам»: «Если издалека происходящий человек (feorcund mon) или чужак (i'temde)...» — звучит в законах короля Ипэ. Эти же слова могут прозвучать и несколько иначе: «Если издалека пришедший, но известный (т. е. известного происхождения) человек или чужак...», поскольку определение «feorcimd» составлено из двух слов, а именно: из слова «feor», что переводится как «издалека», «далекий», «дальний» и т. п., и слова «cund», означающего «известный». Как видно из слов приведенного выше отрывка из постановления короля Ипэ, происходит противопоставление не только «известных», т. е. близживущих, англо-саксов всем «чужакам», но уже противопоставление всех англосаксов, как близко проживающих и, следовательно, известных друг другу, так и проживающих далеко друг от друга и известных друг другу плохо, «чужакам», т. е. лицам иноэтнического происхождения. Но поскольку еще вся территория, занятая англосаксонскими племенами, была политически раздроблена на ряд королевств и, следовательно, еще существовали определенные границы для слияния англосаксов хотя бы в единую политическую, не

8Я
говоря уже об этнической, общность, да и внутри самих королевств все общество было разбито на обособленные коллективы, постольку и наказание для обоих указанных лиц в постановлении короля Инэ следовало за совершенный проступок одинаковое: «Если издалека происходящий человек или чужак вне дороги идет лесом и не кричит, и в рог не трубит, то он должен рассматриваться как вор; или пусть убьют его, или пусть выкупят»⁹². Но, несмотря на проведение в данном постановлении одинакового наказания как для своего же англосакса, так и для «чужака», уже к VII в. намечился определенный прогресс в деле осознания единства всех англосаксов в целом, поддерживаемого еще и пережитками родовых устоев.

Являясь составным словом в некоторых словосочетаниях, «sib» ясно обнаруживает двойной смысл. С одной стороны, когда речь идет о степенях родства, термин «sib» четко определяет родственную связь. В строфе 2708 поэмы «Беовульф» речь идет, например, о «sib-aethe-lingas», т. е. о том, что римляне называли «nobilis consan-guineus». В строфах 387 и 729 поэмы «Беовульф» говорится о группе воинов, связанных родственными узами — «sibbe-gedryht». И в то же время нельзя придавать выше-приведенного значения таким словосочетаниям, как «dryht-sib» и «sib-gemaene», в которые слово «sib» входит как определяющее⁹³. Более четко значение термина «dryht-sib(b)» выявляется при разборе не только его второй, но и первой части — «dryht», выступающей как самостоятельно, так и в качестве корня в ряде слов англосаксонского языка. В первом случае это слово переводится как «воин»⁹⁴ или как «военный отряд»⁹⁵, во втором — как «господин»⁹⁶. Dryhten в значении «господин» встречается не только в поэзии раннего времени. Вплоть до XI в. dryhten в этом смысле упоминается как в юридических (например, в англосаксонских законах)⁹⁷, так и в нарративных памятниках (например, в англосаксонских старинных загадках)⁹⁸. Ко времени правления короля Альфреда это слово приобретает второе значение — «господь» (иначе «бог»)⁹⁹. Таким образом, словосочетание «dryht-sib(b)» можно перевести лишь целым выражением — «мир или дружба, которые царили в среде военных отрядов». Но более интересно словосочетание «sib-gemaene». В то время как термин «dryht-sib» еще имеет при себе в качестве пояснения определяющее слово, словосочетание «sib-gemaene» выступает только в

89

качестве определения («быть связанным миром и дружбой»). Таким образом, понятие «мир» абстрагируется, но не теряет, однако, своей основы — родственные связи в коллективе¹⁰⁰.

Данное положение подтверждает и анализ характера коммуникативного общения как в целом обществ, находящихся в стадии разложения первобытнообщинного строя, так и отдельных их индивидов и членов различных общностей. В области коммуникативного общения господствует та же идея «миродства». В последнее время она все более и более привлекает внимание ученых. Но ее либо рассматривают при исследовании политических отношений, и тогда вследствие привлечения материалов эпохи уже возникших государственных образований совершенно теряется корень ее происхождения; либо касаются лишь периода полного господства родовых устоев, и тогда исследование замыкается в узком круге. Задача состоит именно в изучении развития данной идеи в период разложения первобытнообщинного строя и становления классового общества и, следовательно, возникновения первоначальных государственных образований.

Понятие «мир» («sib») у германских народов развивалось так же, как и вышерассмотренные англосаксонские выражения «nn-cnth» и «sib», поскольку эти выражения сходны не только

этиологически. Они имеют одни и те же корни и основу; их сходство уже давно подмечено исследователями¹⁰¹. В представлении германских народов некая сила мира соединяет различные племена¹⁰². В поэме «Беовульф» Хродгар говорит герою поэмы — Беовульфу:

Ты сделал так, что меж племенами, дружиной гаутов и данами-копыеносцами мир утвердится...¹⁰³

В данном случае этот «рах» подобен «bellum deesse». Какую же основу он носил в обществах, находившихся на стадии перехода от первобытнообщинного строя к возникновению государственности? У англосаксов этой основой являлся договор, который наряду с письменным обоснованием заключался и при подкреплении его устно определенными действиями¹⁰⁴. Очень рано у них возникает особый способ разрешения конфликтов путем установления формы дружественных отношений, основанных на кровном родстве¹⁰⁵. Подобные отношения, коренящиеся-

90

ся в племенном праве, возникали через установление личных связей глав племен или их семей.

Адаптация князя чужим королем практиковалась многими народами¹⁰⁶. У древних германцев зарождение данного обычая отмечено уже Тацитом¹⁰⁷. Он встречается и у англосаксов¹⁰⁸.

Подобные адаптации не являлись *adoptiones in heredi-tatem*, они представляли собой оборонительный союз¹⁰⁹. Соответственно честь быть адаптируемым оказывалась лишь мужественному¹¹⁰. С другой стороны, и адаптируемый, и адаптирующий были убеждены в том, что при спасении от врага чужой род оградит и того и другого¹¹¹.

В современных германских языках понятие «*sib*» выражает лишь одно значение — «родство (род)».

Почему же «*sib*» не сохранило свой второй смысл — «мир (мирные отношения)», предоставив его двум иным по звучанию терминам — «*Frieden*» и «*peace*»? Понятие «*frith*» встречается в англосаксонских законах наряду с «*sib*» уже с IX в. Но в отличие от «*sib*», которым заключались мирные отношения, носящие в своей основе родственные связи, «*frith*» объединяло две различные этнические общности, не опираясь на какое-либо родство: «Это есть мир (*frith*), который король Альфред и король Гутрум и уитаны всех родов англоv и всего народа в целом, что проживает в Восточной Англии, вместе заключили п клятвами укрепили за себя самих и за своих потомков как рожденных, так и (еще) нерожденных, которые пользуются милостью Господа или нашей»¹¹². Равно осмыслен «*frith*» в договоре королей Эдуарда и Гутрума: «... как англы и даны пошли на постоянный мир (*frith*) и дружбу...»¹¹³, и в законах короля Этельреда: «Если сотоварищ по миру (*frith-man*) короля Этельреда прибудет в немирную страну (*nnfrith land*) и тут подходит войско той земли, так пусть его король и все его добро имеют мир (*frith*) (т. е. неприкосновенность.— Е. Ш.)»¹¹⁴. Эта статья, приведенная в постановлениях короля Этельреда, является одним из пунктов мирного договора, заключенного между англосаксами и данами¹¹⁵. В 1018 г. при помощи «*frith*» Кнут утверждает мир между данами и англосаксами: «Именем Господа. Это есть предписание, которое определено и решено мудрейшими соответственно со многими добрыми предварительными условиями; пусть будет, как только король Кнут по совету своих уитанов установил, мир (*frith*) и дружба (*freondscipe*)

91

между данами и англами, и пусть будет положен конец всем их разногласиям»¹¹⁶.

Из вышеизложенного следует, что понятие «*frith*» несло оттенок оформляющейся государственности. «*Frith*», будучи абстрактным понятием, объединял как людей внутри одной этнической общности, так и лиц различных этнических общностей не по принципу родства, по на правовой основе возникающего государства: «Это есть предписание, которое король Этельред и его уитаны приняли в Вудстоке в Мерсии для всего народа (*eallon fol-ce*) для улучшения мира (*to frithesbote*) по английскому праву»¹¹⁷. Указанное право могло иметь политический оттенок: «И нашего Господа и его уитанов предписание есть, что пусть создают справедливые законы (*lage*) и все неправое охотно подавляют, и доставляют каждому его право (*rihtes*), и пусть честно поддерживают мир и дружбу (*frith and freondscipe*) в этой земле перед Господом и перед светом»¹¹⁸. Или, как звучит в законах короля Эдуарда: «Король Эдуард призвал своих уитанов, которые тут в Экзетере были, чтобы они все посовещались бы, как мог бы их мир (*frith*) стать лучше, чем он был прежде...»¹¹⁹. Подобное звучит и в прологе к законам короля Этельреда: «Это есть предписание, которое король Этельред и его уитаны приняли, всему народу для улучшения мира (*to frithesbote*), в Вудстоке и Мерсии, по английскому праву»¹²⁰. Наиболее ясно политическая основа мира выступает в постановлениях короля Эдгара: «И это я желаю, чтобы данное предписание о таких розысках нам всем было бы обще для защиты и для мира (*to frithe*) всему народу»¹²¹. «*Frith*» мог также подкрепляться и гражданским правом: «И каждый купеческий корабль, который приходит в гавань, пусть, несмотря па то что это чужой корабль, если он не принесен бурей, мир (*frith*) имеет. И даже: если он зашел из-за бури и спасается в мирном бурге (*frith-byrig*), и мужи проникли в бург, должны затем мужи иметь мир (*frith*) и (также) то, что они приносят с собой»¹²². Мир мог нести и церковную основу. Так, например, в наиболее древних законах короля Этельберта пени расцениваются следующим образом: «Добро Господа и церкви в двенадцать раз; епископа добро в одиннадцать раз;

добро священника в девять раз; добро дьякона в шесть раз; добро клирика в три раза; церковный мир (Cyricfrith) в два раза; монастырский мир (M (ynstres) frith) в два раза»¹²³. Или, как звучит в законах короля Альфреда, «О церков-

92

ном мире»¹²⁴: «Также присуждаем мы каждой церкви, которую епископ освятил, этот мир (frith)...»¹²⁵. Основой frith могло выступать, наконец, уголовное право. «Также благодарю я Господа и вас всех,— писал король Эдмунд,— что вы мне хорошо помогали, и за мир (frit-hes), который мы теперь в отношении воровства имеем ...»¹²⁶

Опорой «frith» выступало не родство, а дружба (freondscipe) : «И это есть также установление, которое король Альфред и король Гутрум и впоследствии король Эдуард и король Гутрум предназначили и решили, как англ и даны пошли па окончательный мир и дружбу (to frithe and to freondscipe); и уитаны также, которые позже жили, обновляя часто и нередко (решали) то же самое, и умножали это с добром»¹²⁷. Таким образом, основой «frith» являлось возникающее государственное право; основой «sib» — обычное право, уходящее корнями в родо-племенную эпоху.

Разрушение союза, основанного на родстве, влекло к вражде, институт которой получил у немецких историков права наименование «Friedlosigkeit». Исходным пунктом вражды было утверждение, что нарушение обычая вытекало из нарушения мира; следовательно, нарушитель должен был изгоняться из этого мира¹²⁸ посредством двух установленных наказаний — объявления вне закона или смертного приговора¹²⁹. У англосаксов с развитием понятия «fritli» произошло раздвоение осмысления института «нарушение мира». Последствия такого «нарушения мира» — вражда и как ее результат — кровная месть, представляющие состояния более раннего развития общества¹³⁰, отделяются от самого понятия «нарушение мира» и начинают играть самостоятельную роль¹³¹. Подобно и «frith» осмысливается шире, а «sib» все теснее смыкается с «враждой» и «кровной мстью», уступая с разложением родо-племенного строя свои прерогативы «frith». Как социальная сила институт «нарушение мира» начинает распространять свое действие па более широкий союз, чем род или племя. Однако до тех пор пока существовали какие-либо институты родового строя, существовало еще и двойное осмысление понятия «мир».

Данная тенденция развития связей, объединяющих все англосаксонское общество в одно целое, от родо-племенных связей до связей этнической общности под началом государства на новой социально-экономической осно-

93

ве, прекрасно отражена в англосаксонских источниках. Вплоть до XII в. в обществе англосаксов существовал обычай «кровной мести». Этот институт назывался у них двойко: «faeht» (лат. faida) и «wгаси». Вот как трактуется понятие «faeht» в англосаксонском законодательстве—у Инэ: «Кто поймает (gefeth) вора, тот пусть получит 10 шиллингов, и вор и родичи (вора) должны присягать королю в несовершении кровной мести (unfaeht-ha)»¹³²; или: «Каждому позволено очиститься от (обвинения в недозволенном) приюте и убийстве (weg-faehthe), если он это может или (на это) откажется»¹³³; или «О битве»¹³⁴ и «Об обвинении в убийстве»¹³⁵: «Если кто-либо в убийстве (weg-faehthe) обвинен и хочет клятвенно отрицать смертельный удар...»¹³⁶; в постановлениях короля Эдмунда: «Мне и всем нам очень неприятны незаконные и различные распри (gefeth), которые существуют среди нас, поэтому мы решили...»¹³⁷; в законах королей Альфреда, Этельреда, Кнута¹³⁸ и других королей. Очень схоже с «faeht» и понятие «wгаси»¹³⁹. От первого понятия взяли свое начало в англосаксонском языке такие слова, как «враг»¹⁴⁰, «сражаться»¹⁴¹ и даже «ловить при воровстве»¹⁴²; от второго — такие, как «мстить»¹⁴³, «враждебно»¹⁴⁴, «враждебным образом»¹⁴⁵ «враждебность»¹⁴⁶.

В языке зафиксированы все этапы «кровной мести»: ее начало и подготовка с соответствующим эмоциональным состоянием участников¹⁴⁷, серьезность дела проведения «кровной мести». В последнем случае она рассматривалась как особое «дело (работа)», чем подчеркивалось то большое значение, которое уделялось при первобытнообщинном строе «мести и вражде», рассматривавшимся членами общества как действия, нарушающие сохранность этого общества¹⁴⁸. В мышлении англосаксов было отражено сознание того, что выступление против любого общественного дела является началом, нарушающим спокойную жизнь и мир и приводящим к вражде, а следовательно, и к мести. От понятия «кровной мести» как «дела» ведут свое происхождение и определенное наименование лиц, нарушающих мир, как «враждующие»¹⁴⁹, и само название вражды¹⁵⁰. В юридических документах от вышеназванного понятия «отпочковались» специальные, юридического характера, выражения, такие, как «изменник»¹⁵¹ или же «отрицать вину»¹⁵². Последнее понятие идентично выражению «клясться в невинности»¹⁵³. «Вторжение в городище,— звучит в законах ко-

94

роля Инэ,— должно оплачиваться (штрафом) в 120 шиллингов королю и епископу, под управлением которого находится территория; элдормену платят 80 шиллингов; королевскому тэну — 60 шиллингов; гезиту, на территории которого (это) произошло,— 35; и согласно соотношению (виновные) очищаются от обвинения посредством клятвы (ansacan)»¹⁵⁴. В последующем постановлении того же короля указывается, что «любой может очиститься посредством клятвы (o(a)nsacan) от обвинения в (недозволенном) приюте или убийстве, если он может или отважится»¹⁵⁵. Характерно, что даже современные германские языки, такие, как немецкий, датский, норвежский, шведский, сохранили, правда сильно видоизмененным, данное понятие, употребляемое в чисто юридическом смысле¹⁵⁶. Даже в английском языке, несмотря на сильное влияние французского, от вышерассматриваемого понятия сохранились такие выражения, как «предъявлять иск», и устаревшее ныне «истина (правда)»¹⁵⁷. Последним этапом, ведущим к окончанию «кровной мести», являлось повержение, одоление врага¹⁵⁸. Прекрасное описание случая кровной мести, ее развития и последствий приведено в строках древнеанглийской поэмы «Беовульф», в которых король Хродгар, обращаясь к герою поэмы, повествует об его отце Эгтеове. Эгтеов был изгнан из родного племени из-за убийства им соплеменника и как следствие из-за ужаса всего племени перед кровной враждой, которая могла разгореться в нем после этого убийства¹⁵⁹.

В современных германских языках понятие «кровная месть» сохранилось лишь как историческое¹⁶⁰. Таким образом, институт «кровной мести» как одна из форм «вражды», иначе как одна из форм (локальных) ведения войны в первобытном обществе, достиг у англосаксов большого развития. По выражению К. Маркса, «война раньше достигла развитых форм, чем мир»¹⁶¹.

Данный институт оказал большое влияние на сплочение и объединение различных групп населения в обществе англосаксов. Однако ко времени разложения первобытнообщинного строя данный институт все более начинает под влиянием развития государственности у англосаксов облекаться в юридическую форму в соответствии с новой возникающей системой управления обществом. Новые нарождающиеся органы управления стремились пресечь и искоренить этот обычай. Зачинщика кровной мести изгоняли¹⁶²; он подвергался преследованию со стороны всего

95

общества¹⁶³. Соответственно все общество предоставляло охрану и защиту каждому его члену¹⁶⁴.

Однако до тех пор пока в англосаксонском обществе продолжали существовать остатки родоплеменных отношений, в нем сохранялся принцип построения взаимоотношений на основе «вражды и мира», выраженный понятиями «faeþh» и «sib». В известной степени развитие подобных взаимоотношений зависело от определенного «потолка» плотности коммуникаций, существовавшего при первобытнообщинном строе и вызванного слабой плотностью населения и отсутствием письменности¹⁶⁵; следовательно, все связи и отношения в первобытном обществе в большей своей части замыкались внутри рода и племени и строились на соответствующей ему социально-экономической основе. Лишь с постепенным отмиранием отношений, базирующихся на основе «вражды и мира», устарело и исчезло понятие «sib», уступив свое место новому началу — «frith», возникшему с развитием государственности и созданием новой этнической общности с новым этническим самосознанием. Само слово «frith» не уцелело в английском языке, в чем повинно влияние французского «paix» (англ. peace), появившегося на Британских островах со времени правления Вильгельма I Завоевателя — нормандского герцога. Французское слово «paix» развивалось идентично англосаксонскому понятию «frith» и постепенно вытеснило из речи населения англосаксонских областей последнее. В германских языках, не подвергнувшись французскому влиянию, понятие «frith» в соответствующем звучании сохранилось¹⁶⁶.

Для англосаксов началом нового самосознания явилось смысловое разграничение ряда понятий. Термины «teod» и «sib» отражали целую систему искусственного родства, созданную для обеспечения защиты и мира. Мысль о родственном союзе для заключения мира, особенно при формах создания искусственного родства, свидетельствует о том, что круг родственного чувства связи расширился

Данное положение, по определению

Сюча, можно охарактеризовать как «гептилизм»

Термин «гептилизм» и явление, скрывающееся за ним, а также теоретическая оценка его в отношении становления этнического самосознания еще недостаточно оценены учеными, хотя решение данной проблемы позволит раскрыть характерные особенности возникновения государственности. Ведь термины «национальность» или «нация»

представляют собой ретроспективные категории. Это означает лишь то, что при любом обсуждении вышеприведенных понятий в историческом аспекте предполагается, как правило, размышление о том историческом образовании, из которого и были сформированы современные нации. На важность детального исследования проявления генти-лизма у германских племен указывал еще в 1961 г. немецкий ученый Р. Венкус¹⁶⁹. Сючем был взят наиболее яркий пример проявления чувства «гентилизма», а именно противопоставление германских племен римскому миру. Если разобрать это чувство более детально, подходу с психологической точки зрения, то нужно признать, что у первобытной группы этническое самосознание должно было оформляться двояко: 1) определенность имела та общность, которую называли словом «Они», тогда как «Мы» — это те, кто не входил в общность под наименованием «Они». В этом случае «Мы» не имело определенности и мысленно конструировалось только через противопоставление категории «Они», охватывая безразлично или потенциально всех, кто «Не они»; 2) некоторую определенность имела лишь группа, означаемая через «Мы», а остальные составляли негативную общность, конструируемую посредством выражений «Не мы», «Не наши»¹⁷⁰. К этому следует добавить, что противопоставление, выраженное вторым случаем, нередко приближается к социальной границе, отделяющей как этнически, так и политически одну группу от другой (ср., напр., с кровной мстостью, господствующей на определенных ступенях развития во всех без исключения обществах).

Вторая ступень наиболее характерна для психологии людей первобытнообщинного строя. Она заключалась в идее выражения чувства сопринадлежности к определенному племени или роду, отражение которой можно проследить и по англосаксонским источникам. В них ярко выражена мысль, что человек, нарушивший законы рода, ставился вне закона (*utlah*) и изгонялся: «Если он кого-либо убьет, пусть будет он без права (*utlah*) и пусть каждый преследует его криком, кто желает (получить свое) право (*riht*)»¹⁷¹. В законах Кнута звучит: «Если кто-либо имеет или держит отлученных от церкви или лишенных права (*utlagam*), пусть он сам себя и все свое добро подвергнет опасности»¹⁷². Или: «Пусть будет вор при всем народе вне закона (*utlah*)»¹⁷³. И в постановлениях Этельреда: «Пусть будет вор без права (*utlah*) у всего народа»¹⁷⁴, и «если ему очищение не удастся, пусть

⁴ Е. А. Шервуд

уплатит он королю свою виру, и пусть будет муж без права»¹⁷⁵. Само понятие «*utlah*» именовалось в народе как «*frendlaesman*»¹⁷⁶, а в X—XI вв. была даже разработана особая для таких случаев формула «отлучения»¹⁷⁷. Мало того, к X в. человек, бежавший от наказания или порвавший посредством бегства какие-либо обязательства перед коллективом, в котором он ранее пребывал, становился также вне закона. В постановлениях короля Этельреда, например, звучит: «Пусть будет любой по характеру беглый — беглым в любой стране, если он таковым считается в одной из них»¹⁷⁸. Он рассматривается как «выродок»; в мифологии он подобен черту (демону)¹⁷⁹. В законодательстве это лицо приравнивается к оборотню в образе волка как символу, олицетворяющему существо без рода и земли: «Затем должны быть пастыри бдительными и наставлять, и должны парод охранять от вредителя народа, а именно — епископы и священники при мессе, которые должны охранять и оберегать духовные стада при помощи мудрого учения, чтобы алчный вервольф (т. е. оборотень. — *Е. III.*) не слишком бы сильно душил и не слишком многих из духовного стада кусал бы ...»¹⁸⁰. Весь мир той эпохи был пронизан чувством общности, и германцам странно было видеть человека, который не относился ни к какому роду. Впоследствии, с введением христианства, данное лицо рассматривалось не просто как «чудовище», но как «чудовище», противное богу, иначе — отвергнутое им¹⁸¹. Речь в данном случае идет о герое поэмы «Беовульф», одном из отрицательных персонажей, Грэнделе ил рода Каина¹⁸². И даже в этом случае «чудовищу» приписывают его род. Чувство принадлежности к роду или племени являлось в период первобытнообщинного строя первым кирпичиком в создании фундамента этнического самосознания. Если чувство гентилизма могло возникнуть лишь в процессе противопоставления, то чувство принадлежности к роду или племени явилось подготовкой к возникновению последнего. Из чувства противопоставления рода своему члену, отторгнувшему его, перешли по аналогии к чувству противопоставления уже не к одному чужаку, а ко многим чужакам. «Пусть любая из стран,—говорится в законах Этельреда,— которая даст мир (приют) тому из тех, кто опустошает Англию, будет у нас и у всего войска вне закона (*ntlah*)»¹⁸³. В последнем случае противопоставляются две разные этнические группы и король (но уже тте род) как представитель всего народа яв-

ляется ответственным за мир и спокойствие, царящие в его среде: «И если кто-либо совершает преступление, за которое полагается опала, так пусть король владеет миром»¹⁸⁴. Примером проявления чувства гентилизма у северо-западных германских племен являлось, например, оказание помощи друг другу, которая не была редким событием:

Страж говорил (оттуда), где (он) на коне восседал:

Я слышал то, что это ость преданный отряд (о гаутах) Правителю скильдипгов (т. о. данов. - *Е. Ш.*)...¹⁸⁵
Вожди племен ощущали свое родство и выручали друг друга, посылая нередко на помощь отдельные военные отряды. Подобно тому как чувства родства в племени или роду выступали надежной гарантией покровительства рода или племени любому его члену, действуя по принципу кровной мести, так и чувство гентилизма вело к тому же, распространяя свое влияние на более широкий ареал. Нами был рассмотрен ряд факторов, способствующих образованию этнического самосознания у англосаксов, основу которых можно охарактеризовать словом «генти-лизм». Подводя итог, необходимо отметить, что у общности, которая по своему развитию находилась на стадии перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, чувство гентилизма проявлялось в двух различных плоскостях: и горизонтальной — развитие территориального этнического сознания, и вертикальной — отражение развития последнего в социальной структуре общества. Первая стадия (когда еще не была полностью осознана сама общность) характеризовалась совпадением смыслов и значений, составляя главную особенность этнического сознания, пронизанного гентильными представлениями, осознанием родовой принадлежности. Именно в это время возникают представления об общности, выходящей за рамки не только производственного коллектива, но и племени (этнической группы); осознается широкое сходство между людьми с одинаковым хозяйственно-культурным укладом. У англосаксов, как и у всех германских племен, наблюдается в это время тенденция к созданию из родственных групп политически суверенной общности. Данное обстоятельство было уже подмечено немецкими историками. Отсюда в немецкой научной литературе частое использование термина «племенное ко-

99

4*

ролевство» для означения таких общностей¹⁸⁶. Но это выражение все же мало отражает истинную глубину вышеприведенного процесса. Изучение этнонимии могло бы внести в этническую историю много интересных деталей, но эта категория источников пока чрезвычайно слабо исследована специалистами.

Гентилизм как рудимент родового сознания оказал влияние как на внешнюю сторону развития этнического сознания у англосаксов — отделение ими себя от прочих германских племен, не относившихся к ингевонам, так и на внутреннюю сторону, которая отражена в развитии социальной структуры общества (вертикальная плоскость). В III—V вв. возникают уже устойчивые союзы племен, что представляло собой, по выражению Ф. Энгельса, «первый шаг к образованию наций»¹⁸⁷. У всей северозападной группы германских племен данные союзы поддерживались не только «ингевонизмом», отразившим влияние сходной географической среды на осознание ингевонами своей культурной общности, но и значением применяемого лишь ими чувства общности — «teutho». Данный этноним, означавший первоначально «народ вообще», впоследствии стал пониматься как «народ определенной группы германцев». Во втором случае он явился цементирующей силой для сплочения ингевонов в одну группу и способствовал еще большему выявлению присущего им этнического сознания. Таким образом, оба понятия — «sib» и «Leulho» — отразили первый этап становления самосознания северозападных германцев. Традиции периода господства родовых отношений наложили свой отпечаток на смысловое значение этнонима «tenth». Но уже стремление отдельных германских племен, включая и англосаксов, придать соответствующее ему определение, указывающее именно на данное племя, явилось первым шагом к изменению его смысла в направлении самоопределения отдельного народа в среде ингевонов. Третьим этапом трансформации понятия «teutho» стало под влиянием развития социально-экономических отношений использование его для выражения этнических связей в социальной структуре общества. Неся на себе тот же смысловой оттенок, что и латинское слово «gens», оно повлияло на трансформацию у англосаксов и прочих ингевонов многих понятий родового общества, направленных, как и он, на объединение северозападных германцев. У англосаксов одно из таких понятий было заключено в слове «sib».

100

В заключение подчеркнем, что если термины «ингево-*ifbi*» и «sib», применяемые в горизонтальном уровне развития гентилизма, содействовали выработке данного сознания на первом этапе его развития, то понятие «teutho» явилось одной из основ для перехода англосаксов и других ингевонов на более высокую ступень развития самосознания.

¹ См., напр.: *Кушпер П. П. (Кныисв)*. Национальное самосознание как этнический определитель // КСИЭ. 1949. Вып. 8.; *Он же*. Этнические территории и этнические границы; *Агаев А. Г.* Нация, ее сущность и самосознание // ВФ. 1967. № 7; *Он же* - Социалистический интернационализм, национальное самосознание и патриотизм // Теоретические вопросы интернационализма. М., 1968. Вып. 1.; *Бромлей Ю. В.* К вопросу об объективных основаниях этнического самосознания // Тез. докл. сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971; *Исгов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3; *Поршнев Б. Ф.* Противопоставление как

- компонент этнического самосознания // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973. М., 1973; и др.
- См.: *Кремлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 98-113.
- " *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей // ВФ. 19(54. № И; *Козлов В. И.* О понятии этнической общности // СЭ. 1907. № 2; *Чебонсаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Там же. № 4; *Ла-шук Л. П.* О формах долатиональских этнических связей // ВИ. 1%7. № 4; *Нромлей Ю. В.* К вопросу о сущности «этноса» // Природа. 1970. № 2; *Он же.* К характеристике понятия «этнос» // Расы и пароды. М., 1971. Вып. 1; *Он же.* Этнос и этносоциальный организм // Вести. АН СССР. 1970. № 8; *Козлов В. Л.* Этнос и экономика: Этническая и экономическая общности // СЭ. 1970. № 6; *Он же.* Что же такое этнос? // Природа. 1971. № 2; и др.
- ⁴ См., напр.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. С. 137-143.
- ⁵ *Колесницкий Н. Ф.* Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI-XIV вв.) // СВ. М., 1963. Вып. 23. С. 190.
- ⁶ Там же. С. 185; см. также; *Shore Th. W.* Origin of the anglo-saxon race. A study of the settlement of England and the tribal origin of the old English people. London, 1906. P. 20-22.
- ⁷ «Comes, litoris Saxonici» - *Bremer O.* Ethnographic der germani-schon Stamme // Grundrip der germanischen Philologio. S. 1., 1900. Bd. III. S. 806-867.
- ⁸ См., напр.: *Ammiani Marcellini Rerum gestamm. Libri qui super-sunt Recensivit phuthmiceque distinxit Carolus U. Clark.* Beroli-ni, 1915. Vol. II (Далее: *Amm. Marc.*). 26, 3; 27, 8; 28, 2; 28, 5.
- ⁹ *Venerabilis Bedae historia ecclesiastica gentis anglorum* // *Beda Venerabilis. Opera historica.* Vaduz, 1964. Vol. 1 (Далее: *Beda*). I, XV, § 36.
- ¹⁰ См. напр.: *Прокопий из Кесарии: Война с готами.* М., 1950. IV; 20, 7.
- 101
- ¹¹ См., напр.: *Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964. С. 198, 248—256; *Frings Th.* Sprache und Geschichtc. Halle, 1956. Bd. 1. S. 16, 20, 51, 56.
- ¹² См., напр.: *Blair P. H.* An introduction to the anglo-saxon England Cambridge, 1956. P. 10; *Aberg N.* The anglo-saxon in England During the early centuries after the invasion. Uppsala, 1926. P. 151.
- ¹³ *Stubbs W.* The beginnings of the foreign policy of England in the Middle ages // *Stubbs W. Lectures on early English history.* London, 1906. P. 556-557.
- ¹⁴ *Oceanus Fresonicus quern Romani scribunt Britannicum* // *Ada-mus Bremensis Hamburgische Kirchengeschichte.* Hannover; Leipzig, 1917. 3 АчП.;-227, 3; ср.: 238, 10.
- ¹⁵ *Chadwick H. M.* The origin of the English nation. Cambridge, 1924. P. 51-52. ¹⁸ *Beda I, XV, § 36.*
- ¹⁷ Подобное сопротивление, но проводимое более откровенно, наблюдалось у греческих полисов, которые при военных столкновениях с народами и племенами чуждой культуры объединялись, создавая мощные этпотерриториальные союмы. Именно в период греко-персидских войн появилось общее для всех греков название «эллины».
- ¹⁸ См., напр.: *Engeltoed, Saextcod, Svitiioth, Guttiuda, Gautioth* — *Much R.* Germanische Starninesnamen // *Germanon und Indogermanen.* O. J., o. P. Bd. 2. S. 501; *Gutenbrnner S., Jalmkuhn H., Laur W.* Volker und Stamme Siidostschleswigs im friihen Mittelal-ter // *Gottorfer Schriften.* Schleswig, 1952. Bd. 1. S. 163.
- ¹⁹ *Klenle R. v.* Germanische Gemeinschaftsformen. Stuttgart. 1939.
- ²⁰ *Wenskus R.* Stammesbildorig und Verfassung. Das VVcrden der friihmittelalterlichen gentes. Ko'lii; Graz, 1961. S. 47.
- ²¹ Слово «teutho» означено этимологически не совсем четко. Происхождение его коренится в лат. «totus». *Schrader O.* Sprach-vergleichung und Urgeschichte. Jena, 1907. Bd. 2. S. 389; *Palmer R. L.* Achaeans and indo-eiiropeans. An inaugural lecture. Oxford, 1955. P. 14.
- ²² Ср.: *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. S. 93. ²⁻¹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 29. С. 14.
- ²⁴ *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. S. 61.
- ²⁵ См., напр.: *Inguiomerus* и *Ingvaonen*. Под первым фигурирует дядя вождя германского племени херусков Армии ия со стороны отца; под последним — одно из трех главных германских племен. *P. Cornelii Taciti opera quae supersunt ad fidem codicum Berolini.* 1859-1877. Vol. 1-2. (Далее: *Tac. An.*; *Tac. Germ.*): *Tac. An.* I, 60; II, 17, 21; *Tac. Germ.* II; *Mullenhoff K.* Beowulf. Untei'-suchungen iiber das angelsiichsischen Epos und die alleste Ge-schichte der germanischen Secvolker. Berlin, 1889. *Schwarz E.* Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. Studien zur Ausglicderung der germanischen Sprachlien. Bern; Mimchen, 1951. S. 188; *Chad-wick H. M.* The origin of the English nation. P. 217-219.
- ²⁰ *Den aoldre Edda og Eddica minora.* Kobenhavn, 1943. Bd. 1. S. 138; *Snorre Heimskringla.* Kebenhavn, 1948. Bd. 1 // *Inglinga saga* 17, 20; ср.: *Forstemann E.* Altdoitsches Namenhuch. Bonn, 1900. Bd. 1. S. 786; *Chadwick H. M.* The origin of the English nation. P. 216-217, 224.
- 102
- The rune poem 67—70 // *The anglo-saxon minor poems.* New York, 1942.
- Forstemann E.* Altdoitsches Namenbuch. Nordhausen, 1856. Bd. 1. S. 783- 787.
- Bowie J.* The English experience. A survey of English history from early to modern times. London, 1971. P. 48; *Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение. С. 234.
- Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1980. С. 93-95. *Tac. Germ.* XLIV.
- Beovulf.* Mit ausfiihrlichen Glossar. Paderborn, 1863 (Далее: *Beov.*). 28-50; ср.: *Песня моряка* // *Bibliothek der angelsachsischen Poe-sie.* Kassel, 1883. Bd. 1. S. 290-295. *Beov.* 28, 42-46, 49.
- См., напр.: «sae-cyning» (*Beov.* 2382 - «морской король» или «король, господствующий на море»); «sae-lithend» (*Beov.* 377, 411, 1818, 2806 — «через море плывущий па корабле»); «sae-man» (*Beov.* 295^ — «морской муж»); «sae-rinc» (*Beov.* 690 — «морской герои» или «воип на море») и т. д.
- Grimm J.* Geschichte der deutschon Sprache. 3 Aufl. Leipzig, 1868. Bd. 1. S. 39-40; ср.: S. 42.
- Wild Fr.* Beowulf und die Waegmunding // *Moderne Sprachen Schriftenroih.* Wien, 1961. Hf. 6.
- Beov.* 1945-1962; ср.: *Видсид (35—49)* и родословную таблицу королей Мерсии // *Chambers R. W.* Beowulf. An introduction to the study of the poem, with a discussion of the stories of Offa and Finn. Cambridge, 1959. P. 31-40.
- Caupp E. Th.* Recht und Verfassung der alien Sachsen. Breslau, 1837-1838. S. 9.

Beov. 383, 463, 616, 783, 828, 1578, 1996 и т. д. См., напр.: Beov. 383, 463, 616, 783, 1578 и т. д. Подобное прослеживается и по другим источникам; см., напр.: The rune poem 67: «(Ing) waes aerest mid Eastdenum». Widsith. Copenhagen, 1962. King Alfred's Orosius. London, 1933. Part 1. I, 1. P. 16. См., напр.: *Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig, 1853. Bd. 1. S. 511 Beov. 1044, 1319.

См., напр.: Beov. 1, 1856 - «Gar-Dena»; Boov. 464, 1710 - «Ar-Scil-dinga»; Beov. 597, 2004 - «Sige-Scildinga»; Beov. 1108 - «Herc-Scildinga».

Beov. 899 — «wer-teod». Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 25. С. 258.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 160; ср. Т. 19. С. 518-546.

Нидерле Л. Обзорение современного славянства // Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1909. Вып. 2. С. 16, 26; ср.: Куш-нер И. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 8.

См., напр.: Кушнер П. И. Этническая граница//СЭ. 1947. № 2 С. 31.

Семенов Ю. И. О периодизации первобытной истории//СЭ 1965. № 5. С. 84.

Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность людей//ВИ. 1966. № 4. С. 30.

103

⁵⁴ Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение. С. 103-172; ср.: Стеблин-Коменский М. И. История скандинавских языков. С. 27; Mutter F. H. Die deutschen Stamme und ihre Fursten oder historische Entwicklung der Territorial-Ver-haltnisse Deutschlands im Mittelalter. Berlin, 1840. Т. 1. S. 157, 284-285.

⁵⁵ Krahe H. Sprache und Vorzeit. Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache. Heidelberg, 1964. S. 16-17.

⁵⁶ Frings Th. Sprache und Geschichte. S. 16, 20, 51, 65, 82-86; Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение ...С. 27-28; Clark G. English history. A survey. Oxford, 1971. P. 34-35; Schwarz E. Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. S. 188; Girvan R. Beowulf and the seventh century. Language and content. London, 1971. P. 8; Chadwick H. M. The heroic Age. Cambridge, 1967. P. 51; Blair P. H. An introduction to anglo-saxon England. Cambridge, 1956. P. 8, 301; Stenton F. M. Anglo-saxon England. Oxford, 1943. P. 6; Aberg N. The Anglo-saxons in England P. 89, 154—157; см. также: Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 485-486, 492.

⁵⁷ Пекарчик С. Вера в судьбу: Группа, индивид, эталоны поведения // СВ. М., 1971. Вып. 34. С. 102.

⁵⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 48. С. 234.

⁵⁹ См., напр.: Beov. 1410, 2213-2215; Ни. 4 (Bd. I. S. 192).

⁶⁰ См., напр.: Beov. 276.

⁶¹ См., напр.: Beov. 957-960.

⁶² Af. El. 47: «Tarn cltheodegan/utan cumenan ne lact thu no un-cuthlice with liine, ne mid nanum unryhtm tu hine ne droce» (Bd. 1. S. 42) и Quadr.: «Peregrine molcstus non eris, quia ipsi peregrin! fuistis in terra Egypti» (Bd. 1. S. 43); (The old English Exodus. New-Haven, 1953. Далее: Exodus). 23, 9.

⁶³ IGn. 6: «Man-slagan and man-sworan, had-brecan and aew-brecan gebygan and gebetan, oththe of cyththe mid syrinan gomi an» и Quadr.: «Homicidiae et perjuri, sacrorum ordinum contemptores et adulteri poeniteant et emendent aut cum peccatis suis a cognitione discedant» (Bd. 1. S. 312); ср.: Beov. 1838.

⁶⁴ HI. 16, 2; 16, 3: «gif ho taet ne maege, gekythe tanne in wiofode mid his gewytena anum oththe mid cyninges wi c-gerefan, taet lie taot feoh undeornunga his cflthan ceape in wic gebohto, and him man tanne his wworth agefc; gif he tanne taet no mae ge gecythan mid rihtre canne, laete tanne an and se agend to-fo» (Bd. 1. S. 11).

⁶⁵ Duns. 1: «Taet is: gif man trode bedriht forstolenes yrfes of stacthe on other, tomne bofaeste man taet spo(r) landesmannum oththe mid mearce gecythe taet man riht drife» (Bd. 1. S. 374) и Quadr.: «cum marca monstretur» (Bd. 1. S. 375).

⁶⁶ Aelfric's De Temporibus Anni. London, 1942.-VII, 11, 13.

⁶⁷ HI. 16,2: «gekyte» ср.: HI. 16,3 (Bd. 1. S. 11); Af. El. 42: «geythe hit him» — «так сообщи это ему» (Bd. 1. S. 40); Af. 42,4: «hine liis freondum gecythe» — «пусть известит об ятом своих друзей» (Bd. I. S. 76); Ino 16, 17 (Bd. 1. S. 96); IAs. Pro.: «cyth» - «извещать» (Bd. 1. S. 146) и VAs. Pro.: «cyt» — «извещать» (Bd. 1. S. 166); IIIAtr. 15: «kyte» (Bd. 1. S. 32); Ger. 19: «gecythe» (Bd. 1. S. 455); см. также прилагательное «cythath (gecythe, cund)» в значении «известный (-ое, -ая)» — Af. El. 49, 3 (Bd. 1. S. 42); Af. 34 (Bd. 1. S. 68); Ine 20 (Bd. 1. S. 98).

⁶⁸ IAs Pro.: «Ic Aethelstan cynings mid geteahte Wulfhelmes arceb.

and minra othra bisceopa, cyth tarn gerefan to hwilcere birig,

104

and eow hidde on Godes naman and on ealra his haligra, and eac bo minum freondscipe, taet...» (Bd. 1. S. 146).

⁶⁹ IEm. Pro: «Eadmund cyning cyth eallum folce...» (Bd. 1. S. 186).

⁷⁰ Ine Rubr. 35: «gecythan» (Bd. 1. S. 22); ср.: Ine 21: «gecytan» (Bd. 1. S. 98); Ine 25,1: «gecythe» (Bd. 1. S. 100); ср.: Ine 35 (Bd. 1. S. 104); Ine 49,1 (Bd. 1, S. 110); Ine 53 и 53,1 (Bd. 1. S. 112); IEw. 3: «ofercythed» (Bd. 1. S. 140).

⁷¹ Beov. 2431; «geaf me sine ond symbel, sibbe gemimde...»

⁷² Beov. 2600-2601: ...Sibb aefre ne-niaeg

wilit onwncdan tam-te wcl tencetli.

⁷³ Beov. 154-155; ...sibbe ne wolde

with manna hwone maegenes Deniga,

⁷⁴ Beov. 1164-1165: ...ta gyt waes hiera sib aetgaedere,

aeghwylc othrum trywe...

⁷⁵ Beov. 948-950: ... heald forth tela

niwe sibbe. Ne-bith te naonigra gad woroldo wilna, te ic geweald haebbe,..

⁷⁶ См., напр.: готский перевод Библии *Букъфкяом*/(Streitberg W. Die gotische Bibel, Heidelberg, 1919-1928. Bd. 1-2).

- ⁷⁷ *Streitberg W.* Urgermanische Grammatik. Heidelberg, 1900. S. 118; cp.: *Murdok G. P.* Sociale structure. New York, 1949. S. 47, 66-71.
- ⁷⁸ Cynewulfs Elene. Berlin, 1889. 668.
- ⁷⁹ Beov. 154, 2922; cp.: «Treuga dei!»
- ⁸⁰ Beov. 2017.
- ⁸¹ Beov. 1164-1165.
- ⁸² Beov. 946-949: ... ic ... tec, ...
me for sunu wylle
freogan on ferhthe; heald forth tela
nlwe sibbe...
- ⁸³ Beov. 2430-2431: heold mec on haefde Hrethel cyning,
..., sibbe germde.
- ⁸⁴ Beov. 2600-2601.
- ⁸⁵ Beov. 2708.
- ⁸⁰ IEm. Pro. I (Bd. 1. S. 186); cp.: Sacr. Cor. I, 1 (Bd. 1. S. 216), ICn. 17, 2 (Bd. 1. S. 298).
- ⁸⁷ ICn: 7: «And we laerath and biddath and on Godes naman beodath, laet aenig cristen mann binnan VI manna sib-faece on his age-nan cynne aefre ne gewtfe, ne on his maeges lafe, te swa neah sib waere, ne on taes wtfes ned-magan, te he sylf aer haefde, ne on his gefaederan, ne on gehalgodre nunnan...» (Bd. 1. S. 290) и Quadr.: «in parentela sua intra sextem generationem» (Bd. 1. S. 290); cp.: VIAtr. 12 (Bd. 1. S. 250).
- ⁸⁸ IIGn. 51; «Gif hwa sib-leger gewyrce, gebete taet be sibbe mgethe, swa be were swa be wite swa bo ealre aehte» (Bd. 1. S. 346) и Quadr.: «sccondum cognationis» (Bd. 1. S. 347).
- ⁸⁹ Northu 61,1: «And nan man no wifige on neah-sibban tñ tonne with-utan tarn III cneowe, ne nSn man his godsibbe ne wifige» (Bd. 1. S. 384).
- ⁹⁰ HCn. 51,1: «Ne bith na gelic, taet man with swustor gehaeme and hit waere feor sibh» (Bd. 1. S. 346).
- 105
- ⁹¹ IXAtr. Pro. I: «weorth scypes wealdath, sibbiath sehtath saco twae-math teode teawas ealle gebetath (Bd. 1. S. 269).
- ⁹² Ine 20: «Gif I'eorcund mon oththe fremde bntan wege geond wudu gonge ne hrieme ne horn blawe, for theof he bith to profianne; othtbe to slianne oththe to aliesanne» (Bd. 1. S. 98).
- ⁹³ Beov. 1857, 2068.
- ⁹⁴ Beov. 485, 1231, 1790, 2035.
- ⁹⁵ См., напр., в англосаксонских загадках - 26⁷, 39⁴, 10¹⁵, 48², I⁷⁵ (Die altenglischen Ratsel. Heidelberg; New York, 1915) и «(ge) drihI» и поэме «Беовульф (Beov. 118, 357, 431, 633, 602, 1672).
«« Beov. 99 360 391 435-436, 796, 862, 940, 1050, 1158, 1169, 1229 1388, 1484, 1604, 1831, 2000, 2186, 2483, 2560, 2576, 2604, 2647, 2722, 2849, 2865, 2900-2901, 2991; ср. использование наименования «dryhton» у англосаксов и «drotlm» у древних шведов (*Chadwick H. M.* Studien on Anglo-Saxon institutions. Cambridge, 1905, P. 302).
•⁷ Abt. 16 (Bd 1 S. 3); Wi. 5 (Bd. 1. S. 12); Wi. 9 (Bd. 1. S. 13); Wi. 23 (Bd. 1. S. 14); Wi. 10 (Bd. 1. S. 13); Wi. 24 (Bd. 1. S. 14).
- as gga 579 399
- ⁹⁹ Af.El. 3 (Bd. 1. S. 28); Af. El. Pro. (Bd. 1. S. 26); Af. El. 4 (Bd. 1. S. 28); Af. El. 49: «Dryhtnes sunn, ure God» («сын господ, наш бог») (Bd. 1. S. 42); Af. El. 49, 3: «for Dryhtnes naman» («по имя господ») (Bd. 1. S. 44); cp.: Quadr.: «pro nomini domini nostri Jesu Christi» - «во имя господ нашего Иисуса Христа» (Bd. 1. S. 45)- VAtr. 4, 1; 6 (Bd. 1. S. 238); VIAtr. 3, 1 (Bd. 1. S. 248); ICn 4, 1 (Bd. 1. S. 284); ICn. 6, 3 (Bd. 1. S. 284); ICn. 6, 5 (Bd. 1. S. 290); ICn. 84 (Bd. 1. S. 368); Swer. 1-6 (Bd. 1. S. 396); Swor. 7-11 (Bd. 1. S. 398); Excom. VII, 2 (Bd. 1. S. 438).
- ¹⁰⁰ См., напр., объяснение термина «sib» в современном этнографическом словаре (*Winnick Ch.* Dictionary of anthropology. New York, 1956. P. 484).
- ¹⁰¹ См., напр.: *Amira K. u.* Grundriji des germanischen Rechts. Strass-burg, 1901. S. 107.
- ¹⁰² *Wielera M.* Zwischenstaatliche Beziehungsformen im friihen Mit-telaller. Mimchen, 1959.
- ¹⁰³ Beov. 1855-1857:
Hafast tu gefered, taet tarn foleum sceal, Geata It-odnm ond Gar-Denum sib gemaene...
- ¹⁰⁴ См., напр.: *Historia Brittonnm* 45, 46 // *Moniimenla Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum.* 13; *Wer.* 4 (Bd. 1. S. 393); *Annales regni Francorum//MG. SS. rer. Germ.* 1895. P. 134; *Anna-les Fuldenses//MG. SS. rer. Germ.* 1891. P. 79; см. также: *Grimm J.* Deutsche Rechtsaltortimer. Leipzig, 1899. Bd. 1. S. 464.
- ¹⁰⁵ Тас. Germ. X; см. также: *Kuhn II.* Philologischos zur Adoption bei Len Germanen//*Zeitschrift der Savigny-Stiftung fur Rechtsgeschi-chte.* GA. 1947. Bd. 65. S. 1-14; *Amira K. o.* GrundriR des germanischen Rechts. S. 175, 187.
- ¹⁰⁶ *Brunner II.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1928. Bd. 2. S. 32; *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. С. 127; *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика Л., 1940. С. 580.
- ¹⁰⁷ Тас. Germ. XIII, XIV.
- ¹⁰⁸ Beov. 946-949.
- ¹⁰⁹ *Wielers M.* Zwischenstaatliche Beziehungsformen. S. 47.
- ¹¹⁰ Ср., напр.: Беовульф и король датчан Хродгар; Албоин, король
- 106

лангобардов, и Туристап, вождь гепидов (*Paulas Diaconus.* His-toria Langobardorum//MGH. Scriptora rerum Langobardicarum et Halicarum saec. VI-IX. Hannoverae, 1878. I, 23, 24). Beov. 1221—1225. Более наглядно значение термина «sib» выявляется при разборе наименований отдельных родичей в коллективе. AGn. Inscr. Pro.: «This is taet frith, taet Aelfred cyning ana Gylh-rum cyning and ealles Angel-cynnes witan and eal seo teod, to on East-Englmm beoth, ealle gecweden habbath, and mid athum gefeostnod, for by sylfe and for heora gingran, ge for geborene, ge for ungeborene, to Godes milste recce oththe ure» (Bd. 1. S. 126). EGu. Pro.: «ta ta Engle and Dene to frite and to freondscipe ful-Hce fengon» (Bd. 1. S. 129); cp.: IIATR. 1,2 (Bd. 1. S.

222). IIAtr. 3,1: «Gyf Aethelredes cynges frith-man curne on unfrithland, and here taer-to curne, hacbbe frith his scip and ealle his achta» (Hd. 1. S. 222); c.: IIAtr. (Bd. 1. S. 222).

ITAlr. 7,2 (Bd. 1. S. 224); IIAtr. 1 (Bd. 1. S. 220); IIAtr. 3-3,4 (lid. 1. S. 222).

ICn. Inscr.: «In nomine Domini. This is seo goraednos, to witan goracdden and be manegum godum bisninn asmeadon; and tael waes geworden sona swa Cunt cynges mid his witena geteahle frith and freondscipo betweox Domini and Englum fulllice gefaest node and lieora aerran saca eallo getwaemde» (Bd. 1. S. 278); cp.: IICn. 13 (Bd. 1. S. 316).

IAtr. Pro.: «This is seo geraednys, te Aethelred cyning and his wilan geraeddon, eallon folce to frithesbote, aet Wudestoce on Myrcena lande, aefter Engla lage» (Bd. 1. S. 216); cp.: Sacr. Cor. 1,1 (Bd. 1. S. 216).

VAIr. 1,2: «And ures hlafordes geraednes and bis witena is, taet man rihte lage up-araere, and aelce unlage georne afylle, and taet man laete beon aeghwylcne man rihtes wyrtho, and taet man frith and freondscipo richtlice hoalde innan tisan earde, for Gode and [or worolde]» (Bd. 1, S. 238).

¹ IIEw. 1: «Eadward cyning myngode his wytan, ta te hy aet Exanceasre waeron, taet hy smeaddon ealle, hu heora frith betere beon maechte, tonne bit aertam waes ...» (Bd. 1. S. 140). IAtr. Pro.: «Tis is seo geraednis, te Aethelred cyning and his witan geraeddon, eallon folce to frithes bote, aet Wudestoce on Myrcena lande, aefter Engla lage» (Bd. 1. S. 216).

IVEg. 12,1: «...and taes wilnige, taet tos an dom on swylcere snieagungo sy us eallon gemaene, to gebeorge and to frihte eallnm leodscipe» (Bd. 1. S. 212); cp.: Cn. 1020, 4 (Bd. 1. S. 273); Cn. 1020, 5 (Bd. 1. S. 273); AGu. 5 (Bd. 1. S. 128); VAs. Pro. (Bd. 1. S. 166)-ITAt. 5,2; 6 (Bd. 1. S. 222).

² IIAIr. 2; и 2,1: «And aelc ccap-scip frith baobbe, to binnan muthan cnman, len hit unfrith scyp sy, gif hilundrifon bitb. And ten hit gel-riun beo and bit aetfleo to hwilcere frith byrig, and ta menn up-aetberstan into taere byrig, tonne habban ta men frith and taet hy him mid-bringath» (Bd. 1, S. 222).

¹ Abt. 1: «Godes feoh and circean XII gylde. Biscopes XI gylde. Preostes feoh IX gylde. Diacones feoh VI gylde. Cleroces feoh III gylde. Cyricfrith II gylde. M(ynstres) frith II gylde» (Bd. 1. S. 3). Af. Rubr. 5: «De pace ecclesiarum»; «Be circena frithe» (Bd. 1.

107

S. 16); cp.: At. El. 13 (Bd. 1, S. 30); Af. 2,1 (Bd. 1. S. 48); At. 5/i (Bd. 1. S. 52).

¹²⁵ Af. 5: «Eac we settath aeghwelcere cirican, te bisecep gelialgode, tis frith ...» (Bd. 1. S. 50).

¹²⁶ IIEm. 5: «Eac ic tancige Gode and eow eallum, te me wel fylston, and taes frithes, te we nu habbath act tarn tyfthum ...» (Bd. 1. S. 188); cp.: IIGn. 15a (Bd. 1. S. 318); IIGn. 60 (Bd. 1. S. 350).

¹²⁷ EGu. Pro.: «And tis is se6 geraednis eac, Aelfred cyng and Guth-rum cyng and eft Eadward cyng and Guthrum cyng gecuran and gecwaedon, ta ta Engle and Dene to frithe and to freondscipe ful-Hce fengon; and ta witan eac, te siththan waeron, oft and unsel-dan taet seolfe geniwodon and mid gode gehihtan» (Bd. 1. S. 128); cp.: VAt. 1,1-2 (Bd. 1. S. 238); ICn. Inscr. (Bd. 1. S. 278).

¹²⁸ Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1892. Bd. 1. S. 211.

¹²⁹ Amira K. v. Grundrijl des germanischen Rechts. Strassburg, 1913; *Idem*. Рец. на кн.: Н. Heusler. Strafrecht des Islandersagas// Zeit-schrift der Savigny-Stiftung fur Rechtsgeschichte. 1912. Bd. 33. S. 519.

¹³⁰ Wilda W. E. Strafrecht der Germanen. Halle, 1842. S. 149.

¹³¹ Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. S. 219.

¹³² Ine 28: «Se (te) toot gefeht, (he) ah X scill., and se cyning tone teof, and ta maegas him swerian athas unfaehtha» (Bd. 1. S. 100).

¹³³ Ine 46,2: «Aolc mon mot onsacan fyrmthe and wer-faehthe, gif he maeg otlithe dear» (Bd. 1. S. 110).

¹³⁴ Ine Rubr. 6: «Be gefehte»; cp.: «De pugna» (Bd. 1. S. 20).

¹³⁵ Ine Rubr. 54: «Be wer-faehthe4yhtlan» (Bd. 1. S. 24).

¹³⁶ Ine 54: «Se te bith wer-faetho betogen, and he onsacan wille taes sieges mid athc ...» (Bd. 1. S. 112) и Quadr.: «terfeh te (id est homicidio)» (Bd. 1. S. 113).

¹³⁷ IIEm. Pro. 2: «Me egleth swythe, and us eallum, ta unrihtlican and maeiigfealdan gefeht, te betwux us sylfum syndun; tonne cwaedo we ...» (Bd. i. S. 186) и Quadr.: «inimicitie» (Bd. 1. S. 187)-cp.: Ino 74,2 (Bd. 1. S. 122); IIEm. 1,2: «faehthe» (Bd. 1. S. 188) и Quadr.: «faida» (Bd. 1. S. 189).

¹³⁸ Af. 42,1 (Bd. 1. S. 74); VIIIAtr. 23 (Bd. 1. S. 266); ICn. 5,2b: «Faehte» (Bd. 1. S. 286) и Quadr.: «homicidii» (Bd. 1. S. 286).

¹³⁹ Ine 9: «Gif hwa wrace do» (Bd. 1. S. 92) и Quadr.: «Si qnis uindic-tam fect'rit» (Bd. 1. S. 93); Hn. 88,11a и Hn. 88,11 c (Bd. 1. S. 603); VIAs. 1,5 (Bd. 1. S. 174); Hn. 64.2b (Bd. 1. S. 584); IIEm. 1.3 (Bd. 1. S. 188); EGu. 12 (Bd. 1. S. 134).

¹⁴⁰ fah —IIAs.20,7 (Bd. 1. S. 160).

¹⁴¹ feohten-Af. Rubr. 7,15 (Bd. 1. S. 16); Af. Rubr. 21 (Bd. 1, S. 18); Af. Rubr. 38 (Bd. 1. S. 18); Af. Rubr. 39 (Bd. 1. S. 18); Af. 7 (Bd. 1. S. 25); Af. 15 (Bd. 1. S. 58); Af. 38 (Bd. 1. S. 70); Af. 39; 39,1 (Bd. 1. S. 72); Af. 42 (Bd. 1. S. 74); Af. 42,1 (Bd. 1. S. 74); Af. 42,4 (Bd. 1. S. 76); Ine 6; 6,1; 6,2 (Bd. 1. S. 90); Ine 6,3 (Bd. i. S. 92)- Grith. 10, 12, 15 (Bd. 1. S. 471); См. также: Beov. 137, 153, 459, 470, 595. 1333, 2028, 2403, 2465, 2999, 3061.

¹⁴² gefehd - Ine 28 (Bd. 1. S. 100).

¹⁴³ wreccan-IIAs. 6,3 (Bd. 1. S. 154); IIAs. 20,7 (Bd. 1. S. 160); Ine Rubr. 9 (Bd. 1. S. 20); IIAs. 1,5 (Bd. 1. S. 174); Ath. 1 (Bd. 1. S. 464); VIIIAtr. 2,1 (Bd. 1. S. 263); Beov. 423 1256, 1333, 1339, 1385, 1546, 1669, 2336 и go-wreccan - Beov. 107, 2005, 2395, 2479, 2875, 3062; см. также: Вcda IV, 21.

¹⁴⁴ vrath r Beov. 319, 660, 708, 1619.

¹⁴⁵ vrathlice - Beov. 3062.

108

¹⁴⁶ vrohl - Beov. 2287, 2473, 2913.

¹⁴⁷ hete - см., напр.: Beov. 142, 152, 1828, 2554.

¹⁴⁸ saec-gm., напр.: Beov. 154, 600, 953, 1618, 1665, 1977, 1989, 2029, 2347, 2499, 2562, 2612, 2659, 2681, 2686; cp.:

- ICn. Inscr.: «saca» (Bd. 1, S. 278).
¹⁴⁹ and saca - Beov. 786, 1682 (о Грэйделе).
¹⁵⁰ and-sacu - Beov. 1857, 2472.
¹⁵¹ withersaca - см., напр.: VIIAtr. 41 (Bd. 1. S. 268); см. также: Cynewulf's Elene. London, 1958. 472.
^{1,2} onseccgan - см., напр.: Af. 14 (Bd. 1. S. 58).
^{1,3} onsacan и ondsæcan - Ine Rubr. 41 (Bd. 1. S. 24); Ine 54 (Bd. 1. S. 112); Ine 28,2 (Bd. 1. S. 102).
¹⁵⁴ Ine 45: «Burgbryce mon sceal betan CXX scill. Kyninges, and biscepes, taer his rice bith; ealdormonnes LXXX scill.; cyninges thegnes LX scill.; gesithcundes monnes landhaebendes XXXV; bi thon ansacan» (Bd. 1. S. 108).
¹⁵⁵ Ine 46,2: «Aelc mon mot o(a)nsacan frymthe and werfaehthe, gif lie maeg oththe dear» (Bd. 1. S. 110).
¹⁵⁶ Ср. нем. die Sache, дат. (rets) sag, швед. sak, норв. sak.
¹⁵⁷ seek (soughth) и sooth.
¹⁵⁸ nith - Beov. 184, 276, 423, 827, 845, 882, 1439, 1962, 2170, 2207, 2317, 2350, 2397, 2585, 2080; cp.: wael-nith - Beov. 85, 2065, 3000-bealo-nith - Beov. 1758, 2404, 2714; nith-gaest - Beov. 2699; searo-nfth — Beov. 582, 1200, 2738.
¹⁵⁹ Beov. 459-472.
¹⁶⁰ Ср. англ. feud, датск. fejde, нем. die Fehde, норв. feide, швед. feid и feida.
¹⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 735.
¹⁶² См., напр.: Beov. 109, 889, 1138, 1353, 1920, 2380, 2614, 2707, 2963.
¹⁶³ Beov. 170, 338, 2293, 3079.
¹⁶⁴ waere («защита») - Beov. 27, 1101, 3109; friothu(o)-waere («защита мира») - Beov. 1096, 2282; см. также: Tac. Germ. XXI.
¹⁶⁵ Арутюнов С. А., Чубоксаров Н. П. Этнические процессы и информация//Природа. М., 1972. № 7. С. 61.
¹⁶⁶ См., напр.: нем. die Fricden, дат. fred, швед. fred, норв. fred.
¹⁶⁷ Ср.: Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. S. 27; Kuhn H. Philologisches zur Adoption bei den Germanen. S. 1-14.
¹¹¹⁸ Sziiacs G. «Nationalität» und «Nationalbewusstsein» im Mittelal-
(er//Acta Historica. Budapest. 1972. Т. XVIII, Nr. 3-4. S. 246. ¹⁶¹¹ Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. S. 2.
¹⁷⁰ Поршнев Ф. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 81; cp.: Francis E. Ethnos und Demos. Soziologische Beiträge zur Volkstheorie. Berlin, 1965, S. 31.
¹⁷¹ EGu. 6,6: «Gif he man to deathe gefylle, beo he tonne utlah, and his hente mid hearne aelc tara te te riht wille» (Bd. 1. S. 132) и Quadr.: «utlaga (uel exlex)» (Bd. 1. S. 133).
¹⁷² ICn. 66,1: «Gif hwa amansodne man oththe nllahne haebbe hoal-d$\langle \rangle$, plihthe him sylfum and ealro his are» (Bd. 1. S. 352) и Quadr.: «Si quis excommunicatum vel utlagam habeat et manuteneat, desperatio sibi est et omni quod possidet» (Bd. 1. S. 352); cp.: In. Cn. III, 47: «pastio proclamati exulis, quod Angli dicunt (uocant) bebodencs ullage» (Bd. 1. S. 613).
¹⁷³ IIGn. 30,8: «beo se teof utlah with eall folc» (Bd. 1. S. 334) и Quadr.: «fur apud omnem populum utlaga sit», а также Institute Cnuti: «et habeatur exul et reus ab omni populo» и Consiliatio 109 Cnuti: «fur autom sit exlex erga uniuersum populum» (Bd. 1. S. 335); cp.: Cn. 1020, 17 (Bd. 1. S. 247); IIGn. 39 (Bd. 1. S. 340).
¹⁷⁴ IAtr. 1,9a; «beo se teof utlah with eall folc» (Bd. 1. S. 218).
¹⁷⁵ IAtr. 1,13: «Gif him seo lad byrste, gilde tarn cynges his were and sy so man utlah» (Bd. 1. S. 218); cp.: Wi. 4 (Bd. 1. S. 12); Ine 30 (Bd. 1. S. 102); Af. 1,7 (Bd. 1. S. 48); IEm. 3 (Bd. 1. S. 184); IEw. 5,1 (Bd. 1. S. 144); Wl. lad. 3 (Bd. 1. S. 484); Hu. 3,1: utlah» и Quadr.: «ntlaga (id est exul uel exlox)» (Bd. 1. S. 102).
¹⁷⁶ Ps. Cn. For. 24: «si vero seruus, pro utlagalo haboatur, quern Angli Irondlaesman uocant» (Bd. 1. S. 624).
¹⁷⁷ Excomm. VII (Bd. 1. S. 438-439).
¹⁷⁸ IIIAtr. 10: «and aelc flyma beo flyma on aelcurn lande, to on anum sy» (Bd. 1. S. 230).
¹⁷⁹ Bcov. 811; cp.: Beda III, 22.
¹⁸⁰ ICn. 26,3: «tonne nioton ta hyrdas beon swithe wacore and geom-lice clypigende, te with tone teod-sceathan folce sceolon scyldan, taet syndon bisceopas and maesse-preostas, te godcunde heorda bewarian and bcerwarian sceolan mid wislican laran, taet se wod-freca wore-wulf to swythe ne slitte, ne 16 fell ne abite of godcundrr hcorde» (Bd. 1. S. 306); cp.: ECf. 6, 2a: «...lupinum enim caput gerel die utlagationis suae, quod ab Anglis uulfesheud (wluesheued) nominatur. Et haec sententia communis est de omnibus utlagis» (Bd. 1. S. 631); ECf. 6, 2b: «wulvesheved» (Bd. 1. S. 631); Exeter book. Codex exoniensis. A collection of anglo-saxon poetry, from a manuscript in the library of the dean and chapter of Exeter. London, 1842. 147; cp.: Judex 12 (Bd. 1. S. 476); см. также: Lie-bei-mann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1906. Bd. 2 II. 1. S. 251.
¹⁸¹ Beov. 811: «he waes fag with god.»
¹⁸² Beov. 99-114.
¹⁸³ IIAtr. 1, 2: «and aelc thaera landa the aenigne frithige thaora the Aenglalands hergie, beo hit ullah with us with ealne here» (Bd. 1. S. 222).
¹⁸⁴ IICn. 13: «And se te ullages weorc gewyrce wealde se cyninge taes frites» (Bd. 1. S. 316); cp.: Institute Cnuti: «Si quis fecerit opus expulsi, quod Angli uocant ullages eorc. uideat rex de pace» (Bd. 1. S. 317).
¹⁸⁵ Beov. 286, 290-291.
¹⁸⁶ Однако использование этого термина было подвергнуто критике уже некоторыми немецкими исследователями. См., напр.: Halban J. v. Das romische Volksstaaten. Breslau, 1901 Bd. 1 S. 10.
¹⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 95,

Глава III

Противопоставление «Мы»—«Они»

как одна из форм,

отражающая развитие

этнического сознания у англосаксов

В каждую крупную эпоху в истории человечества этническое сознание связывалось с осознанием принадлежности людей к определенным группам общества. «В результате такого взаимодействия соответствующие взгляды и стоящие за ними групповые интересы оказывают значительное, нередко определяющее влияние на этническое самосознание и этнические чувства»¹. Предыдущий анализ показал, как из одного этнического организма вычлениются основные по принципу гентилизма отдельные этнические группы; в то же время было отмечено, что одна этническая общность может охватывать несколько самостоятельных этнических групп. Однако само единство внешних отграничивающих особенностей для объединенных в одну этническую общность групп представляло собой выражение их определенной внутренней целостности. Это вытекало из выполнения этими группами своей основной функции — производства материальных ценностей, — действующей как при соприкосновении этнической общности с «внешней сферой» (природная среда), так и во «внутренней сфере» (совокупность сопряженных с ней общественных явлений). Следовательно, производство материальных ценностей являлось гранью, соединяющей «внешнюю» и «внутреннюю» сферы, которые воздействовали на развитие этнической общности, а вместе с ней и на развитие этнического самосознания.

Наиболее эффективно это положение проявилось при противопоставлении этнической общности другим (антитеза «Мы» — «Они»). «Именно противопоставление своей общности другой, — по мнению академика Ю. В. Бром-лея, — всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым —

111

скреплению общности. Этническая общность без отграничения от других таких же общностей — фикция»². Такие понятия, как «cuth» и «sib», отражали развитие самосознания общности также и в этносоциальной структуре общества, в которой тесно переплетались черты старого, родо-племенного и нового, возникающего феодального строя. При этом необходимо учитывать, что терминология англосаксонского языка, отражающая это развитие, изменялась медленнее, чем сама этносоциальная структура; нередко старые, уже изжитые наименования переносились на новые, вновь возникающие группы и явления раннеклассового общества.

Сложившаяся уже к VII в. у англосаксов система общественного управления содержала в себе и зачатки государства. Переход от племени к новой этнической общности был тесно связан у них с переходом от догосударст-вепной формы организации общества к государственной. Но нельзя сводить сущность этого перехода лишь к действию политического фактора. С возрастанием роли политической организации и одновременно роли территории при становлении нового этнического самосознания коренным образом менялась и социальная структура общества, являющаяся в свою очередь основой для развития двух первых. В данной связи совершенно справедливо было отмечено советским исследователем В. И. Козловым, что «этническое самосознание не является врожденным; оно социально, так как складывается под воздействием определенных социально-культурных условий»³. При общественном укладе, когда происходит переход от бесклассового общества к классовому, этническое сознание, являющееся одной из форм общественного сознания, связано с общественным бытием более непосредственными узами, чем в развитом классовом обществе. Поэтому повседневная бытовая практика социальных взаимоотношений до известной степени отражает и сам процесс развития этнического самосознания, в еще очень малой степени опосредствованного и выделенного из хода реальных отношений трудящихся субъектов друг к другу, к общине, к племени в целом, и особенно к средствам производства. Отмечая различные основы отчужденных форм человеческого самосознания, В. И. Ленин особо выделял среди них материальную⁴. «Самосознание, — указывал он, — есть равенство человека с самим собой в сфере чистого мышления. Равенство есть осознание человеком самого себя в сфере практики, т. е. осознание человеком другого

112

человека как равного себе и отношение человека к другому человеку как к равному»⁵.

В рассматриваемом обществе основным условием производства являлась земля и отношение индивидов как трудящихся субъектов друг к другу представляло собой одновременно определенную форму их отношения к ней. Уяснение этого взаимоотношения сводится к установлению характера земельной территории, занятой обществом, а также и к определению тех оттенков, которые вкладывались в данное реальное содержание в процессе перехода от родо-племенного строя к классовому,

поскольку отношения трудящихся субъектов друг к другу, а следовательно, и их самосознание менялись в тесной и неразрывной связи с изменением их отношения к земле, и изменение второго определяло изменение первого.

«Земля... — указывал К. Маркс,— *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к *собственности, коллектива...* производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена»⁶. Под «коллективом» К. Маркс понимал естественно сложившуюся племенную общность, являющуюся первой предпосылкой «*присвоения* людьми *объективных условий* как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы»⁷. К. Марксом отмечена одна из важнейших особенностей первоначального отношения индивидов к земле: «Присвоение природного условия труда (*земли* как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки. *Индивид просто относится к объективным условиям труда как к своим собственным* (выделено нами.— *Е. Ш.*), относится к ним как к неограниченной природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует. Главным объективным условием труда является не *продукт* труда, а находимая трудом *природа...* С одной стороны, имеется налицо живой индивид, с другой — земля как объективное условие его воспроизводства... Однако это *отношение* к земле как к собственности трудящегося индивида... сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как *члена какой-либо общины*, его естественно сложившимся сущест-

113

вованием как члена племени и т. д.»⁸. «Отношение к земле как к собственности,—указывал К. Маркс,— всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель племенем, общиной...»⁹ Таким образом, первоначальная собственность в марксистско-ленинском понимании — это «отношение трудящегося... субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным. Поэтому в зависимости от условий этого производства она будет принимать различные формы»¹⁰. При этом собственность, покоящаяся на общине, сама является определенной ступенью «развития производительных сил трудящихся субъектов, которой соответствуют определенные отношения их как друг к другу, так и к природе...»¹¹ Выяснить это взаимоотношение — одна из важнейших задач в деле решения вопроса о влиянии социально-экономических процессов на развитие этнического самосознания, тем более что проблема механизма этого влияния составляет один из пробелов в исследовании этнических общностей¹².

Такое взаимоотношение у германских племен, отраженное в этнических процессах, проявилось при развитии понятия «граница», которое является глубочайшей сущностью этнических противопоставлений, определяющих этническое самосознание той или иной общности как производное от этого инициального фактора. Граница при этом выполняет двоякую функцию. Она одновременно отделяет одну группу от другой или других и соединяет ее членов между собой, развиваясь синхронно как в социальной, так и в территориальной плоскостях. Социальное развитие общества всегда протекало на определенной территории, на которой проживало это общество, что вызывало постоянное переплетение двух направлений развития понятия «граница».

Территориальное отграничение в зародыше было представлено у германских племен уже в древние времена. Это отграничение понималось двояко: осмысление в глубину и осмысление линейное¹³. Подобное осмысление наблюдалось и у англосаксов: «ende» и «tпоагс»¹⁴. На выработку понятия «ende» большое влияние оказало благоприятное место обитания англосаксов после их переселения на острова. В ряде случаев горизонтальная линия отграничения совпадала с естественной преградой — морем¹⁵. В X в. король Эдгар осознает «ende» именно как границы своего королевства: «Пусть будет обще, несмотря на это предписание, всему окружению, как англам, так и

114

данам, а также бриттам, в любом конце (on aelcum ende) моего господства...»¹⁶. Понятие «ende» к X в. указывало не только на морской рубеж, но и на все пределы королевства. Территория, окруженная «ende», осознавалась в этом случае как совокупность различных местечек — «land», «teod», «folc», т. е. как территория всех «подданных» (uidergeleodedre).

Такое осознание близости всех территорий англосаксонских королевств представлено уже в VII в. Свободного и равноправного члена общества, захваченного при воровстве (тяжком преступлении), либо убивали, либо он платил полный свой вергельд, либо его продавали в рабство «за море», т. е. за пределы Британии. Законы короля Уитреда устанавливают, что, «если свободного человека поймут при воровстве, во власти короля одно из трех: или его убивают, или продают за море, или выкупают ценой его вергельда»¹⁷. Столь тяжкое наказание, как продажа человека за пределы Британии, мог установить лишь король — представитель всего племени, а затем и всей территории, на которой

проживало племя. Так, например, в постановлении короля Инэ звучит: «Если кто своего собственного земляка, зависимого или свободного, даже если он виновен, продаст за м'Бре, оплатит его своим вергельдом»¹⁸. Следовательно, и в Уэссексе, и в Кенте в VII в. крайним пределом территории королевств считалось то, что находилось за морем. В IX в. продажа в рабство англосакса не за море, но на территории Британии считалась недействительной. Так, например, даже в отношении представительниц женского пола англосаксонского происхождения, которые по своему общественному положению находились почти в полном подчинении от мужчин, король Альфред постановляет: «Если кто-либо продаст свою дочь как служанку, так пусть ее, как других рабынь, не рассматривают совсем за служанку. По если тот, кто ее купил, не заботится о ней, пусть отпустит ее и качестве свободной среди чужого народа. Но если он позволит своему сыну с ней сожительствовать, то пусть он обручит ее с ним и следит, чтобы она имела бы платье и (другое), что ее девичеству подобает, то есть приданое невесты пусть даст он ей затем. Если он из этого ей ничего не сделает, тогда пусть будет она свободна»¹⁹. В данном постановлении речь идет именно о территории англосаксонского королевства, на которой любой англосакс рассматривался как свободное лицо. Под «чужим народом» (elteodig folc) в нем понимаются вы-

115

ходцы из других районов, местности или местечка королевства, в которых не проживала ранее, до продажи ее в рабство, девушка. Это такие же по своему происхождению англосаксы, что и она. Понятие «ende» вырабатывалось долгим, многоступенчатым путем. Еще в XI в. Кнут называет «ende» определенных округов²⁰, подобно тому как короли Эдгар, Этельред и другие в X в. «Пусть будет то, в зависимости от этого предписания,— пишет король Эдгар,— всему народу обще, как англам, так и данам, и бриттам, в любом конце (on aelcum ende) моего господства, с тем чтобы бедный и богатый имели бы право тем владеть, что они законно приобрели, и вор не знал бы, где он поместит украденное, когда он что-либо украдет; и пусть это так против их (воров) воли сохраняется, чтобы их не слишком много ускользнуло»^{2*}. Король Этельред устанавливает: «И пусть будут готовы к улучшению мира, и к улучшению денег повсюду в стране, и к улучшению всех мест (ende)...»²² Эта раздвоенность понятия «ende» проистекала из незавершенности образования новой этнической общности у англосаксов. Подобная раздвоенность наблюдалась не только в осмыслении линейной границы у англосаксов, но и при осознании понятия «граница» вообще. Если слово «ende» означало конец занимаемого обитания или пребывания²³, то второе осмысление — «тсагс» — уточняется у англосаксов именно в том смысле, которое наблюдалось еще у древних германцев. Термин «land-gemyrc» указывает на коренное значение «теарс» как «отграничивающей территории»²⁴; ступивший на нее являлся нарушителем границы²⁵. Характерно также, что понятие «марка» при указании на пересечение границы употребляется так же, как и словосочетание «через море» (ofer sae), с предлогом «ofer», который указывает на протяженность марки не линейно, но в глубину: «Если кто-либо гостю 3 ночи в своем собственном доме дает приют, купцу или другому, который над маркой (ofer tearce) прошел, и он его своей пищей довольствовал, и тот затем кому-либо что-либо злое делает, так пусть ставит он его к праву или пусть (сам) сделает за него право»²⁶. Или, как устанавливает король Уитред: «Если кто-либо своего человека у алтаря освобождает, так пусть будет тот фолькфри (т. е. вольноотпущенник): он пусть имеет свое наследство и вергельд, и мундиум (т. е. опекуновство) над семьей; пусть будет он вне марки (ofer

116

tearce), где он хочет»²⁷. Схожее значение марки рассматривается и в законах Этельстана: «И также пусть каждый помогает другому, как это решено и подтверждено условиями, и кто упускает другого через марку, пусть будет повинен 30 шиллингами или одним волом, если он пренебрежет чем-либо из того, что в наших писаниях следует и что мы подтвердили нашими установлениями»²⁸. Пространство моря и прибрежной полосы отождествляется с пограничной территорией на суше:

Secg wTsade,

lagu-craeftig mon, land-gemyrcu

fyrst forlhgowat; flota waes on ythum²⁹.

Составитель поэмы «Беовульф» применил в данном случае именно понятие «граница» — gemyrcu. Но по контексту далее выясняется, что он имел в виду не просто границу, а отождествлял ее с берегом — land gemyrcu³⁰, следовательно, данные строфы можно осмыслить иначе:

Воин вел их,

опытный в морском деле муж, к берегу острова.

Время прошло; корабль был на волнах.

В VIII в. зафиксирована постоянная охрана пограничной территории:

А также я дружинников-тэнов моих позову

корабль свежесмоленный вблизи

песчаного берега (границы) и чести хранить...³¹

Вплоть до XIV в. лица, следящие за неприкосновенностью границы, носили наименование «страж»

(weard) или «сидящий на окраине» (ende-saeta)³². Тот же корень, что и в слове «страж», имеют понятия «охрана» и «охранять»³¹. Стражи (wardens, weard) известны как представители местной знати, стоящие во главе марок, на которые и в XIII в. делились пограничные области Англии (например, Норсемберлспд, Кемберленд и Северная Англия); характерно, что сами марки носили наименование «пограничные области»³⁴.

По исследованию советского ученого А. И. Неусыхина, в Германии VIII—XII вв. сохранились весьма различные осмысления слова «mearc»: оно означало как пограничную территорию, окаймляющую земельную площадь населенного пункта, так и целую область, включающую

117

в себя несколько населенных пунктов³⁵. Пограничная территория, окаймляющая земельную площадь населенного пункта, включала в себя первоначально и лес. На континенте еще во времена Цезаря Германия была сплошь покрыта лесами, в лучшем случае они перемежались равнинами³⁶. Те же пашни возникали при помощи подсечной и переложной систем, ведущих свое начало еще с древности³⁷. Подсечная система земледелия вызывала подвижность населения³⁸, влиявшую и на хозяйственно-бытовой облик германских племен³⁹.

По свидетельству Плиния, германцы перевозили свои жилища па повозках⁴⁰. В V в. у салических франков основным местом обитания была постройка легкого типа с земляным полом, которую можно было в любое время разобрать, а то и вовсе украть⁴¹.

Такие постройки наблюдались у многих племен и народов на определенной стадии их развития⁴². Способ ведения хозяйства у древних германцев требовал постоянного продвижения в лес и быстрой смены земли каждый год⁴³. Воспоминание о годовой смене земли сохранилось у германцев вплоть до V в.; человек, посторонний общине, но беспрепятственно пользующийся в течение 12 месяцев землей, получал на эту землю право пользования и становился членом этой общины, соответственно подчиняясь ее обычаям⁴⁴.

О смене земли ежегодно свидетельствует также право пользования помеченными деревьями в лесу в течение одного года, зафиксированное в германских законодательствах и называемое обычно «естественным»⁴⁵. Это «естественное» право представляло не что иное, «как совокупность подобных переживаний тысячелетнего экономического строя»⁴⁶. Способ ведения хозяйства у германских племен приводил к расходованию «больших площадей для прокормления сравнительно немногочисленного населения»⁴⁷. Эти своеобразные особенности внешней среды и внутренней структуры древнегерманского общества на данной стадии его развития, а также «потребности самого земледелия непрерывно вынуждали их с оружием в руках завоевывать самую возможность заниматься земледелием»⁴⁸.

Такой тип хозяйства неизбежно должен был содействовать выработке и конкретизации понятий «граница в глубину (mearc)» и «линейная граница (ende)», поскольку само понятие «граница» могло возникнуть лишь при отграничении от какого-либо иного этнического сообще-

118

ства. В IX в. пограничные укрепления Карла Великого именовались в источниках двояко: «тагса» и «limes». При этом маркой являлась широкая область на территории завоеванного народа, как бы выдвинутая в еще не завоеванные, но намеченные к завоеванию территории; «limes» — это более узкая, в полном смысле слова, пограничная полоса⁴⁹. Участки леса как «граница в глубину», используемые под хозяйственные нужды, могли дать и само наименование марке⁵⁰. Марка как общинное пользование у германских племен опиралась при сохранении своей устойчивости на ту хозяйственную роль леса, которая являлась наиважнейшей у германских племен в древние времена при развитии у них хозяйства. Происхождение марки нужно искать первоначально в этой хозяйственной роли леса. Именно леса, находившиеся в общем пользовании той или иной общности, являлись основной кормовой базой для скота у германцев.

О большой роли скотоводства, превалирующего над культурным земледелием у германских племен, свидетельствует римский историк I в. н. э. Тацит в своей знаменитой работе «Германия»⁵¹. Для более поздних времен — V—VIII вв. — наиболее ярко показана роль скотоводства у германских племен и соответственно роль общинного леса в законодательстве лангобардов⁵². У англосаксов большая роль, в частности, свиноводства зафиксирована в англосаксонских грамотах⁵³. Вплоть до XIX в. легкий плуг назывался в Англии «pigs nose», т. е. «свиной нос»⁵⁴. Нет необходимости дальнейшего приведения сведений о большом развитии скотоводства, превалирующего первоначально над земледелием, у германских племен, начиная с эпохи Цезаря и до V—VIII вв., и о значении для его развития общинных лесов, которые содержатся в каждой исторической работе по социально-экономической истории германских племен. Этот факт уже давно не требует доказательств.

Участки леса как «граница в глубину» при собственности рода на территорию, на которой проживал

род, при важной хозяйственной роли леса у германских племен должны были неизбежно оставаться, как и показывает весь ход развития общины у европейских народов, даже при разложении родовой общины, превращении ее в земельную, затем последней — в марку, общими⁵⁵. Так, например, до разрушения общин в Германии основными постановлениями Марковых уставов (Weistümer) являлись постановления о пастбищах и использовании

119

леса⁵⁶. По мере постепенного занятия марок становилось все меньше неиспользованных лесов.

Следовательно, уже при Таците первоначально оформлялось право всего рода на землю; это право было неразрывно связано с обычаями полноправных свободных членов всего племени ". Оно ближе к пользованию, нежели владению, причем пользованию по обычаю⁵⁸, навеянному древними хозяйственными распорядками. С социальным расслоением внутри германских племен, приведшим к оформлению частной собственности на землю, данное право по древнему обычаю сохранилось лишь за лесами, в то время как пашня, очищенная от лесов, потерявшая свое первоначальное значение «очищенного от леса участка земли», быстро начала соответственно с развитием социально-экономических отношений в обществе развиваться по направлению от пользования к владению, а затем — к частной собственности. Именно в данном отношении нужно понимать замечание А. И. Неусыхина, что к VI в. «владение пахотным полем... только еще выделялось из какого-то более общего, широкого и объемлющего его права на всю территорию виллы»⁵⁹.

Следовательно, первоначальное осознание леса как общей собственности и общего места обитания⁶⁰ с развитием земледелия переросло в понятие «граница в глубину». Именно так рассматривалась лесистая местность «Марк» (Mare) на правом берегу Рейна, разделявшая в I в. н. э. римлян и германцев и долгое время оставшаяся незаселенной. Как «граница в глубину» выступал и знаменитый Тевтобургский лес в те же времена к востоку от расселения германского племени херусков. В позднее средневековье саксов Нордальбингии защищал от датчан пограничный лес, находившийся между реками Эйдером и Шлейем, а от славян — саксонский лес, тянувшийся от Кильского залива до Эльбы; славянское название Бран-денбурга — Бранибор — опять-таки не что иное, как обозначение такого защитного леса ". Само значение слова «теагс» выражало первоначально наименование метки (глагол «метить, отмечать»); разметка своей территории предшествовала, очевидно, возникновению понятия «границы в глубину», а затем «границы линейной». Впоследствии «маркой» стали называть и заселенную пограничную область⁶². Таким образом, в раннее средневековье понятие «граница» чрезвычайно относительное; «правильнее говорить не о каких-либо определенных линиях, а о пограничных районах»⁶³.

Соответственно у англосаксов, как и у всех германских племен, должно было проявиться различное осмысление «теагс», тем более что географические условия на Британских островах весьма способствовали этому. Так, например, вплоть до XI в. территория одной из областей, населенная англосаксами (Сассекс), была на одну треть покрыта лесами⁶⁴. К многочисленным лесам добавлялись болота и пустоши, заросшие вереском, сыгравшие у англосаксов при освоении новых территорий ту же роль, что и леса⁶⁵. Лес, пустоши и болота являлись общей территорией, на которой каждый мог пасти скот; индивидуальный захват этих участков запрещался. Так, например, вплоть до XIII в. в вилле Карлтон (Ноттингемшир) существовал обычай, уходящий корнями в далекое прошлое: запрещалось любому лицу, вспахавшему в течение дня участок пустоши, удобрять его; если данное лицо все же удобрilo участок, община, как правило, выгоняла с целью потравы на посевы свой скот⁶⁶. Пользование таким участком разрешалось лишь в течение одного сезона. Естественно также, что, чем дольше существовали такие участки, игравшие огромную роль в деле сохранения общинных распорядков, тем устойчивее были обычаи и распорядки в жизни людей, соответствующие более архаичной ступени развития общественного, а следовательно, и этнического сознания. Так, например, в Линкольншире — северо-восточном графстве, которое после Йоркшира являлось самым крупным графством Англии, — вплоть до конца XVI в. сохранялись патриархальные отношения, чему в немалой степени способствовало то обстоятельство, что вплоть до данного времени значительную часть территории графства занимали болотистые места и трясины (так называемая область знаменитых «Marches») ⁶⁷. Таким образом, способ производства материальных благ определял все стороны жизни общества, в том числе и духовную жизнь, придавал общественному сознанию специфические черты⁶⁸.

Так же как и на континенте, понятие «марка» означало у англосаксов не только общину"⁹. Этим словом именовались и внутренние границы между отдельными областями англосаксонских королевств: «Сначала о наших границах страны (landgemaega): вверх по Темзе и затем вверх до Ли, и вдоль Ли до ее истоков, затем направо до Бедфорда, затем вверх по Узе до Вельтлинг-стрит»⁷⁰. «Если кто-либо даст приют в своем доме пришельцу (cuman) в течение 3-х ночей, купцу или другому

120

121

(sereman otte otherne), пришедшему через границу (ofer mearce cuman), и будет довольствоваться своей пищей,— звучит в постановлениях королей Хлотаря и Эдрика,— и затем каким-либо лицам сделает что-либо злое, так пусть он (хозяин) удовлетворит их в праве или же сам совершит над ним (пришельцем) право". «Sereman otte otherne» (купец или другое лицо) в данном случае именно англосакс, т. е. пришелец из другой области королевства или из других англосаксонских королевств германского происхождения, поскольку иное лицо обычно именуется в законах как «ofer sae cuman» (из-за моря приплывший) или «aelteodige» (иноплеменник или чужестранец).

Таким образом, «марками» разделялись также и отдельные королевства. «Если кто-либо внутри границ нашего королевства (binnan tarn gemaerum ures rices) совершит разбой или грабеж...» — читаем в постановлении короля Уэссекса Инэ⁷².

Наиболее узко понятие «марка» осмысливается как граница между территориями, на которых проживали отдельные родственные группы англосаксов, ведущие коллективное хозяйство.

Постановление кентского короля Уитреда непосредственно свидетельствует об этом: «Если кто-либо,— звучит в статье 8 данного постановления,— освобождает у алтаря своего человека, пусть будет он фолькфри (folcfrý); вольноотпущеннику дозволено владеть своим наследством, вергельдом и мупдиумом (т. е. правом опеки.— *Е. III*) семьи; пусть проживает, где он пожелает, за пределами территории марки»⁷³. Нельзя согласиться при истолковании этого закона с виднейшим издателем англосаксонского законодательства Ф. Либберманом, что понятие «mearce» должно здесь переводиться как «границы Кента»⁷⁴. Во-первых, данное истолкование опровергают слова: «где он пожелает» (thaer he wille), и, во-вторых, при существовании в каждой местности в англосаксонских королевствах различных, присущих только отдельной местности обычаев отпущенный на свободу вряд ли мог уйти далеко или даже в другое королевство без риска быть убитым⁷⁵ или вновь обращенным в рабство. Скорее всего, в этом законе речь идет об одной местности и о переходе вольноотпущенника из одной группы в другую.

Что же представляли собой эти родственные группы? Вопрос не является праздным. Институт родства оказывал большое влияние на все стороны жизни англосаксон-

122

ского общества, в том числе и на проявление его сознания. Поэтому разбор отдельных сторон этого института может помочь выявить характер развития этнического сознания не только у англосаксов, но и у народов, находившихся на той же стадии общественного развития, которое наблюдалось у германских племен, переселившихся на Британские острова.

В англосаксонском языке данные родственные группы носили наименование «мэгес» (maeges). В исторической и филологической литературе существует мнение, что могес, возможно, выступали как группы сородичей, входивших в большие семьи, которые к VII в. еще не утратили своего права собственности на землю⁷⁶. Англосаксонское слово «мэг» (родич) (во множественном числе «мэгес») ведет свое происхождение от древнегерманского «maegas». Готское слово «megs» означает «муж дочери» (зять) и идентично латинскому слову «genet». Это латинское слово имеет один и тот же корень со словом «gens». В то же время исследователями подмечено, что в англосаксонских памятниках при переводе последних на латинский язык самими же англосаксами чаще, чем понятие «gens», употребляется для дублирования термина «maeg» латинское слово «natio»⁷⁸. Очевидно, англосаксы не напрасно использовали последнее понятие чаще, чем первое «gens». В вышеприведенные понятия на латинском языке, так же как и в англосаксонское слово «родич», вкладывали определенный смысл, при разборе которого не только выявляется расхождение в понимании непосредственно родственных связей, но и четко выступает различный этнический аспект. Проследим в историческом аспекте развитие смысла тех понятий, который вкладывался в слова «natio» и «gens» в период античности и последовательно раннего средневековья.

Слова «natio» и «gens» имеют единое происхождение⁷⁹. Они образованы от «gnasci» (nasci), корень «гна»; другая форма от «gan» (санскрит)⁸⁰, «gen» (греческое и латинское), означающее «рождать». Но вскоре значение обоих слов разошлось. «Natio» начинает означать акт рождения, а в дальнейшем — родство⁸². Только в последнем случае «natio» стало основой для образования понятия «племя», которое коренилось в общем происхождении, языке и обычае. В первом значении «natio» и «gens» совпадали, но затем «gens» стал осмысливаться и как политическая связь. Так, например, уже Цицерон персонифицирует «natio», называя этим словом богиню рождения: «Нация также является богиней рождения, которой мы сооружаем в поле святилища пылающие, чтобы по обыкновению воздать божественные почести; ибо ей поклоняется часть матрон, названных при рождении „Natio"»⁸³. Приведем еще ряд изречений Цицерона, определяющих понятие «natio». В речи в защиту Публия Сестия он повествует: «... так что его имя, пожалуй, доказывает его принадлежность скорее к народу (nationis), чем к роду (generis)...»⁸⁴. Или же в той же речи: «...который многочисленные народы (nationis), царей, дикие и

123

неведомые нам племена (*gentis*) ...»⁸⁵. А в речи о консульских провинциях у Цицерона звучит следующее: «... Цезарем покорены народы (*nationes*) огромной численности...»⁸⁶. И в той же речи: «Уж не удерживают ли его там привлекательность этой местности, великолепие городов, образованность и изящество живущих там людей и народов (*hominum nationumque*), жажда победы, стремление расширить границы державы? Что может быть суровее тех земель, беднее тех городов, свирепее тех народов (*nationibus*)?»⁸⁷ И далее Цицерон продолжает: «...те народы (*nationes*), которые ввиду своей огромной численности могли наводнить наши провинции...»⁸⁸. По приведенным отрывкам видно, что Цицерон еще недостаточно четко разделял понятия «*natio*» и «*gens*».

Подобное нечеткое разграничение обоих понятий можно проследить и в работах Цезаря. В «Записках о галльской войне»: «В результате всех этих операций были замирены все племена (*gentis omnis*) Галлии и об этой войне среди варваров пошла такая слава, что зарейнские народы (*uti ab iis nationibus, quae trans Rhenum incolerent*) отправили к Цезарю послов ...»⁸⁹. Повествуя далее об островах, расположенных в океане при впадении в него р. Рейн, Цезарь пишет: «Значительная часть из них населена дикими и варварскими народами (*nationibus*), из которых некоторые будто бы питаются только рыбой и птичьими яйцами»⁹⁰. И там же у него речь идет о «германских народах» (*Germanorum nationes*)⁹¹. А в «Записках об александрийской войне» у Цезаря говорится: «Стоит только познакомиться с их национальными и природными свойствами (*cum et natio eorum et natura cognoscatur*), и тогда ни для кого не останется уже сомнения в чрезвычайно большой способности этого народа (*genus*) к предательству»⁹². Равное осмысление понятий «*natio*» и «*gens*» можно проследить в сочинениях Гая Саллустия

124

Криспа, Ливия Витрувия, Сенеки и Веллея Патеркула⁹³. Однако и у того же Цицерона⁹⁴, и у того же Цезаря⁹⁵, а также в произведениях и трудах Варрона⁹⁶, Веллея Патеркула⁹⁷, Валерия Максима⁹⁸, Ливия⁹⁹, Витрувия¹⁰⁰ и у других¹⁰¹ уже частично, хотя еще и не совсем ясно, намечено проведение мысли о том, что «*natio*», пусть даже еще и не совсем определенно, является составной частью «*gens*»¹⁰². Детально проследить последнее можно у того же Цицерона: «... *nobilitate ... cogere socios atque exteras nationes*». «*Socii*» хотя и относятся по своей политической принадлежности к «*gens Italici*», но имеют, однако, с римлянами единое происхождение. Поэтому Цицерон и мог поставить «*socios*» рядом с «*nationes*» и связать союзом «*atque*», тем более что далее у него же следует: «*Cum apud exteras nationes imperil nimisque nostri t'amam huius probilis fragittisque violaris*»¹⁰³. Таким образом, «*natio*» и «*gens*» не одно и то же¹⁰⁴. При сравнении этих понятий можно увидеть их отличие. Так, например, во второй речи о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла в пересказе Цицерона звучит: «... этой главой... утверждаю я, децемвирам выданы с головой и отданы на произвол, на суд и во власть все племена (*gentis*), народы (*nationes*), провинции и царства»¹⁰⁵. И в этой же речи слова «*natio*» и «*gens*» в политическом и этническом смысле чередуются: «... чтобы вы подчинили своим законам, своей судебной власти и своему владычеству города, племена (*nationes*), провинции, независимые народы (*populos*), царей, словом, весь мир ...»¹⁰⁶.

Только в период заката Римской империи коренным образом начинает меняться значение «*natio*» и «*gens*». Смысл их выявляется более четко и определенно. В качестве примера можно провести сравнение использования данных терминов в трудах того же Цезаря¹⁰⁷ и Тацита¹⁰⁸. В отличие от Цезаря Тацитом уже проводится последовательное разделение: «Таким образом, наименование племени (*gentis*) постепенно возобладало и распространилось на весь народ (*natio*); вначале все из страха обозначали его по имени победителей, а затем, после того как это название укоренилось, он и сам стал называть себя германцами»¹⁰⁹. Но строгое разграничение следует не всегда; оба понятия тождественны, когда речь идет о «*romiscue*»¹¹⁰. Уже в первые века н. э. «*gens*» приобретает политический оттенок, в то время как «*natio*» становится этнографическим понятием¹¹¹.

125

У христианских авторов также следует различие между «*gens*» и «*natio*». Хотя язычники нередко и называются «*nationes*», однако уже проводится мысль, что к «*natio*» мог относиться и просто народ¹¹². Поэтому нередко следует сопоставление «*natio*» с «*populus*»¹¹³. Можно было бы привести ряд примеров, чтобы показать, как неточно применялось еще понятие «*natio*», но как оно уже преобразовывалось в слово, означающее «народ, не связанный кровными узами»¹¹⁴. Подобное прослеживается и по англосаксонским законам: «Когда ныне случилось, что многие народы (*teodda-nationes*) приняли веру Христа, тут на всей земле были собраны многочисленные синоды, и точно так же у народа англов (*Angel-cyn — in Angloruin gente*), после того как он христианское верование принял от святых епископов и других светлейших уитанов. Тут они ради милосердия определили (милосердия), которому учил Христос, в случае больших злодеяний, чтобы светские господа могли бы с их разрешения, без греха, брать при первом проступке денежный штраф, какой они установили, за исключением предательства господина, при котором не имеют право допускать милосердие,

поскольку всемогущий Господь на тех не простирал (милосердие), которые им пренебрегли; еще Христос, сын Господа, на того (милость) не простирал, кто его привел к смерти; и он повелел любить господ как самих себя»¹¹⁵. И еще одно постановление короля Альфреда, в котором понятие «natio» означает не народ, не сословие, т. е. несет на себе не родовой, но уже чисто социально-экономический оттенок: «Также определяем мы это к тому же для всех иных сословий (be ealliim hadum — de omni ordine vel natione) — как кэрлу, так и эрлу. Кто покушается на жизнь своего господина, тот пусть за это поплатится своей жизнью и всем, что он имеет; или пусть он очистится вирой своего господина»¹¹⁶. В законах Кнута «natio» рассматривается как все население всего королевства (англы, саксы, даны и т. д.): «... и улучшение денег, чтобы монета шла через весь парод (teode — nationes) без всякой подделки, и никто пусть не отказывается от нее...»¹¹⁷. В этом случае «natio» имеет политический оттенок.

В заключение приведем некоторые сведения из произведений раннесредневековых авторов. Нагляднее всего положение о всеобщности употребления термина «gens» и преобладании его над понятием «natio» приводят два автора — Видукинд Корвейский и Адам Бременский.

126

У Видукинда «gens» означает почти то, что мы сегодня понимаем под народом, связанным общим происхождением¹¹⁸. Так, например, в «Деяниях саксов» он говорит: «Ибо враждебными бриттам были такие племена (gentes), как скотты и пикты...»¹¹⁹. Или в этом же произведении: «Мы называем венгров, племя (gentem) очень жестокое в войне»¹²⁰. «Natio» же предполагает уже не германцев. В первой книге «Деяния саксов» Видукинд ведет речь о «бесчисленном множестве варварских народов (nationes)»¹²¹, но когда он повествует о тех же германцах, а не о саксах, которые выступали нередко и против первых, он называет их «gens». «После того, — повествуется в том же произведении, — как он подчинил себе все окружающие народы (nationes), он обратился со всем войском против данов, которые совершали на кораблях разбойничьи набеги на страну фризов...»¹²² В данном отрывке Видукинд не указывает на то, что древние датчане (т. е. одно из германских племен) являлись «natio».

Напротив, продолжение приведенной фразы уточняет, что даны поняты Видукиндом именно как «gens»: «... и заставил их платить дань, а короля их, по имени Кнут, принудил принять христианство. Покорив, таким образом, все окружающие племена (gentibus), он, наконец, решил отправиться в Рим...»¹²³. Из вышеприведенных отрывков ясно видно, что Видукинд понимал под «natio» не только негерманские народы, но и народы, сильно отличающиеся от уже принявших христианство «gentes» своими обычаями. Таким образом, для Видукинда, как и для Адама из Бремена¹²⁴, «gens» является более высоким понятием, нежели «natio». У Беда Достопочтенного¹²⁵ и в англосаксонских законах «gens» также несет политический оттенок: «Когда они узнали, что это у них не будет иметь никакого хорошего продолжения, они тут послали писание к ним. И это есть писание, которое все апостолы посылали в Антиохию, и в Сирию, и в Сицилию, ныне перешедшие от (верований) языческих народов (haethenum teodiim — ex gentile ser-vitnte) ко Христу»¹²⁶.

Сделанный выше обзор источников ясно показал, что в период античности и перехода к средневековью еще нельзя вести речь о самосознании, присущем народу или народности. К жизни его пробудило средневековье, и начало нынешних европейских наций и национальных государств, лежит в нем.

Кроме того, он также показал,

127

что англосаксы не напрасно предпочитали использовать понятие «natio» при переводе на латинский язык слова «maeg». Латинское «natio» не только точнее выражает родственные взаимоотношения, сложившиеся в среде англосаксонского общества, но и определенную этническую специфику и характер, передаваемый словами «maeg» и «maeges».

Рассмотрим подробнее те значения вышеозначенных понятий, которые отражали структуру родственных отношений в англосаксонском обществе. В поэзии «maeg» в большинстве случаев в единственном числе соответствует латинскому «nepos» (у англосаксов — nefa), имеющему два значения: «племянник» и «внук». Так, например, одноименный герой поэмы «Беовульф», сын сестры Хи-гелака (его nefa), называется как его «maeg»¹²⁷. Равное наименование имеют в «Генезисе» Абрам^m и в «Бео-вульфе» племянник Хротгара Хрозульф¹²⁹. И Хродгар, и Хрозульф являются «suhterge — faederan», и оба выступают по отношению друг к другу как «magas»¹³⁰.

Таким образом, и дядя по отношению к племяннику выступает как «maeg» (кровный родич)¹³¹. Во многих случаях «maeg» означает братьев¹³². Отношение двоюродных братьев¹³³, а также их потомков равно означает словом «maeg»¹³⁴. К родителям и детям слово «maeg» применялось крайне редко, в особых случаях. Напротив, сочетание «heafod-maeg» нередко употреблялось для определения братьев и их детей. Например, герой поэмы «Беовульф» упрекает Унферта:

я но хвастаюсь этим вовсе,
хотя ты своего брата (brothrum) убийцей стал,
главы родичей (heafod-maegum)¹³⁵.

Не имеющий сыновей, он же говорит брату матери Хигелаку:

Одним из немногих мне теперь главных родичей (heafod-maga) остаешься ты, Хигелак!¹³⁶

Брат называется «faederen-maeg», «freo-maeg», «hlco-maeg»¹³⁷.

В англосаксонских законах «maeg» наиболее часто осознается как «близкий родственник» (parents).

«Если кто-либо чужестранца убьет,— звучит в постановлениях короля Инэ,— так пусть король получит две части виры, третью часть — сын или родичи (maegas)»¹³⁸. «Но если

128

он не имеет родичей (maegleas),— продолжает Инэ,— половину король, половину гезит»¹³⁹.

Данные статьи ведут речь о свободных англосаксах. О зависимых же лицах звучит следующее:

«Если зависимый по наказанию англ убежит, пусть повесят его и пусть его не оплачивает его господин. Если его убьют, пусть его не оплачивают его родичам (maegum), если они его не выкупили в течение двенадцати месяцев»¹⁴⁰. В законах короля Альфреда понятие «maeg» также подразумевает близкого родственника: «...и пусть он тут покается, как это ему предпишет епископ, и родичи (maegas) могут его кормить, если он сам не имеет никакого пропитания»¹⁴¹.

«Если он не имеет никаких родичей (maegas) или средств к пропитанию,— устанавливает Альфред,— пусть его кормит герефа короля»¹⁴². И далее: «Если он своим врагам сам свое оружие пожелает отдать, так они должны его 30 ночей держать и известить о нем его родичей (maegum)»¹⁴³.

Последующие законы того же короля гласят: «Если убьют такого человека, пусть уплатят, если он не имеет никаких родичей (maeges), половину королю, половину — сотоварищам (gegildan — gildonibus)»¹⁴⁴, и «также мы повелеваем, чтобы кто-либо, кто знает, что враг пребывает дома, не сражался прежде, чем он попросит его (т. е. врага) о праве. Кто имеет власть сражаться и осаждать своего врага, пусть держит его 7 ночей внутри (дома) и не сражается против него, если желает выдержать срок; и затем, спустя 7 ночей, если он приступает к битве, а тот (т. е. враг) сдаст свое оружие, пусть он содержит того 30 ночей невредимым и пусть сообщит о нем его родичам (maegum) и друзьям (frion-dum)»¹⁴⁵.

Во всех приведенных случаях регламентируется порядок проведения кровной мести и выкупа ее малой родственной группой, поскольку наряду с указанными «maeges» фигурируют и просто друзья убийцы. И в остальных случаях понятие «maeg» рассматривается как «близкий родственник»¹⁴⁶. В постановлениях же короля Кнута опять подтверждается при противопоставлении друзей и родичей суженное определение последних: «...и если духовное лицо „обкладывают" враждой и говорят, что он виновник или подстрекатель в убийстве, так пусть он очистится (от обвинения) со своими родичами (magum), которые должны с ним участвовать в кровной мести или должны за него искупить вину; и, если он не имеет родичей (maegleas), пусть очистится со своими сотоварищами (gefelan) или пусть постит-

5 Е. А. Шервуд

129

ся, если на это отважится, и идет на испытание „кусом (пищи)", и при этом пусть произойдет (так), как этим распорядится бог»¹⁴⁷. Наиболее же четко значение «maeg» выступает в законах короля Генриха, где речь идет о «niacges» как о родичах раба¹⁴⁸.

Наряду с данным значением «maeg» выражает и более широкое понятие (cognatio), включающее в себя ряд прочих «inaegcs». В этом случае значение «maeg» может быть понято и как большая семья, и как лица, связанные кровным родством по восходящей и нисходящей линии¹⁴⁹. Так, например, в законах короля Альфреда установлено: «Равным образом имеет право кто-либо сражаться со своими родичами по роду (geborene maege), если на него кто-либо (из них) без основания нападет, за исключением своего глафорда: этого мы не допускаем»¹⁵⁰. А в договоре Эдуарда и Гутрума звучит: «Если два брата или два близких родича (twegen gebrothra oththe twegen genyhe magas) с одной и той же женщиной предаются разврату...»¹⁵¹

В законах короля Ииэ «maeg» выступает и как близкий родич и в то же время целиком определяет родственную группу: «Если кто-либо убьет крестника другого (человека) или его крестного отца, так пусть штраф родичей и штраф человека будут равными. И пусть штраф возрастает в соответствии с вирой, как происходит со штрафом (зависимого) человека, который принадлежит господину. Но если это крестник короля, пусть он уплатит в соответствии с его (убитого) вирой королю и в равной мере родственной группе (maegthe — cognation!)»¹⁵². Та же родственная группа (cognatio, но не parentes) фигурирует под «maeg» (или magas) в законах Этельстапа: «Если посадят вора в темницу, так пусть он пребудет в темнице 40 ночей и пусть выкупят его затем 120 шиллингами, и родственная группа (maegth, magas — cognatio, cognates) поручится за него, что он навсегда отказывается (от воровства)»¹⁵³.

В законах Этельреда описано столкновение таких родственных групп: «Если нарушен мир внутри бурга, так пусть сами горожане идут туда и захватят убийц, живых или мертвых, их ближайших родичей (magas — proxima cognatio), мужа за мужа...»¹⁵⁴. О подобных группах идет речь и в постановлениях королей Эдгара и Кнута, а также в других англосаксонских юридических памятниках¹⁵⁵.

«Маег» могло осознаваться также как родство либо по отцу, либо по матери. Так, например, в законах короля

130

Ительберта в отношении имущества женщины звучит: «Если она не родила дитя, (пусть имеют) родичи со стороны отца (faedering-magum) добро и моргенгабе (т. е. утреннего дара мужа жене после первой брачной ночи)»¹⁵⁶. В постановлениях короля Хлотаря определяется: «Если при жизни жены и ребенка умрет супруг, так есть истинно, чтобы дитя следовало за матерью, и пусть ему со стороны отцовских родичей (faedering-magum) выделяют услужливого поручителя охранять его добро до тех пор, как его возраст достигнет 10 зим»¹⁵⁷. Альфред устанавливает: «Если убьют ее дитя, пусть уплатят королю долю родичей со стороны матери (med-ten-maega — maternae cognationis); пусть дадут их часть родичам со стороны отца (faedren-maegum — parentes patris)»¹⁵⁸. Выражение «родичи со стороны отца» нередко подменяется понятием «отцовский род» (faedren-cnosles)¹⁵⁹. В законах короля Отельстана ясно указывается, что понятие «maegas» (родичи) включает в себя родственников и со стороны отца, и со стороны матери¹⁶⁰. Вышеизложенное можно проследить и в эпических произведениях¹⁶¹. И чаще всего при латинской транскрипции слова «maeg» оно трактуется как «cogna-tio». У Цезаря «cognatio» означало группу меньшую, чем род, но большую, чем семья¹⁶². Ф. Энгельс понимал «cognatio» как родственную группу¹⁶³. Советский исследователь А. Я. Гуревич в своем труде ведет речь о группе сородичей VII—IX вв.¹⁶⁴

Как видим, понятие «cognatio (maeg)» было весьма расплывчато. Нередко для его уточнения в законы вводится термин «maegburg». В VII в. уэссекский король Инэ записывает: «Но если он не желает уплатить эту цену, тогда должен глафорд его освободить, и затем его родичи (his maegas) обязаны уплатить вергельд, если он имеет свободную родию (maegburg i'geo); если он не имеет, пусть остерегается своих врагов»¹⁶⁵. В данном случае неважно, что совершило то лицо, о котором идет речь в приведенном постановлении, но примечательно то, что понятие «maegburg» явно охватывало все степени родства, от самого близкого до самого дальнего родича, не говоря уже о косвенном указании, что за поступки зависимого лица несли ответственность как его свободные, так и зависимые родичи, что, в свою очередь, указывает на то, насколько еще в VII в. родственные отношения играли большую роль в регулировании отношений в обществе англосаксов. В IX в. король Альфред указывает: «Если

131

5*

человек имеет землю в качестве бокленда и (эту землю) его родичи (his maegas) оставили ему (после себя), так мы устанавливаем, что он не должен ее продавать вне своего круга родичей (of his maegburge), если налицо запись или свидетельство о запрете на эту (землю), которую он сначала приобрел, а также (вне круга) тех (лиц), которые ему ее (т. е. землю.— /?. III.) дали (и запись) о том, что он не имеет право это делать, (совершили), и пусть оповестят об этом со свидетельством короля и епископа перед его родичами (beforan his mae-gum)»¹⁶⁶.

Данное постановление свидетельствует о еще довольно-таки сильном влиянии родственного коллектива спустя даже 200 лет после правления короля Инэ на важнейшие черты взаимоотношений в англосаксонском обществе и, мало того, влиянии не узкого круга родичей, по почти всего коллектива как близких, так и дальних родичей (maegburg). Таким образом, «maeg», начиная от наименования отдельного лица одной семьи¹⁶⁷ до наименования самой семьи¹⁶⁸, опирается только на кровное родство и имеет более узкое значение, чем термин «sib»¹⁶⁹.

Таким образом, термины, которыми обозначались общественные группы, ведущие свое начало от первобытного строя, как справедливо указывал М. О. Косвен, «довольно выразительно определяют сущность этих групп. С другой стороны, весьма нередко термин, обозначающий меньшую группу, переносится на группу более широкую, происходящую от размножения первой, причем тогда одним и тем же термином обозначаются разные группы»¹⁷⁰. «Маег» представлено здесь как общее понятие — при отграничении «своего» от «чужака» по принципу родства: «И если кто-либо, родич или чужак (maeg oththe fremde), отказывается скакать (для того чтобы поймать вора), пусть уплатит он королю сто двадцать шиллингов»¹⁷¹. Следовательно, «maeges» являлись низшими ячейками англосаксонского общества, выраженного понятиями «folc» и «teod», и связывались друг с другом при помощи «sib»¹⁷². Так, например, король Уитред писал в прологе к своим постановлениям: «Когда Уитред, благосклоннейший король кентцев, на пятую зиму своего правления, в девятое податное число, на шестой день августа, был на том месте, которое называется Бер-гамштуде, собралось совещательное заседание великих; тут были Биртвальд, архиепископ бриттов, и вышеназванный король, также затем был епископ рочестерский,

132

именуемый Гибмунд в настоящее время, и беседовало единодушно с послушным народом (folcy) каждое церковное сословие (maegth) страны. Тут великие со всеобщего одобрения нашли эти установления и умножили их правовыми обычаями кентцев, как это нижеследующе звучит и значит ...»¹⁷³ А в договоре Эдуарда с Гутру-мом буквально звучит следующее: «Если кто-либо из духовных лиц или чужаков каким-либо образом в добре или жизни предаст, тогда должен король или эрл, пребывающий в этом месте, и епископ народа (bisceop tere teode — episcopus gentis ipsius) выступать в качестве его родича (for maeg) и мундоальда (т. е. опекуна), кроме, если тот другого опекуна имеет; и пусть послушно искупят (вину) сообразно с поступком перед Христом и королем, как это следует, или пусть строго карает за проступок тот король, который является представителем народа (teode — populo)»¹⁷⁴.

Соответственно с развитием общества и со все большим оттеснением родственных связей на задний план значение «maeges» в жизни англосаксов падало. Однако «maeg» как промежуточное звено, сохранив свою форму, но наполнившись новым содержанием, продолжало еще какое-то время играть роль объединяющего фактора. В поэме «Беовульф» лица, связанные дружинными отношениями, именуются иногда как «tagas»^m, а дружины, против которых выступают герои поэмы или же с которыми они сражаются против врагов, — как «maegtha»¹⁷⁵.

Можно предположить, что в отдаленном прошлом «maeges» играли еще большую роль в жизни общества, выражая его умонастроение и сознание. Остатки такого влияния «maeges» на жизнь всего общества отражены в сильном воздействии на все институты родственных связей, а также в общем пользовании такими «maeges» землей¹⁷⁷.

Таким образом, этническое должно было неразрывно сливаться в англосаксонском обществе с родственным началом и границы, о которых речь шла выше, и даже те из них, которые разделяли подобные родственные коллективы, неизменно в той или иной степени имели этнический оттенок. Именно такой оттенок мог нести пограничный лес, описанный в законах короля Инэ: «Если издалека происходящий человек или чужак вне дороги идет лесом и не кричит, и в рог не трубит, то он должен рассматриваться как вор; или пусть убьют его, или пусть выкупят»¹⁷⁸. Данное постановление более приемлемо

133

для небольших лесов, отделяющих одну общину от другой. Эти небольшие лесные участки носили характер пограничной области и одновременно являлись общинными лесами¹⁷⁹.

Однако на Британских островах, на территориях англосаксонских королевств известны и крупные лесные массивы, представлявшие собой пограничные территории. Такой характер носил, например, в те времена расположенный на севере расселения саксов лес под названием «Уилд»; также и болотистые места протяженностью около 80 миль, которые ограничивали вплоть до XIII в. области расселения саксов от Кента, где проживали юты, являлись пограничными территориями¹⁸⁰. Таким образом, вышеописанные территории, выступающие как пограничные, несли также этнический оттенок.

В англосаксонском законодательстве понятие «марки» как общины практически не раскрыто. В собрании грамот общинное землепользование означает чаще всего иными словами: «etenlaes»¹⁸¹ или общим «getaene laes»; причем внутри них отсутствуют какие-либо границы¹⁸². Так, например, в законах короля Эдгара записано: «Но если это (т. е. обнаружение потерянного скота.— *Е. III*) в течение пяти ночей остается не обнародованным на общем пастбище (getaenre laese), пусть потеряет он (т. е. владелец.— *Е. III*) скот, как мы раньше предписывали...»¹⁸³ Следовательно, отграничением и в этом случае всего общинного владения от прочих пользований могли служить «toarccs». Таким образом, понятие «maegs» несло двойной смысл: оно являлось и социальным, и территориальным отграничением, тесно сопряженным с экономической жизнью общества.

Двойное осмысление марки сохранилось и в современных германских языках. В датском, шведском, норвежском языках слово «марка» означает поле, пашню, землю, местность, кроме того, как в немецком и английском, — рубеж, пограничную область. Кроме того, в каждом из этих языков налицо осмысление границы и как линии. В английском языке сохранилось двойное осмысление границы — «mark» и «end» — этимологически совпадающее с древнеанглийскими понятиями.

На возникновение территориального отграничения у англосаксов, как и у всех германцев, большое влияние оказала традиция, выраженная местными обычаями. Ф. Энгельс определял традицию как силу инерции в истории¹⁸⁴. Германцы на протяжении жизни ряда поколений

134

использовали одни и те же обычаи. С изменением социально-экономических отношений они при сохранении старых обычаев вкладывали в них уже новое содержание. Этот процесс приспособления старого к новому протекал по двум направлениям — диахроническому и синхроническому (при историческом развитии германского общества и при вступлении этого общества в контакт с внешней средой).

Вопросы исторического развития неотъемлемо связаны с вопросами реакции на «внешние раздражители», которые иногда оказывались вклиненными в самую глубину германского общества. Таким инородным вкраплением являлось, как правило, в период военной демократии с ее постоянными войнами местное завоеванное население, причем во многих случаях связанное общим происхождением с завоевателями. До постоянного утверждения на завоеванной или ранее населенной земле первичным раздражителем в обществе германцев были так называемые «servi» (рабы). Их положение совсем не схоже с положением рабов у греков или римлян¹⁸⁵. Будучи немногочисленными, они могли быстро входить в состав германцев, не влияя на этнические установки последних. Коренное изменение должно было произойти при массовом введении чужеродных элементов в их среду, что чаще всего происходило при миграциях, мирных переселениях, вторжениях большой этнической группы или нескольких этнических групп. «Великое переселение народов» в первые века н. з. представляло массовые миграционные движения германских, в том числе англосаксонских и прочих племен, которые составили целую эпоху в истории европейских народов, что, несомненно, свидетельствует об огромном значении исследования этнических процессов у этих народов в то время. Исследование развития этнических процессов у народов в период миграций давно стало неотъемлемой задачей этнографической науки.

При массовом появлении чуждых этнических элементов, как это было в случае переселения англосаксов на Британские острова, граница между ноной этнической общностью и автохтонным населением начала проходить по всем институтам общества, и прежде всего отразилась в социальных категориях населения, выражающих социальное мнение англосаксов при оценке ими иного населения. В свою очередь, социальное мнение было детерминировано всей системой общественных отношений¹⁸⁶. «Про-

135

изводство идеи, представлений, сознания,— указывал К. Маркс,— первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹⁸⁷. Англосаксы, вторгшиеся на чужую территорию, естественно, стремились захватить эту территорию и использовать ее. При пользовании территорией создавались те этносоциальные грани (границы), которые и определяли развитие этнического самосознания вновь возникающего общества.

Исследование англосаксонского общества в этом направлении представляет ряд трудностей. Саксы, англ, юты и фризы принесли на завоеванную ими территорию обычаи именно своих племен, в связи с чем источники различны по своему содержанию и составу. Свидетельства источников фиксируют более поздние отношения; сведения не составляют синхронного взаимодействия, что не дает возможности для их полного сопоставления в отличие от материалов источников континентальных германцев. Поэтому нельзя провести исследование поступательного развития взаимоотношений завоевателей с покоренным населением. Чтобы обойти подобные трудности, возникающие из-за специфики документального материала, которая определяет гипотетичность некоторых выводов, приходится сопоставлять данные об обычаях континентальных германских племен со свидетельствами об обычаях англосаксов. Как и у всех германских племен, у англосаксов нормы взаимоотношений с покоренным населением должны были строиться по обычному праву. Причем включить в свой состав покоренное население, а также сделать всех покоренных рабами новая этническая общность в силу родовых представлений не могла. Покоренное население должно было составить промежуточный слой общества с малыми правами на пользование своей бывшей землей.

Таким промежуточным слоем в англосаксонском обществе являлись в Кенте лэты, в Уэссексе — уили. Однако лишь законы короля Инэ определенно свидетельствуют, что уили были иноплеменники¹⁸⁸. По мнению ряда исследователей, кентские лэты, как и уили, также являлись инородцами. Действительно, как и уили, кентские лэты делились на три категории с соответствующим вер-гельдом, определяемым размером земельного надела. В законодательстве уэссекского короля Инэ об уилях говорится: «Если уиль имеет гайду (надел) земли, его вергельд составляет 120 шиллингов; по если он полови-

136

ну имеет,— 80 шиллингов; если он ничего не имеет — 60 шиллингов»¹⁸⁹. Помимо того, «уиль, если он имеет 5 гайд, его вергельд составляет шестьсот (шиллингов)»¹⁹⁰. Далее, в отношении уилей уточняется: «Уиль, платящий налоги, (оценивается в) 120 шиллингов, его сын (в) 100, зависимый (в) 60, некоторые (в) пятьдесят; кожа уиля — двенадцать»¹⁹¹. А в рубрике к законам короля Инэ прямо говорится «об уиле, имеющем землю»¹⁹². В отношении же кентских лэтов в постановлении короля Этельберта указано: «Если убьют лэта, пусть уплатят за высшего 80 шиллингов; если убьют среднего (по положению), пусть уплатят 60 шиллингов; за третьего (по рангу) пусть уплатят 40 шиллингов»¹⁹³. Упоминание рабов как в кентских, так и в уэссекских законах отдельно от лэтов и уилей позволяет не приравнять последних к рабам, а градация на три категории указывает на их многочисленность. Эта группа населения в отличие от рядовых свободных англосаксов, как видно по данным законодательства, при пользовании землей должна была вносить определенную плату в виде оброка.

Не имеющие земли приравнивались к рабам. Так, например, в законах короля Инэ устанавливается: «Обязанный к уплате цеза уиль (оценивается) в 120 шиллингов, его сын — в 100...» и т. д.¹⁹⁴; «Если уиль имеет гайду земли, его вира составляет 120 шиллингов; но если он половину имеет — 80 шиллингов; если он даже ничего не имеет — 60 шиллингов»¹⁹⁵. Следовательно, сопряженность уилей и лэтов с англосаксами выражалась в особых правах пользования землей, которое для уилей и лэтов было очень схоже с арендой земли на определенных условиях.

Вышеприведенное положение подтверждает и сходство корня «laet-» с его основой, сохранившейся в трансформированной форме в современных германских языках (англ. lot; дат. lod; норв. lott, lutt; швед. lott; нем. Los; фр. le lot, un lot, lotir, lotissement).

К сожалению, англосаксонские источники начинают свое повествование лишь с VII в. Установить первичные взаимоотношения англосаксов с покоренными практически невозможно. Изучать данные взаимоотношения можно лишь путем установления их форм в том виде, который реально создавался творцами этих форм в процессе их общественной жизни и отражался в их повседневной практике и в их собственном мышлении, закреплённом и выраженном при помощи языка.

137

В языке англосаксов можно найти ряд форм, корнем которых является общая основа, производная от корневого «laet»:

выпало (let) затем бургом Беовульф у владеть, гаутами править...¹⁹⁶

Понятие «anlaetan» употреблено в англосаксонских законах в отношении потери какого-либо имущества. «Если кто-либо украдет добро (feoh) другого (лица) и позже владелец его конфискует, так пусть, — указывает король Хлотарь, — приведет он поручителей в зал короля, если он может, и приведет того сюда, кто это ему продал; если он (т. е. бывший владелец. — *Е. III.*) это не может сделать, пусть лишится (laete an) (он этой вещи) и владелец возьмет ее себе»¹⁹⁷. В этом законе слову «anlaetan» сопутствует слово «feoh». Под ним могло быть понято как «движимое», включая также деньги и скот¹⁹⁸, так и недвижимое, включая к VII в. и землю, имущество¹⁹⁹. Так, например, в постановлениях короля Этельберта речь идет о «божьем и церковном добре», о «добре епископа», о «добре священника», о «добре дьякона» и о «добре клирика»²⁰⁰, и везде «добро», в которое входит движимое и недвижимое имущество, включая и землю, выражается словом «feoh». Помимо понятия «anlaetan», в законах часто встречается слово «forlaetan» в значении, почти идентичном первому понятию — «оставлять, лишаться»²⁰¹. Таким образом, само корневое «laot» означало связь с чем-либо, принадлежность к чему-либо. Соответственно оно определяло отношение чего- (или кого-) либо к чему- (или кому-) либо, допуск кого- (или чего-) либо к кому- (или чему-) либо²⁰². Данное понятие этимологически связано и с выражением отпуска на свободу; вольноотпущенник допускался на определенных правах к жизни общества и соответственно к праву пользования определенными благами: «И еще одно: если убьют человека, так мы равно высоко оцениваем и англа и дана, в 8 половинок марки чистого золота, кроме кэрла, который сидит на оброчной земле, и их лизингов (liesingnm), расценивающихся равным образом высоко, каждый 200 шиллингов»²⁰³.

В родо-племенную эпоху основным правом пользования являлось право пользования землей и ее плодами. В общине свободных англосаксов оно представляло свободный допуск к тому или иному из угодий²⁰⁴. Все англосаксы имели первоначально допуск к свободному поль-

138

новацию земель, и вся земля принадлежала по обычаю занятия марок им. Соответственно лицо, не относящееся по происхождению к англосаксам, но проживающее на их земле, должно было быть допущено к пользованию этой землей за возмещение. Это именно тот оброк, о котором ранее упоминалось при определении уэссекского уиля. Возможно, что такой же оброк за право пользования землей должны были вносить и лэты, о чем свидетельствует и этимология данного слова, отраженная в современных германских языках (ср.: англ. let и нем. lassen).

Обратимся для подтверждения вышеизложенного к свидетельству сообщений о подобной же группе населения у континентальных германских племен. Ряд исследователей подчеркивают законность сближения англосаксонских источников с саксонскими, фризскими, а также лангобардскими памятниками²⁰⁵. На близость по обычаям всех вышеперечисленных германских племен указывал еще в VIII в. лангобардский хронист Павел Дьякон²⁰⁶.

Л. И. Неусыхин определял при рассмотрении источников континентальных германских племен положение литы (лэта) «как зависимого земельного держателя дофеодалного типа»²⁰⁷. Относительно литов у саксов и фризов, родственных англосаксам племен, А. И. Неусыхин Пыли убедительно показаны зависимость и в том и другом обществах литы от господина, которая носила личный характер²⁰⁸. Подчеркивая в выводах признаки несвободы саксонско-фризского литы, А. И. Неусыхин показал внешние проявления его зависимости, неполноту последней, а также и черты свободы литы²⁰⁹.

Причем среди последних ученых отмечал у лита наличие известных имущественных прав. Именно по размерам имущества проходила градация на три, как и в англосаксонском обществе, категории саксонско-фризских литов²¹⁰. Если сравнить оценку категорий саксонско-фризских литов и лэтов и уилей англосаксов, то можно отметить определенное сходство²¹¹. Дальнейшее сходство проистекает из определения зависимости обеих групп, поскольку при таком общественном укладе, при котором трудящимися субъектами являются все свободные и поэтому труд зависимого держателя не может играть такой роли, как в феодальном обществе, саксонский и фризский лит — еще не держатель феодального типа, хотя в основе его зависимости лежит поземельная зависимость от господина²¹². Обратимся ко второй крупной группе континентальных германцев — салическим франкам. Возможность сравне-

139

ния франкских литов и англосаксонских лэтов и уилей следует из сходства уровней развития обоих обществ — франкского и англосаксонского, отраженных в Салической правде и англосаксонском законодательстве VII в. В обществе салических франков также встречается слой литов, полусвобода которых, по мнению А. И. Неусыхина, с трудом поддается конкретному определению²¹³. Разбирая черты зависимости франкского лита и признаки его свободы²¹⁴, исследователь отмечает, что лит выступает как «лицо, сидящее на чужом участке, но не на положении зависимого держателя феодальной эпохи, а скорее на положении тацитовского серва, платящего натуральные взносы и ведущего собственное хозяйство»²¹⁵. Распоряжение литом своим имуществом наталкивалось на запрет распоряжения землей, принадлежавшей тому домохозяйству, которому лит за право пользования данной землей вносил определенную плату в виде оброка²¹⁶.

Подобная материальная зависимость, определявшая и личную, прослеживается и по лангобардскому законодательству. При превращении раба в альдия (т. е. лита)²¹⁷ ему запрещалось идти на все четыре стороны: «Также (тот), кто захочет сделать (отпускаемого на свободу) альдием, пусть не дает тому четырех дорог ...»²¹⁸. Причины такой стесненности поясняют глоссы XI в. к пунктам 9 и 23 законов короля Лиутпранда: «nullam, al-diaritiam de possessionibus suis dent»; и альдий «id est, qui censum capitibus dat»²¹⁹. Статья 235 эдикта короля Ротари следующим образом определяет нрава альдия: «Об альдае. Не позволено чьему-либо альдию, который не сделан „haamund“, продавать без воли своего патрона землю или рабов, также и отпускать на свободу»²²⁰. А глоссатор XI в. поясняет мысль составителя эдикта следующим образом: «per hanc legem videtur quod amund est ut ingenuus et potest vendere, donare et libertate secundum voluntatem»²²¹. Кроме того, в самом эдикте четко разъясняется понятие «haamund»: «О способах отпуска на свободу. Если кто захочет отпустить на свободу своего собственного раба или свою рабыню, позволено (поступать), как тому будет угодно. Однако же кто захочет сделать (его или ее) „fnlcfree“ и от него независимым, т. е. „liaamund“, так должен поступать: пусть вручит того прежде в руки другого свободного человека и утвердит самого через „gairthinx“; и тот, следующий, пусть тем же образом вручит (в руки) третьего (лица); и третий пусть вручит (в руки) четвертого. Сам же четвертый ведет

140

(его) на перекресток четырех дорог и отпускает его (thingit) в присутствии поручителя (gaida) и свидетеля (gisil); и так пусть скажет: „Ты имеешь власть от (перекрестка) четырех дорог идти свободным, куда ты захочешь“. Если будет так совершенно, тогда будет (он) „haamund“, и пусть он будет полностью свободен. Патрон (же) затем не имеет власть требовать от самого или его сыновей (стать) снова (зависимыми). И если сам, который сделан „haamund“, умрет, не оставив законных наследников, пусть тому наследует королевский двор; но не патрон, не наследники патрона»²²². Далее эдикт отмечает, что жена альдия, свободная по происхождению, после смерти мужа может вернуться домой, но без какого бы то ни было имущества ее супруга. Характерно также, что сыновья этой женщины могут, будучи по происхождению от свободной матери, не оставаться в отцовском доме, но должны при этом отказаться от отцовского имущества, «и тогда пусть идут себе свободные (туда), где захотят (пребывать)»²²³.

Данные постановления ясно указывают на имущественную зависимость альдия, проистекавшую в основном из пользования земельным участком²²⁴. Характерно, что альдионка, вышедшая замуж за раба, теряет свою свободу²²⁵. Указывая на эту свободу альдионки, «по-видимому в какой-то мере и в каком-то смысле принадлежавшую ей до замужества»²²⁶, А. И. Неусыхин, обосновывая эту фразу, проводит последовательный разбор 205, 206, 216-го и 257-го законов эдикта короля Ротари и приходит к выводу о существовании определенных оттенков и градаций внутри института альдионата, определяя

социальный статус альдионки происхождением ее от свободной матери²²⁷. Но, помимо данной категории, существовала и многочисленная группа альдионков, рожденных от родителей-альдиев. Именно это и вызвало расхождение во мнении исследователя. С одной стороны, он утверждает, что в законе 205 речь идет об альдионке, рожденной от свободной²²⁸ (а именно от той, о которой говорится в законе 216²²⁹), с другой — подводит закон 205 под весь слой альдионков, мотивируя такую трактовку неточностью эдикта в «дефинициях и обобщающих социальных характеристиках»²³⁰.

Но нельзя забывать древность эдикта короля Ротари (VII в.). Чем древнее законы, тем более они приближаются к обычаям, которые отмечали лишь особые, выходящие за общежитейские нормы случаи, упуская общеизве-

И» 141
стные истины. Общеизвестными были более низкое положение альдиев по сравнению с вольноотпущенниками²³¹, наследование социального статуса по положению отца и отсутствие у рабов права пользования землей. Все три приведенных положения взаимосвязаны друг с другом. «Разграничение альдия и низшей категории *fulcfree* указывает па то,— отмечает А. И. Неусыхин,— что в тех случаях, когда речь идет о „свободе" альдия, имеется в виду противопоставление *каких-то особенностей его статуса* (курсив наш.— *Е. Ш.*) «несвободе» раба, т. е. подразумевается, в сущности, не свобода, а полусвобода»²³². Впоследствии сам автор ведет речь о поземельной зависимости альдия²³³, которая «уже давно перешагнула за ту черту, по направлению к которой начинает эволюционировать поземельная зависимость разоряющегося свободного (*liber*) — будущего прекариста»²³⁴. То, что было «за той чертой», прекрасно показано исследователем²³⁵. Но встает вопрос: «А что было до этой черты? Как возникла и почему существовала эта зависимость, которой не могло быть в родоплеменном обществе?» По мнению автора, «до „этой черты" „альдионат", как и литство, будучи *исконным* (выделено нами.— *Е. Ш.*) социальным институтом, был распространен у всех *древнегерманских племен* (выделено нами.— *Е. Ш.*)»²³⁶. Такое утверждение неприемлемо, поскольку «исконным» не может и не должно быть ни одно явление. Ведь у баваров, например, наблюдалось отсутствие «исконного» института литства, что подмечено самим же А. И. Неусыхиным. «Любопытно,— пишет он,— что в Баварской Правде отсутствует другой промежуточный слой—литов». И далее, отмечая наличие у баваров колопатных форм, исследователь не приводит никаких объяснений факту отсутствия литов²³⁷. И еще, отмечая, что свобода в эпоху господства родового быта «была естественным состоянием большинства членов племени и противопоставлялась лишь «несвободе» рабов», А. И. Неусыхин тем не менее ведет речь об «исконности» института литства²³³.

В отношении баваров, а также некоторых других древнегерманских племен можно отметить некоторую особенность: слой литов (или альдиев) появляется в том случае, если какое-либо племя предпринимает массовый захват уже обжитых и заселенных земель!>. При достаточном же количестве земельной площади создавалось равновесие между двумя различными этническими общностями. Так, например, сложились первоначально отношения у герман-

142
ского племени бургундов с местным галло-римским населением. Бургу иды селились в норное время после завоевания отдельно от местного населения и основывали свои поселения на вновь расчищенных землях. В этом случае был использован древний метод освоения территорий германскими племенами, описанный еще Цезарем. «Здесь мы, очевидно, видим,— писал Н. П. Грацианский,— у бургундов пережитки старых родовых отношений»²³⁹. Подобное наблюдалось также первоначально в IV—V вв. у франков²⁴⁰. Но затем, в конце V и начале VI в., они, как и лангобарды²⁴¹, начали новые завоевания уже обжитых земель. Именно с этого времени можно ожидать появления института литства у франков. А. И. Неусыхин утверждает, что у салических франков нет никаких указаний на происхождение литов из членов покоренного племени²⁴². Действительно, таких указаний нет, да и не могло быть. Они появлялись лишь в том случае, когда возникала сопряженность между двумя или несколькими разноэтническими общностями. И в данном случае нельзя смешивать социально-экономические определители с этническими. Например, одно дело, если использовать определение «русский», не указывая, что под данным определением могут выступать и рабочий, и крестьянин, и интеллигент, для сопоставления с таким же определением, как «татарин». В данном случае лица сравниваются по национальной (этнической) принадлежности независимо от того, берется ли для сравнения русский рабочий с татарским крестьянином, и наоборот. Другое дело, если сопоставлять независимо от национальной (этнической) принадлежности рабочего и крестьянина, крестьянина и интеллигента, рабочего и интеллигента и т. д.

Во франкском обществе существовали два понятия, которыми могло именоваться иноплеменное население: «римляне» и «литы». Это хотя бы следует из равного штрафа как за убийство лита, так и за убийство римлянина (100 солидов). Так, отсутствовала особая правовая разница между свободным римлянином и литом: и тот и другой являлись зависимыми лицами²⁴³. Но понятие «римлянин» в этом случае этническое, и чтобы привести его социально-экономический эквивалент, понадобилось

присовокупить к «Romanus» слово «possessor»: «Если кто лишит жизни римлянина-землеладельца (Romano posse-ssorem) и по королевского сотрапезника, присуждается к уплате 4000 денариев, что составляет 100 солидов»²⁴⁴.

143

Понятие же «лит» чисто социально-экономическое, и именно поэтому оно перечисляется в полиптиках наряду с прочими социальными статусами (coloni, liberi, servi) без указания на этническую принадлежность той или иной группы населения, скрывающейся под ними²⁴⁵. Появление термина «римлянин» во франкском обществе могло проистекать из постепенности франкского завоевания: чем полнее было заселение земельной площади франками и прочнее их обоснование, чем компактнее они выступали по отношению к завоеванному населению, тем быстрее оформлялся и входил в обиход институт литства, а этнический определитель отступал на задний план. Характерно, что в Салической Правде уделяется очень мало места галло-римскому населению; это сотрапезники короля, посессоры и трибутариусы с вирами, которые в два раза снижены по сравнению с вирами антрустионов и рядовых свободных франков²⁴⁶. В этом случае перед нами две разграниченные этнические общности, градация внутри которых проведена по социальному признаку.

Схожий процесс происходил и у лангобардов, селившихся первоначально родственными, как и франки, группами²⁴⁷. Безраздельное господство сначала рода, а затем соответственно различных групп германцев, связанных родственными узами, над пользованием землей приводило (поскольку завоеванное население продолжало пользоваться этой землей) к введению компенсации за данное пользование и к ущербу прав покоренных. Причем, естественно сохранялись оттенки в институте литства в германских королевствах, проистекающие из различных условий и характера завоевания, развития общества-завоевателя и общества-завоеванного и пр.

В исторической литературе давно ведется спор о происхождении института литства, причем противники строят свои доказательства на сведениях, взятых из источников, датированных много позже того времени, когда институт литства выступал в своем первоначальном виде²⁴⁸. Еще ранее, III—IV вв. до возникновения германских королевств, одной из форм мирных взаимоотношений римлян с германцами являлось поселение последних как лэтов на пограничных территориях римских провинций. Впоследствии германцы в своих отношениях с иноплеменниками исходили из предшествующего опыта или ранее выработанной установки к объекту (Рим и тацитовские рабы)²⁴⁹, а также из опыта своей этнической группы, базирующегося на родо-племенных устоях.

Этноцентризм

144

германских племен выразился в предпочтении экономического образа жизни собственной этнической группы всем остальным с использованием предшествующего опыта. Этническая оценка «Они» выражалась в исключительных случаях, поэтому определенная шкала ценностей в обществе «Мы» проходила в экономической сфере, достигая социальной плоскости через звено «градации права пользования землей». К этому следует добавить, что односторонне утверждать, будто литы произошли из членов захудалых родов²⁵⁰. Односторонне полагать также, что только иноэтническое население дало начало институту литства²⁵¹.

В родо-племенном обществе «чужаком» могло выступать любое лицо даже внутри племенного круга по отношению к более узкой группе, если этот человек не входил в данную группу и тем более если он порывал всякие связи со своим кругом родичей. Так, например, в случае исключения его из родственного круга из-за развязывания им вражды и кровной мести в обществе, адаптирующая его другая группа должна была у англосаксов внести определенный выкуп уже от всей адаптирующей группы пострадавшему кругу родичей для искупления «кровной мести», поскольку родичи, изгнавшие нарушителя мира, автоматически переносили продолжение действия кровной мести на адаптирующий род²⁵².

Выкуп всегда был очень большого размера, и поэтому адаптирующая группа могла внести его лишь в исключительных случаях. Для рядового члена общества на это не шли, и поэтому адаптация в таких случаях вряд ли имела место. Для того чтобы просуществовать, такое лицо в случае отказа в адаптации его чуждой ему группой неминуемо должно было строить свои взаимоотношения с чуждой группой не на родственной, а на экономической основе. Но и экономическая основа была тесно, как было указано выше, связана с представлениями родства. Поэтому данный человек обязан был, за исключением материальных благ, при пользовании не принадлежавшими ему средствами производства вносить определенную плату владельцам этих средств (будь то первоначально род или затем более узкая группа лиц, связанных родственными узами); помимо того, он как экономически, так и социально рассматривался, будучи не родичем и не владельцем средств производственно своему положению в чуждой ему группе ниже, чем равноправный член общества. Обособленность представителей местного населения и завое-

вателей отражалась, как это было подмечено для территорий бывшей Римской империи, завоеванных германскими племенами, в различиях в общественном положении и в юридическом как последствие статусе²⁵³.

Естественно, массовое введение в общество чужеродных элементов способствовало быстрому оформлению института литства, который, в свою очередь, в дальнейшем создал одну из важнейших предпосылок для оформления возникающих экономических основ феодализма²⁵⁴. Так, например, уже к VII—VIII вв. в саксонско-фризском и франкском обществах насчитывались, как и у англосаксов, три категории литов²⁵⁵, причем одна из категорий могла простираться свой «doniigium» и на свободных²⁵⁶. С оформлением раннефеодальных отношений шло не только социальное расслоение равноправных членов общества, такой же процесс происходил и среди неравноправных его членов, как это, например, наблюдалось в среде континентальных литов, у которых один лит мог находиться в зависимости от другого²⁵⁷.

Расслоение в среде зависимого населения проистекало из связи таких лиц с обществом и экономически, а социальное неразрывно сливалось с экономикой. Родственные связи отодвигались на задний план, возникало новое отношение к земле как к средству производства. С феодализацией всего общества в целом изменялся характер границ внутри социальной системы общества; стиралось резкое разграничение групп, что создавало многоступенчатость в понятиях «свобода» и «независимость». Отражением подобного процесса явилось появление в законодательстве германских племен различных ступеней отпуска на свободу. Наиболее ярко прослеживается подобный факт у лангобардов²⁵⁸ в Италии и у ринуарских франков²⁵⁹ в Галлии.

Исследуя понятие «свобода» в период перехода от родо-племенного общества к складывающемуся феодальному у германских племен, А. И. Неусыхин так определял его: «свобода» уже не только особо подчеркивается, но и противоплагается наряду с «несвободой» также и «полусвободой». В эту эпоху «эволюция форм собственности, появление различных прав владения отдельных домо-хозяйств... на разные земельные угодья идет в варварском обществе рука об руку с дифференциацией той совокупности прав-обязанностей, которая обозначается как „свобода“, с возникновением сперва многозначности свободы, а затем разных слоев и статусов в среде свободных»²⁶⁰.

146

Этнические грани стали более подвижными, замкнутые родственные группы дробились, создавая новые этносоциальные объединения. Все это создавало предпосылки для сближения отдельных групп германцев с отдельными группами иноэтнического населения. Данное явление приводило к дегитизации и ассимиляции и тех и других групп населения, причиной чего, как справедливо подчеркивают исследователи, являлись не только окружающая чуждая этническая среда, но и социальные отношения²⁶¹.

Все эти процессы приводили к утверждению в германских королевствах общества нового типа, с новыми социально-экономическими отношениями, с новым этническим составом и соответственно с новым этническим самосознанием. «По мере усиления у варваров социальной дифференциации, зарождения феодальных отношений и формирования раннефеодального государства,— указывал А. Р. Корсунский, имея в виду германские общества, построившие свои королевства на территории бывшей Римской империи,— происходили изменения в положении различных этнических групп в данной стране, а в конечном итоге — и в самой этнической структуре»²⁶². Таким образом, если ранее экономика родо-племенного общества активно влияла на этнические установки этого общества, то впоследствии именно эти установки, используемые при ведении хозяйства, явились одной из причин формирования нового экономического базиса и политической надстройки. В свое время влияние этнического фактора на формирование экономического базиса и политической надстройки отмечали классики марксизма-ленинизма²⁶³.

В значительной мере изменив свою сущность, понятие «лит», как и прочие социальные понятия, уходящие своими корнями в родо-племенную эпоху и вновь возникающие, еще продолжало долго существовать²⁶⁴, поскольку это понятие и прочие изменялись медленнее, чем скрывавшиеся за ними реальные отношения. Если повнимательнее присмотреться к тем понятиям, которые означают социальные категории населения в юридических и даже поэтических англосаксонских памятниках, то увидим ясное подтверждение вышеизложенного. Так, например, и по англосаксонскому законодательству, и по крупнейшей англосаксонской поэме «Беовульф» понятие «эрл» либо выглядит слишком общо, либо часто взаимозаменяется иным понятием, таким, например, как «эделинг»²⁶⁵.

147

То же самое можно сказать о понятиях «тэн»²⁶⁶, «ге-зит»²⁶⁷. Понятия «тэн», «гезит» и «эрл», употреблявшиеся весьма неопределенно, обнаруживают крайнюю текучесть их осмысления²⁶⁸. Нередко «тэны» равно именовались «эрлами»²⁶⁹. Именно так определяют в поэме «Беовульф» приближенных короля Хродгара Эшера²⁷⁰ и самого героя поэмы Беовульфа Виглафа²⁷¹:

... Для данов всех, друзей скильдингов, была боль в сердце, страдание было для многих танов (tegne), и каждому эрлу (eorla) горе... звучит в поэме «Беовульф»¹⁷². Те же «эрлы» и «тэпы» именуется также и «гезитами»^{27М}. Подобно выглядит понятие «генит»²⁷⁴, неопределенность которого была уже подмечена исследователями²⁷⁵. Оно эволюционировало от значения «приближенный» для VII в. до значения «зависимый по земле» для X в. Так, например, в законах короля Инэ устанавливается: «Королевский генит должен, если его вира составляет 1200 шиллингов, присягать 60 гайдами...»²⁷⁶, а в X в. в постановлениях короля Эдгара звучит: «Если генит не выплатит оброк своему господину и не поставит его к положенному времени, так пусть, если господин мягко-сердечен, удовлетворится он за пропуск извинением и возьмет его оброк без наказания»²⁷⁷. Весьма неопределенно выглядит и термин «кэрл»: «Это устав, какой установили и условиями подтвердили в наших мирных гильдиях эрлов и кэрлов, относящихся к Лондону, епископы и гереды для умножения предписаний, данных в Гретаплее, и в Экзетере, и в Гунрес-фельде»¹⁸. Вместе с эрлами кэрлы входили в общий слой населения под названием «фрэ», что означает просто «свободные»²⁷⁹. Можно привести также некоторые примеры недифференцированности употребления в англосаксонском языке на протяжении времени наименований прочих социальных категорий населения. Таковы, например, понятия «глафорд»²⁸⁰, «фрэан»²⁸¹, «элдормен»²⁸². При исследовании развития этнического самосознания не ставится задача выяснения характера изменения наименований и вместе с тем самих социальных институтов англосаксонского общества и того реального значения, которое отражал независимо от наименования в рассматриваемую переходную эпоху тот или иной институт. Однако необходимо отметить, что все вышеперечисленные

148

примеры не только подчеркивают ту истину, что название этой эпохи как «переходной» точно соответствует всей жизни данного времени, но и отмечают, что в этот период наименования социальных институтов изменялись медленнее, чем скрывавшиеся за ними реальные отношения. Поэтому исследование взятого каждого в отдельности института без учета всей картины социально-экономического развития общества англосаксов бессмысленно и чревато грубейшими ошибками. Изменение наименования того или иного социального института нередко лишь указывает направление социально-экономического развития общества, но не всегда фиксирует последствия данного развития. Если опять обратиться к континентальному понятию «лит», то некоторыми из таких последствий были: возможность выкупа себя из литского состояния (причем инициатива исходила от лита)²⁸³; признание некоторых правовых норм для литов и альдиев²⁸⁴, а также признание родственных связей литов с последующим включением их в систему родственных связей всего общества²⁸⁵. У англосаксов, как уже было указано выше, понятие «лэт», встречаемое лишь в законах кентских королей VII в., впоследствии не приводится; ему соответствует уэссекское понятие «уиль». Дважды законы короля Инэ устанавливают правовой статус уиля. Уиль как плательщик налогов за пользование определенным участком земли был связан со всем уэссекским обществом именно экономическими узами, определявшими, как и на континенте для литов, его социальный статус²⁸⁶. Нельзя с точностью указать по сведениям из законов короля Инэ, чьим участком пользовался уиль и кому он платил за это налог. Лишь постановления X в. проливают некоторый свет на данный вопрос: «И если уиль вырос до того, что он имеет гивиск (1/4 гайды) земли и может вносить ценз королю, пусть его вергельд составит 120 шиллингов. Но если он не вырос больше того, что может иметь половину гайды, тогда пусть его вира составит 80 шиллингов»²⁸⁷. Эти постановления указывают на то, что все уили, пользовавшиеся землей, должны были платить налог не только тем «maegthum», которым принадлежала земля, но и королю. Такое разделение внесения оброка могло проистекать и из разграничения земельных владений в Англии X в. на «utland» и «inland»²⁸⁸.

Эти термины с эволюцией всего англосаксонского общества испытали, как и прочие понятия англосаксонского языка, определенную трансформацию, исследование

149

которой не входит в решение задачи, поставленной в данной работе, но могло бы пролить свет на более детальное раскрытие социально-экономического развития англосаксов в VII—XII вв. Возвращаясь к определению статуса уилей, необходимо подчеркнуть, что безземельный уиль приравнивался к социальной категории, идентифицируемой обычно с «рабом» (teow)²⁸⁹. Данным понятием на всем протяжении существования англосаксонского общества охватывались различные группы населения. Дословно это слово было бы лучше переводить как «лицо, находящееся в услужении у кого-либо», но

не «раб»²⁹⁰. В рубрике к первому постановлению короля Инэ речь идет, например, «О правилах божьих слуг (theowa)»²⁹¹, т. е. о регламентации жизни и деятельности священнослужителей. От понятия «theow» в англосаксонском языке берут свое начало такие слова, как «услужение» (teowot) и «зависимость» (teowdome). Так, например, в законах короля Инэ устанавливается: «Но если он с ведома всей своей семьи крадет, так должны они все идти в услужение (teowot)»²⁹², а в прологе к постановлениям короля Альфреда написано: «Господь говорил такие слова Моисею и беседовал так: „Я господин твой, бог; я вывел тебя из страны египтян и из-под их зависимости" (teowdome)»²⁹³. Если же данным словом именовалось бесправное население, то оно разбивалось, в свою очередь, по различным признакам на подгруппы^{21m}. Наименование «theow» могло прилагаться и к лицам, стоящим иногда по своему общественному положению выше, чем собственно рабы²⁹⁵. Такое слияние понятий происходило лишь при сопоставлении высшей прослойки среди «рабов» с так называемой «челядью» (esne)^{29e}, что дает возможность сделать вывод о свободе «челяди», служащей за определенную плату²⁹⁷, но обедневшей настолько, что она была вынуждена исполнять работу, поручаемую рабам (teowweorc)²⁹⁸. Это смыкание по одной грани приводило к тому, что в законодательстве нередко прямо соединялись два понятия в одно — «teowesne»²⁹⁹. Размывание граней замкнутой группы бесправного населения происходило также путем непосредственного включения в слой «рабов» свободных англосаксов, осужденных в качестве наказания на пребывание в этом слое общества. О «зависимом по наказанию (witetheowes)» идет речь в рубрике к постановлению 24 законов короля Инэ³⁰⁰, а само постановление гласит: «Если обращенный в качестве нака-

150

зания в зависимость англ (witetheow Englismon) улизнет, пусть его повесят и пусть его господину его не оплачивают»³⁰ⁱ.

Таким образом, приравнивание безземельного уиля к «рабу» при размывании граней группы бесправного населения в целом в обществе англосаксов приводило к тому, что отличительным признаком уилей от тех членов общества, которые целиком являлись неравноправными, было иноэтничное происхождение, и в данном случае ярко проведена этническая грань, указывающая, что уже к VII в. англосаксы проявляли определенное чувство этнического самосознания. Уиль отграничивался от англосакса не только этнически, не только экономически, но и по социальным признакам, которые определялись экономической основой. Существовали как «свободные», так и «несвободные» уили: «О том, если зависимый уиль (theowwealh) убьет свободного человека», — звучит в одной из рубрик к постановлениям уэссекского короля Инэ³⁰². Само же постановление гласит: «Если зависимый уиль (theowwealh) убьет англа, тогда должен тот, которому он принадлежит, передать его глафорду и родичам (убитого) или уплатить за его жизнь 60 шиллингов»³⁰³. Таким образом, несвободный уиль оценивался, как и прочие «рабы» (teowen), в шестьдесят шиллингов, т. е. без влияния на эту оценку этнической принадлежности как уиля, так и других «рабов». Равно этническая оценка отступала на второй план при принесении присяги о невиновности, когда обвиняют в воровстве свободных англосаксов или уилей: «Но если следует обвинение, данное англom, пусть очистится он вдвойне. Однако если это уильскоо обвинение, то (англ) клянется так же, как (уиль)»³⁰⁴. Необходимо все же отметить, что принадлежность к англосаксам отличала раба-англосакса от раба-уиля не только по наименованию, по и по более высокой моральной оценке первого, чем второго: «Зависимого вследствие наказания уиля с 12 гайдами должны, как зависимого, гнать к бичеванию; из англов — с 34 гайдами»^{30r>}. Эта моральная заниженность иноплеменника, равного по социально-экономической шкале англосаксу, уходит корнями в обычаи первобытного общества. В первобытном обществе под защитой моральных норм находились лишь плены данного рода, по отношению же к чужакам эти нормы были недействительными³⁰⁶. Характеризуя родовой строй ирокезов, Ф. Энгельс отмечал, что у них обычаи и нормы морали регулировались только от-

151

ношениями внутри племени. «Все, что было вне племени, было вне закона»³⁰⁷.

Таким образом, англосаксонская этносоциальная структура испытывала при своем оформлении двойное осознание общности «Они», противопоставляя себя ей в качестве «Мы» как в социально-экономической, так и в этнической сферах. С изменением социально-экономических отношений происходило сближение отдельных этнических групп англосаксонского общества сначала в социально-экономической сфере, а затем и в этнической. К середине X в. в законодательстве англосаксонских королей речь идет как о просто безземельных, но свободных лицах³⁰⁸, так и о «teowum», носивших наименование «Waliscus». Причем к концу X в. понятие «wealh (waliscus)» не несет на себе этнического оттенка, но осознается лишь как социально-экономическое определение³⁰⁹.

Этот процесс подготавливал в англосаксонском обществе переход к территориальному этническому сознанию, к сплочению отдельных групп общества, как гентильных, так и этнических, в одно целое. Размыванию граней замкнутых кровнородственных групп и нивелировке жителей способствовали

пребывание в одной общине лиц различного социального статуса и изменение под влиянием социально-экономического расслоения форм собственности как у англосаксов, так и у иноэтнического населения. Так, например, в законах короля Инэ звучит: «Уиль, если он пять гайд имеет, оценивается как пюсти-гайдный». В статьях 32 и 23,3 законов того же короля определено соответствующее понижение цепи уилей, обладающих более мелкой собственностью или вообще не имеющих ее ³¹⁰. Такое же разграничение сообразно с размерами собственности следует и для свободных англосаксов: «Вергельд кэрла 266 тримсов, то есть 200 шиллингов по мерсийскому праву» ³¹¹. И далее: «И если он даже никакой земли не имеет и все же свободен, так пусть он оценивается в 70 шиллингов» ³¹²; «И если кэрл вырастет до того, что к созыву народного ополчения под началом короля 5 гайд земли имеет, и его убьют, пусть он расценивается 2000 тримсами» ³¹³.

Подобное расслоение приводило к образованию новых межэтнических групп, внутри которых жизнь протекала по издавна установленным правилам, соответствующим общежитейским обычаям прежних кровнородственных групп: «Ни одному из свободных не дозволяется вместе с

152

зависимыми (имеются в виду и уили.— *Е. Ш.*) как *родичи* (курсив наш.— *Е. Ш.*) платить, кроме, если один другого от вражды выкупает; ни зависимому со свободным» ³¹⁴. Тенденция слияния жителей англосаксонских королевств независимо от этнического происхождения в родственные по форме, но опирающиеся на одну социальную основу группы являлась выражением одного и того же процесса образования новой этнической общности у англосаксов. Грань между вновь возникающими группами проходит в социально-экономической сфере. Но ранее ее основой являлись устои родо-племенного общества и в тех общностях, которые были менее подвижны у англосаксов и которые не обосновывались на стыке пограничных областей с иноэтничным населением, проживающим по своим, но не по англосаксонским законам (см., например, область поселения ютов — Кент), на эту грань почти не накладывался этнический оттенок.

Самосознание проявлялось в этом случае гораздо слабее, оно было опутано гентильными представлениями. Именно поэтому в таких областях иноэтничное население рассматривалось лишь как социальная группа, которой было придано наименование «лэт». В данном случае весьма показательна древнее территориально-административное деление Кента на округа под названием «лэзес» (laethes) ³¹⁵. Юты, населяющие территорию Кента, взяли землю в пользование отдельными родственными группами, из чего проистекало и вышеуказанное наименование их общинных угодий как «земли, находящиеся в общем пользовании ютов» (etenlaes). Соответственно не входившие в состав этих групп, но пользовавшиеся общинными угодьями лица получили наименование «лэты», которое, как и наименование округов «лэзес», вело свое происхождение, подобно континентальному «литы», от древних хозяйственных распорядков германских племен. В Уэссексе, постоянно ощущающем сопряженность с ино-этничным населением, находящимся за его пределами, общественные отношения строились не только по социально-экономическому (что выражалось, например, в различных оттенках «свободы»), но и по этническому признакам.

Активная внешняя и внутренняя политика уэссекских королей создала (как и у франков) свой тип этносоциальной структуры общества. В данном случае нужно вести речь не о каких-то «особенностях общественного устройства Кента», но о двух типах взаимоотношений

153

различных этнических общностей в англосаксонском обществе. Один из них (Кент; схоже на континенте у саксов, бургундов, фризов, франков до правления короля Хлодвига) целиком определен гентильными устоями, поддержанными нередко всей совокупностью природных условий. Другой (Уэссекс; на континенте подобно у лангобардов, франков после Хлодвига) также определялся гентильными устоями с наложением на них этнической окраски. В последнем случае можно говорить о «синтезе» социально-экономических и этнических определителей в общественной структуре германских племен. Существовал, наконец, и третий путь развития общества от племени к новой этнической общности (бавары и др.).

В социологическом плане, используя схему «Мы» — «Они», все три типа этносоциального развития общества у германских племен на примере англосаксов можно представить следующим образом. / тип — применительно к Кенту — «Мы» строится при сопоставлении с «Они», вклиненном в самую глубину «Мы», без противопоставления к иноэтничному «Они» извне; без давления иноэтничного «Они» извне, связанного общим происхождением с «Они» внутри, грань между «Мы» и «Они» проходит в основном в социально-экономической сфере:

I этап (знаком-^ указано влияние «на»; знаком •<—>-взаимовлияние)

Непосредственный контакт

Влияние извне

внутри

«Они» (иноэтничное)

«Мы»

Г

«Они» (связанное общим происхождением)

«Они» (связанное общим)-----
происхождением)

Применительно к первому этапу первого типа этносоциального развития общества на территории Кента необходимо указать, что в случае непосредственного контакта внутри территории «Мы», т. е. германских поселенцев, с иноэтничным «Они» происходит создание такой этносоциальной структуры, которая с известными оговорками подходит под первый тип, разработанный академиком

154

Ю. В. Бромлеем. Это этносоциальный организм, когда за пределами территории этнос существует либо в гетерогенном виде, либо в виде небольших гомогенных групп, не обладающих полной общественно-экономической само-

стоятельностью •

II этап

Непосредственный контакт внутри

«Мы» (с включением обоих -внутренних «Они»)

Влияние извне

• «Они» (связанное общим происхождением)

III этап

Влияние извне

Непосредственный контакт внутри

«Мы» (второго этапа) т «Они» (связанное общим происхождением)

—> «Мы» <

(как новая этносоциальная структура)

// тип — применительно к Уэссексу — «Мы» строится при сопоставлении с «Они», как вклиненным в самую глубину «Мы», так и путем противопоставления «Мы» и «Они», находящемуся извне; «Они» в этом случае влияет на «Мы» двояко и резко ограничивается этнически от «Мы»; в то же время извне существовало и иное «Они», связанное общим происхождением с «Мы»:

I этап

Непосредственный контакт внутри

«Мы»

Влияние извне

«Они» (связанное общим*-происхождением)

«Они» (иноэтничное)"---

Г

•-----• «Они» (связанное общим происхождением)

-----' «Они» (иноэтничное)

Т

(связаны общим происхождением)

Применительно к первому этапу второго типа этносоциального развития общества на территории Уэссекса необходимо отметить, что непосредственный контакт внутри «Мы» с «Они», связанном общим происхождением с «Мы», на территории Уэссекса был весьма схож с анало-

155

гичным процессом, протекавшим на территории Италии в Лангобардском королевстве. При непосредственном контакте внутри «Мы»>> с иноэтничным «Они», при сильнейшем давлении в данном случае «Мы» на иноэтничное «Они» создается характерная этносоциальная структура, которую, если рассматривать ее в пространственном аспекте, без учета конкретных исторических условий, можно, по определению академика Ю. В. Бромлея, обозначить как этносоциальный организм, когда в рамках одной социально-политической общности одновременно имеется несколько самостоятельных этносов³¹⁷.

II этап

Непосредственный контакт внутри

«мы» (с включением обоих \ внутренних «Они»)

Влияние извне

«Они» (иноэтничное) «Они» (связанное общим } происхождением)

III этап

Непосредственный контакт внутри

«Мы» (второго этапа) и «Они» (связанное общим происхождением)

Влияние извне

«Они» (ипоатпичное)

III тип — в англосаксонских королевствах не встречается. Данный вариант характерен для Англии IX—XII вв., да и то с большими оговорками. В чистом виде он был бы представлен, если бы к началу

датского, а затем нормандского нашествия сложилась новая англосаксонская этническая общность. Но, как показывают исторические данные и данные языка, являющиеся непосредственным отражением сознания англосаксов, развитие у них новой этнической общности не было завершено даже к XII в. На базе незавершенности ее развития стал складываться уже при иных социально-экономических и этнических условиях английский народ. Тип этносоциального организма, когда из одного этноса социально-политические организмы вычлениют несколько этносоциальных образований (по классификации Ю. В. Бромлей)³¹⁸, отражает все развитие англосаксонского общества, взятого в целом, в период возникновения раннефеодальных государственных образований.

Третий тип этносоциального развития общества у германцев характеризуется следующими параметрами: «Мы» строится лишь при сопоставлении с «Они», находящимся извне:

Влияние извне I----->«Они» (иноэтничное)

«Мы»

I

-----'«Они» (связанное общим происхождением)

В заключение разбора вариантов -противопоставления «Мы» — «Они» необходимо отметить, что ведущей силой взаимовлияния этих категорий являлись социально-экономические отношения, господствующие в обществах, охватываемых данными категориями. При этом нередко социально-экономические отношения могли быть различными, что накладывало свой отпечаток как на социально-экономическое, так и на этническое развитие вновь возникающей общности. У англосаксов социально-экономическое развитие групп «Мы» и «Они» находилось приблизительно на одном уровне, что создавало более прямолинейный путь становления всей общности в целом, которое осложнялось лишь внешнеполитическими условиями как внутри германского общества в целом, разбитого на отдельные королевства, так и между англосаксами и иноэтничным населением.

Подводя итог, можно констатировать, что границы в обществах, находящихся на стадии перехода от первобытнообщинного к классовому строю, проходят по всем сферам жизни этих обществ, взаимопересекаясь и взаимовлияя друг на друга. В этносоциальной структуре этих обществ на отживающие черты старого родо-племенного общества накладывались новые черты возникающего феодального строя. Осмысление границы в гентильном духе, определяемое экономическими распорядками, вырабатывало особый подход к иноэтничному населению, проявляющийся в нерасчлененности форм сознания, которая была закономерным порождением нерасчлененности самого производства материальной жизни, т. е. самого бытия.

Впоследствии, с возникновением резкой сопряженности с иноэтничными общностями, германцы стали строить свои взаимоотношения с последними, опираясь на искон-

156

157

ные устои построения своих обществ. В германских обществах с возникновением социального расслоения граница стала разделять различные иноэтничные общности не только извне, но и внутри самих обществ; при этом на нее накладывался со все большим развитием феодальных отношений социальный оттенок. Новая этносоциальная структура общества создавала границы, носящие специфический этносоциальный оттенок- и являющиеся переходным этапом к подготовке нового этнического типа. С возникновением новой этнической общности, присущей классовому строю, этносоциальные границы раздваивались: все общество внутри разграничивалось по социальному признаку, противопоставляя себя лишь внешним иноэтничным группам. Возникало осознание территориальной общности.

Эти процессы действовали, как правило, синхронно, сплетая всю жизнь германских обществ в сложный клубок. У англосаксов наряду с процессом, показанным в данной главе, происходило одновременно и развитие территориального этнического самосознания, исследование становления которого является темой следующей главы.

¹ Бромлей Ю. В. К вопросу об объективных основаниях этнического самосознания // Тез. докл. сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г Тбилиси, 1971. С. 14-15.

² Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос» // Расы и пароды. М., 1971. Вып. 1. С. 13; ср.: С. 25.

³ Козлов В. И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития // ПИ. 1968. № 9. С. 80; см. также: Калтах-чан С. Т. К вопросу о понятии «нация» // ВИ. 1966. № 6. С. 35; Арутюнян Ю. В. К перспективам развития этносоциологических исследований в СССР // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований, 1970. Тбилиси, 1971. С. 62; Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность людей // ВИ. 1966. № 4. С. 22-23; Балхов Д. Развитие национального самосознания народных масс в условиях перехода от докапиталистических отношений к социализму (на примере таджикского народа): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1972. С. 7; и др.

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т 29 С 37

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 462-463.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 481.

⁹ Там же. С. 473.

¹⁰ Там же. С. 485.

¹¹ Там же.

158

¹² См., напр.: *Джунусов М. С.* Нация как социально-этническая общность ... С. 29.

¹³ С. Julii Caesaris Commentarii. Lipsiae, 1910. Vol. 1: Commentarii de bello gallico (Далее: Caesar Bell. Gall.). VI, 23.

¹⁴ См., напр.: Beovulf. Mit ausführlichen Glossar. Paderborn, 1863 (Далее: Beov.). 1743, 2384.

¹⁵ См., напр.: Beov. 316-319.

¹⁶ IVKg. 2, 2: «Sy teah hwaethere tes raed gemaene eallum leodscipe, aegthier ge Anglum go Denum ge Bryttum, on aelcum ende mines anwealdes. ...» (Bd. 1, S. 210) и Versio из С: «undique in potestatis nostre finihns» (Bd. 1. S. 211).

¹⁷ Wi. 26: «Gif man frigne man aet haebendre handa gefo, tanne wealde se cyning threora anes: oththe hine man cwelle otte ofer sao selle otte hine his wergelde alese» (Bd. 1. S. 14).

¹⁸ Ср., напр.: Ine 11: «Gif hwa his agenne golindan bebycge, the-owne oththe frigne, theah he scyldig sie, ofer sae, forgielde hine his were» (Bd. 1. S. 94).

¹⁹ Af. El. 12: «teah hwa gebycge his dohtor on teowenne, ne sie hio ealles swa teowu swa othru mennenu. Nage he hie fit on eltepdig l'olc to bebycganne. Ac gif he hire ne recce, se te hie bohte, laehto hio freo on elteodig folc. Gif tonne he alefe his suna mid to hae-manne, do hiere gyfta, and locige taet hio haebbe braegl, and tact weorth sie hire maegth-hades, taet is se weotuma agife he hirp tone. Gif he hire tara nan ne do, tonne sie hio frioh» (Bd. 1. S. 30).

²⁰ Cn. 1020,8 (Bd. 1. S. 274).

²¹ IVEg. 2,2: «Sy teah hwaethere tes raed gemaene eallum leodscipe, aegther ge Anglum ge Denum ge Bryttum, on aelcum ende mines anwealdes, to ty taet earm and oadig mote agan, taet hy mid rihto gestrynath, and teof nyte, hwaer he tyfthe hefaeste, teah he hwaet stele, and him swa gehorgon sy heora unwilles, taet heora to fela ne losien» (Bd. 1, S. 210).

²² VAtr. 26,1: «And beo man georne ymbe frithes-bote and ymbe feos-bote aeghwar on earde, and ymbe burth-bote on aeghwylcan ende ...» (Bd. 1. S. 242); ср.: VIAtr. 32,3 (Bd. 1. S. 254).

²³ См., напр.: Beov. 3083: «oth woruld-ende».

²⁴ Beov. 209; ср.: IIIAs. 4: «Quartum: ne aliquis alterius hominem recipiat sine licencis eius (ipsius) cui ante (prius) folgauit, nee intra mercam nee extra...» (Bd. 1. S. 170).

²⁵ См., напр.: Beov. 103: «mearc-stapa», 1348 - «mearc-stapan».

²⁶ 111. 15: «Gif man cuman feormaeth III nihtan his agenum hame, cepeman oththe otherne, te sio ofer mearce cuman, and hine tonne his mete fodo, and he tonne aenigum maen yfel gedo, se man tane olchrne aet rihte gobrenge oththe riht fore wyrcc» (Bd. 1. S. 11);

²⁷ Wi. 8: «Gif man his maen an \v'iofode freols-gefc, so sie folc-fry; l'reols-geft age his orfe aendo wergeld and munde tare hina, sie ofer mearce taer he wille» (Bd. 1. S. 13).

²⁸ VIAs. 8,5: «And eac taet aelc othrum fylste, swa hit gecweden is and mid weddum gefaeslnod, and swilc mann swilce hit ofer ta mearce forsitte, boo XXX paen. scylding oththe anes oxan, gif he ahl taes oferhaebbe, te on flrum gewritum stent, and we mid urum weddum gefaestnod habbath» (Bd. 1. S. 179); ср.: Beov. 2394.

²⁹ Beov. 208-210.

³⁰ Ср. совр. англ. landmarke и landamaren.

159

³¹ Beov. 293, 295-296:

Swyke ic magu- tegnas mine hate

niw-tyrwudne nacan on sande arum healdan ...

³² См., напр.: Beov. 229, 241, 286, 668, 921, 1390, 1741, 2413, 2513, 2524, 2580, 2841, 3060, 3066.

³³ weard-Beov. 305, 319; weardian - Beov. 971, 2164.

³⁴ Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.; Л., 1949. С. 232.

³⁵ Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII-XII вв. М., 1964. С. 100.

³⁶ Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 387; *Kretzschmer G.* Historische Geographic von Mitteleuropa. Munchen; Berlin, 1904. S. 154 и след.; *Knute A.* Historische Geo-graphie Deutschlands im TVlittel alter. S. 1., 1903. S. 102; *Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig, 1899. Bd. 1. S. 16

³⁷ *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, С. 37; *Самаркин В. В.* Историческая география Западной Европы. М., 1976. С. 117.

³⁸ Caesar Bell. Gall. VI, 22.

³⁹ См., напр.: Страбон. География: В 17 кп. Л., 1964. Кн. VII: начало I в. п. э.

⁴⁰ Plinius Secundus Caius. Histloria naturalia. Uppsaliae, 1956 (Далее: Plinius Nat. hist.). VIII, 40, 61: «caesis domus eorum plaustris inpositas».

⁴¹ Салическая Правда/Под ред. В. Ф. Семенова. М., 1950. С. 111 (Далее: Lex Sal.). XXVII, § 26, Add. 11; *Heyne M.* Fiinf Biicher deutscher Hausaltertiimer. Von den altesten geschichtlichen Zeiten bis zum 16. Jahrhundert. Leipzig, 1899. Bd. 1. S. 158; *Schroder R.* Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Berlin; Leipzig, 1922. S. 63.

⁴² См., напр.: *Ratzel F.* Volkerkunde. Leipzig, 1888. Bd. 1. S. 00; *Helm V.* Kulturpflanzen nnd Haustierte in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das iibrige Europe. Berlin, 1902. S. 548 и след.

⁴³ См., напр.: *Hoops J.* Waldbaume und Kulturpflanzen im germani-- schen Altertum. Strassburg, 1905, S. 490 и след.

⁴⁴ Lex Sal. XLV.

⁴⁵ См., напр.: Lex Sal. XXVII, § 19; Edictum Rothari // Leges Lan-gobardorum // MGH. Legum Sectio 1. In folio. Hannoverae, 1808. Т. IV (Далее: Roth.). 319.

- ⁴⁶ *Зибер Н. И.* Очерки первобытной экономической культуры. Одесса, 1923. С. 2.
- ⁴⁷ *Неусыхин Л. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 218.
- ⁴⁸ Там же. С. 387, 393. 398. 412.
- ⁴⁹ *Левандовский Л. И.* Об этническом составе империи каролин-ГОИ//ВИ. 1952. № 7. С. 118-119.
- ⁵⁰ *Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 1. S. 22.
- ⁵¹ P. Cornelii Taciti opera quae supersunt ad fidem codicum Veroli-ni. 1859. Vol. 1 (Далее: Tac. Germ.; Tac. An.). V.
- ⁵² Ср. характеристику германского хозяйства, приведенную А. И. Неусыхиним (*Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 391); о значительной роли скотоводства у салических франков см.: Там же. С. 200 и след.
- 160
- ⁵³ *Birch W.* Cartularium Saxonicum: A collection of charters relating to anglo-saxon history. London, 1885-1893 (Далее: Birch.). 175, 247, 429, 496, 583, 618.
- ⁵⁴ *Grimm L.* Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 1. S. 41.
- ⁵⁵ См., напр.: *Мильская Л. Т.* Некоторые проблемы формирования крестьянства раннефеодальной Германии // СВ. М., 1976. Вып. 40. С. 36; *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 63; *Соколова М. Н.* Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII-X веках//СВ. М., 1955. Вып. 6. С. 37-39.
- ⁵⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 244, 332-335.
- ⁵⁷ См.: *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 37.
- ⁵⁸ Там же. С. 56; *Он же.* Возникновение зависимого крестьянства раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII веков. М., 1956. С. 339.
- ⁵⁹ *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 56.
- ⁶⁰ Caesar Bell. Gall. IV, 9; ср.: Tac. An. I, 56.
- ⁶¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 450; ср. также многочисленные данные, приведенные в работе: *Grimm L.* Geschichte der deutschen Sprache. Bd. 1. S. 347, 348, 351, 370-371, 416, 427-434, 437, 439-440 и т. д.
- ⁶² Beov. 298-weder-mearce.
- ⁶³ *Самаркин В. В.* Историческая география... С. 61. ⁸⁴ *Авдеева К. Д.* Внутренняя колонизация в Сассексе в XI — начале XVI в. // СВ. М., 1973. Вып. 37. С. 55-82.
- ⁶⁵ См., напр.: *Авдеева К. Д.* Внутренняя колонизация в Англии в XI-XIII вв.//СВ. М., 1975. Вып. 39. С. 71-105.
- ⁶⁶ *Авдеева К. Д.* Социальный аспект внутренней колонизации в Англии XII-XIII вв. Состав ее участников//СВ. М., 1976. Вып. 40. С. 62.
- ⁶⁷ *Семенов В. Ф.* Огораживания и крестьянские движения ... С. 197, 199.
- ⁶⁸ *Уледов А. К.* Структура общественного сознания: Теоретико-социологическое исследование. М., 1968. С. 221.
- ⁶⁹ См., напр.: Birch. 1145: «on gemaenre mearce»; Birch. 1095: «landgemaera» (от 962 г.).
- ⁷⁰ AGu. 1: «Aerest ymb ure landgemaera: up on Temese, and thonne up on Ligan, and andlang Ligan oth hire aewylm, thonne on ge-rihte to Bedanforða, thonne up on Usan oth Waetlingastraet» (Bd. 1. S. 126).
- ⁷¹ HI. 15: «Gyf man cuman feormaet III niht an his agenum hame (сепман отте otherne te sio ofer mearce cuman) and hine tonne his mete fede, and he tonne aenigum maen yfel gedo, se man ta-ne otherne aet rihte gehrengre otte riht forewyrce» (Bd. 1. S. 11).
- ⁷² Ine 10: «Gif hwa binnan tarn gemaerum ures rices reafiac nidnae-me do...» (Bd. 1. S. 94).
- ⁷³ Wi. 8: «Gif man his maen an wiofode freols gefe, se sie folcfrý; freolsgefa age his erfe aende wergeld and munde tare hina, sie ofer mearce thaer he wille» (Bd. 1. S. 13).
- ⁷⁴ *Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1916. Bd. 3. S. 27.
- " Ср.: Ine 20 (Bd. 1. S. 98).
- ⁷⁸ *Гуревич А. Я.* Английское крестьянство в X - начале XI в//СВ. М., 1957. Вып. IX. С. 69-70. ⁷⁷ *Hirt H.* Handbuch des Urgermanischen. Heidelberg, 1931. Teil 1: Laut und Akzentlehre. S. 61.
- 6 Е. А. Шервуд
- ## asi
- ⁷⁸ *Chadwick H. M.* The origin of the english nation. Cambridge, 1924. P. 146; см. также: *Classen J.* Zur Geschichte des Wortes Na-tur // Festschrift den Senckenbergischen Stiftung zu Frankfurt am Main 1863. Frankfurt, 1883.
- ⁷⁹ *Leumann-Hoffman B.* Lateinische Grammatik. München, 1928. S. 66, 73, 232.
- ⁸⁰ См., напр.: *Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»//Архив Маркса и Энгельса. ОГИЗ, 1941. Т. 9. С. 188.
- ⁸¹ *Heinichen R.* Lateinisch-deutsches Schulwörterbuch. Leipzig, 1917. S. 531; *Georges H.* Ausführliche lateinisch-deutsches Wo'rterbuch. Berlin, 1918. Bd. 2.
- ⁸² *Classen J.* Zur Geschichte...
- ⁸³ M. Tullii Ciceronis Opera omnis. Geneve, 1646. T. 1-4 (Далее: Cicero). De nat. deorum III, 47: «Natio quoque dea putanda est, cui fana circuminus in agro ardeati rem divinam facere solemus; quae quia partus matronarum tueatur, a nascentibus Natio nomi-nata est».
- ⁸⁴ Cicero Pro P. Sestio 69 - Epist. XV, 20,1: «qui cognomen sibi ex aeliorum imaginibus adripuit, quo magis nationis eius quam generis videretur...»
- ⁸⁵ Cicero Pro P. Sestio 67: «qui maximas nationis, qui reges, qui gontis terras atque inaudiatas».
- ⁸⁶ Cicero De prov. cons. 19: «domitae sunt a Caesara maximae natio-nes».
- ⁸⁷ Там же. 29: «Amoenitas eum, credo, locorum, urbium pulchritudo, hominum nationumquo illarum humanitas et lepos, victoriae cu-piditas, finium imperio propagatio retinet. Quid illis terris asperi-us, quia incultius, quia oppidis, quid nationibus immanius?»
- ⁸⁸ Там же. 31: «nationes eas, quae numero hominum ac multitudine ipsa proterant in provincias nostras redundare» и Cicero Philippi-ca V, 14: «dura natio est».
- ⁸⁹ Caesar Boll. Gall. II, 35, 1: «His rebus gentis omnis Gallia pacata tanta huius belli ad barbaras opinio perlata est, uti ab iis

nationibus, quae trans Rhonum incolerent, legati ad Caesarem mitterentur».

⁹⁰ Там же. IV, 10, 4: «Quarum pars magna a feris barbarisque nationibus incolitur, ex quibus sunt, qui piscibus atque ovis avium vi-vere existimantur».

⁹¹ Там же. IV, 16, 17; ср.: VI, 16, 1.

⁹² C. Julii Caesaris Commentarii. Lipsiae, 1910. Vol. 3: Commentarius de bello alexandrino (Далее: Caesar Bell. Alexandrinum). 7, 3: «Cum et natio eorum et natura cognoscatur, optissimum esse hoc genus ad prodicionem, nemo dubitare potest».

⁹³ C. Sallusti Crispi Bellum Catilinae Bellum Jugurthinum orationes et epistulae ex historiis excerptae. Leipzig, Berlin 1909 (Далее-Sallust. Bell. Catil.). 2, 2; Titi Livii Ab urbe condita. Liber XXL Leipzig, 1880 (Далее: Livius). XXXVIII, 17, 3; 42, 1; M. Vitruvi, Pollionis De architectura libri decem. Berolini, 1880 (Далее- Vitru Pollio). VI, 1, 7; 1, 9; 1, 10; 1, 12; Annaei Senecae turn rhetoris turn philosophiae Opera omnia, ab Andrea Shotto castigata. Geneve, 1626 (Далее: Annaeus Seneca maior). Suasoriarum II, 7; M. Vel-lei Paterni Historiae romanae quae supersunt. Londini, 1718 (Далее: Velleius Paternus). II. 40, 1; 90. 1.

⁹⁴ Cicero In Vorrem II, 4, 112: «neque tam barbari lingua et natione illi quam tu natura et moribus».

162

⁹⁵ Caesar Bell. Gall. I, 53, 4.

⁹⁸ M. Terenti Varronis De lingua latina quae supersunt. Lipsiae, 1910 (Далее: Varro Ling.). 9, 52, § 93: «In nominibus emendis, si natione alter est melior...pluris»; Engelke K. Quae ratio intercedat inter Vergilii Georgica et Varronis Rerum rusticarum libros. Blan-kenburg, 1912 (Далее: Varro Rer. rust.), lib II, 10, 4: «non omnis apta natio ad pecuriam, quod neque Bastulus neque Turdulus ido-nei Galli oppositissimi maxime ad iumenta».

⁹⁷ Velleius Paternus I, 3, 1: «Marobodus, genere nobilis, corpore praevalens, animo ferox, natione magis ratione quam barbarus», и далее: «gente sua»; ср.: II, 19, 3; 108, 2.

⁹⁸ Valerius Maximus cum selectis variorum observations et nova re-censione A. Thysii. Lugduni, 1660 (Далее: Valerius Maximus). II, 10, 6: «servus publicus natione Cimberna», «gentis suae (Cⁱ*nb-ricae)» и «ab uno eius nationis».

⁹⁹ Livius 21, 46, 10.

¹⁰⁰ Vitru. Pollio 9, 2, 1.

¹⁰¹ См., напр.: Cornelius Nepos. Texte Latin. Paris, 1910 (Далее: Ne-pos). Datam I, 1; Rufii Ephesii de vesicae renunqu medicamen-tis De partibus corporis humani. De utero et muliebri pudendo. Parisiis, 1554 (Далее: Quint. Ruf. Curt.). III, 6, 1; 13, 2; VII, 4; Plinius Nat. hist. VIII, 57; XI, 33; XXI, 83; XXII, 109, 116; XXIV, 32; XXIV, 91: «natio Ephesius» (речь идет об одном человеке); см. также Meister K. Lateinisch-griechischen Eigennamen. Leipzig; Berlin, 1916. Hf. 1: Altitalische und romische Eigennamen. S. 115.

¹⁰² Velleius Paternus II, 98, 1: «omnibus eius gentis nationibus»; ср.: Там же. II, 110, 3; Quint. Curt. Ruf. IV, 12, 7: «pedites his plurim gentium non inmixtos, sed suae cuiusque nationis iunxerat copias»- см.; Там же. V, 26; VI, 3, 10; 0 «natio» как «пароде» см.: Там же. VI, 6, 9; VI, 6, 36; VIII, 5, 8; IX, 4, 20, отличие «gens» от «natio» см.: Там же. IX, 4, 24: «validissimo Indorum gentes erant et bellum impigre parabant ducemque ex natione Sudracarum spectate virtutis elegerunt»; точно так же у Плиния: Plinius Nat. hist. V, 37; VI, 191; ср.: M. Fabii Quintiliani De Institutione oratoria libri duodecim innumeris locis emendati ex recen-sione Ulrichi Obrechtii. Strassburg, 1698 (Далее: Quintilian Do inst. orat.). XI, 2, 50: «vel Mithridates, cui duas et viginti linguas, quod nationibus imperabat, traditur notas fuisse»; следует важное указание, что отдельные «nationes» говорили на собственных языках: Там же. XI, 3, 87: «In tanta per omnes gentes nationesque linguae diversitate»; Juvnalis Decimus Junius. Satires. Paris, 1921 (Далее: Juvenal). I, 3, 100: «natio comoedia est».

¹⁰³ Cicero In Vorrem II, 1, 82.

¹⁰⁴ Cicero In Vorrem II, 5, 49; ср.: II, 4, 108; 4, 109; 5, 76; 5, 188,

¹⁰⁵ Cicero' De lego agraria II, 39: «hoc capito; ..., omnes gentis, nationes, provincias, regna X virum dicione iudicio potestati que per-missa et condonata esse dico».

¹⁰⁶ Там же. II, 98: «ut sub vestrum ius, iurisdictionem, potestatem, urbis, nationes, provincias, liberos, populos, regem terrarum...»; см. также: Cicero De domo sua ad pontifices 75, 89, 147; ср.: Cicero Pro L. Flacco 99: «non iudicatis in hac causa de exteris nationibus, non do sociis: de vobis et de vestra re publica iudicatis».

¹⁰⁷ См. вышеприведенные примеры.

¹⁰⁸ Boetticher G. Loecicon Taciteum. Berolini, 1830. S. 218-220.

¹⁰⁹ Tac. Germ. II: «ita nationis nomen, non gentis evaluisse paulatim».

163

6*

ut omnes primum a victore ob metum, mox etiam a se ipsis in-vento nomine German! vocarentur»; см. также: Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus' Germania. Leipzig, 1920. S. 314-315; Heller H. I. Beitrage zur Kritik und Erklarung der Taciteischen Werko//Philologus. Berlin, 1892. Bd. 51 (N. F. Bd. 5). S. 340-342.

¹¹⁰ Norden E. Die germanische Urgeschichte... S. 315, Ab. 2; Francis E. Ethnos und Demos. Soziologische Beitrage zur Volkstheorie. Berlin, 1965. S. 70-71.

¹¹¹ Schulten A. Die peregrinen Gaugemeinden des ro'mischen Reiches //Bheinische Museum fur Philologie. 1895. (N. F. Bd. 50). S. 553; Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der fruhmittelalterlichen gentes. Koln; Graz, 1961. S. 46.

¹¹² Q. Septimi Florentis Tertulliani Opera omnia. Heidelberg, 1609 (Далее: Tertullian). De spectaculus 6, 11, 29; De idololatria 10, 15, 21; Ad nationes I, 14; II, 12; ср.: I, 17, 2, 12; 2, 17; De baptis-mo 5, 13; De pudicitia 17; De anima 50; Adv. Judaeos 1, p. 701, 15; 7, p. 713, 24; 9, p. 724, 25; 11, p. 732, 25; 14, p. 739, 25; 741, 12; Adv. Marc. 2, 26, p. 732, 9; 3, 7, p. 387, 2.

¹¹³ Tertullian Adv. Marc. 3, 20, p. 411, 4; 3, 20, p. 412, 21.

¹¹⁴ Tertullian Adv. Marc. 4, 25, p. 505, 21; ср.: 5, 17, p. 633, 24: «In novissimum diebus effundam de meo spiritu in omnem carnem, id est, et in Nationes».

¹¹⁵ Af. El. 49, 7: «Siththan taet ta gelamp, taet monega teoda Cristes gelcapan onfengon, ta wurdon monega seonothas

geond ealne middan-geard gegaderode, and eac swa geond Angelcyn, siththan hie Cristes geleafan onfengon, haligra hiscepa and eac othcrra getungenra witena. Hie ta gesetton for taere mildheortnes-se, te Crist laerde, aet maestra hwelcre misdaede, taet ta woruld-hlafordas moston mid hiora leafan buton synne aet tarn forman gylte taere fiohhote onfon, te hie ta gesettan, buton aet hlaford-searwe, tam hie nāne mildheortnesse ne dorfton gecwaethan, for tarn te God Aelmihtig tam nane ne gedemde, te hine (oferhogodon, ne Crist, Codes sunu, tam nane ne gedemde, te hyne) sealde to deaths, and he behead tone hlaford Ififian swa nine (selfae)»

(Bd. 1. S. 44—45) и Quadr.: «Postquam contigit, quod plures nationes fidem Christi susceperunt, religione crescente, plures synodi circumquaque convenerunt. Et ita etiam in Anglorum gente, post-quam ad Christianitatem pervenit, sancti episcopi et sapientes laici statuerunt, pro misericordia, quam Dens docuit, ut terreni domini audeant ex eorum licentia, sine peccato, in prima culpa pecuniam emendationem capere, quam ibi decreverunt, praeter prodicionem domini, in qua nullam pietatem ausi sunt intueri, quia Deus Omnipotens nullam adjudicavit contemptoribus suis, nee Dei filius Judae proditori suo; et praecepit Dominum diligere tanquam se ipsum» (Bd. 1. S. 44-45).

" Af. 4, 2: «Swl we eac settath be eallum hadum, ge ceorle ge eorle. Se te ymb his hlafordes feojh sierwe, see he with tone his feores scyldig, and ealles taes te he age, oththe be his hlafordes were hihe getri6we» (Bd. 1. S. 50-51) и Quadr.: «Sic etiam ponimus de omni ordine vel natione, villanorum vel comitum, qui de morte domini sui cogitabat; suae ipsius vitae culpabilis habeatur, et omnium quae sua sunt, vel secundum natale domini sui festinet abnegare» (Bd. 1. S. 50-51).

¹¹⁷ II Cn. 8: «... taet an mynet gange ofer ealle tas teode butan aelcon

164

false and taet nan man ne forsace...» (Bd. 1. S. 314-315) и Quadr.: «De correctione pecuniae, ut una moneta per totas has nationes sine omni falso teneatur, et nemo repudiet earn:...» (Bd. 1. S. 314-315); cp.: Hn. 64, 1e: «Continget etiam antejuramentum non dari non frangi per alterum fieri a re ipsa, a persona, praelatione, natione, merito» (Bd. 1. S. 584).

¹¹⁸ *Block H. Die Sachsengeschichte Widukinds von Korvei.* Berlin, 1913. S. 129; *Korke R. Widukind von Korvei.* Berlin, 1867, S. 78 и далее.

¹¹⁹ Widukindi Res gestae saxoniarum//MGH. Scriptores. In folio. Hannoverae, 1866. T. 3 (Далее: Widukind). I, 8: «Erant enim hae gentes Brettis adversae, Scotti et Pehti...»

¹²⁰ Там же. I, 17: «Ungarios vocamus, gentem belli asperrimam».

¹²¹ Там же. I, 9: «barbarae nationes innumerae».

¹²² Там же. I, 40; «Cum autem omnes in circuitu nationes subiecisset, Danos, qui navali latrocinio Fresones incursabant, cum exercitu adiit vicique.....»

¹²³ Там же. I, 40: «... et tributaries faciens, regem, eorum nomine Chnubam baptismum percipere fecit. Perdomitis itaque cunctis circumquaque gentibus, postremo Roman proficisci statuit...»

¹²⁴ Adamus Bremensis Hamburgische Kirchengeschichte. Hannover; Leipzig, 1917 (Далее: Adamus). 79, 11; cp.: 174, 5; 15, 22; 88, 25; 184, 18-24; cp.: 43, 3.

¹²⁵ Venerabilis Bedae historia ecclesiastica gentis anglorum. Opera historica. Vaduz, 1964. Vol. 1 (Далее: Beda). III, 6.

¹²⁶ Af. El. 49, 2: «Ta hie ta ongeaton taet him ne speow, ta sendon, hie aerend-gcwrit to him. Tis is tonne taet aerend-gcwrit, te ta Apostolas sendon ealle to Antiochia, and to Syria, and to Cilicia, ta sind nu of haethenum teodum to Criste gecirde» (Bd. 1. S. 42—43) и

Quadr.: «Et cum cognovisset, quid inter eos ageretur, scripserunt eis. Et haec est epistola, quam apostoli miserunt omnibus Antiochiam, et Syriam, et Siliciam, qui mine ex gentili servitute ad Dominum sunt conversi» (Bd. 1, S. 42-43); cp.: Af. El. 49, 1: «Ta aefter his tr6-wunge, aer tam te his Apostolas tofarene waeron geond ealle eor-than to laeranne and ta giet ta hte aetgaedere waeron, monega haethena teoda hie t6 Gode gecerdon. Ta hi ealle aetsomme waeron, hi sendon aerend-wrecan to Antiochia and to Syria. Cristes ae to laeranne» (Bd. 1. S. 42-43); cp.: Quadr.: «Et post passionem et resurrectionem suam, antequam discipuli essent in omnem terrain ad praedicandum dispersi, dum adhuc simul erant, multos ex gentium populis ad Deum converterunt, et nuntios miserunt Antiochiam, et Syriam, et Ciliciam, evangelizare regnum Dei» (Bd. 1. S. 42-43).

¹²⁷ Beov. 2170; cp.: Beov. 408, 737, 758, 813, 914, 1530.

¹²⁸ *Behaghel O. Der Heliand und die altsächsische Genesis.* Giessen, 1902 (Далее: Gen.)- Caedmonis monachi Paraphrasis poetica. Gra-venhage, 1655-2012, 2047, 2533, 2558.

¹²⁹ Beov. 1978.

¹³⁰ Beov. 1164; cp.: Beov. 247, 1015.

¹³¹ Gen. 2923; Beov. 2614.

¹³² Херегар и Хродгар — Beov. 468; Херебэальд и Хэдкин — Beov. 2436, 2439; Хэдкин и Хигелак - Beov. 2484; Beov. 2479 (maeg-wine) и т. д.

¹³³ Cp.: *Hodgkin R. H. A history of the anglo-saxons.* London, 1952. Vol. II. P. 767.

¹³⁴ Af. El. 49, 9 (Bd. 1. S. 46).

165

¹³⁵ Абрам и Исаак - The old english Exodus. New-Haven, 1953 (Далее: Exodus). 386; Gen. 2907; мать Грэнделя хотела бы отомстить за «hyge maeg» (своего сына) — Beov. 1339; о Хродгаре, сыне Хеальфдена — Beov. 189. Но обычно «maeg» не совпадает с «sunu» - Gen. 2498—2499: «gif tu sunu age oththe swaesne maeg oththe on tissum folcum freond aenigne.»

¹³⁶ Beov. 586-588:

(no ic taes geflites gylpe) teah tu tlmim brothrum to banan wurde, heafod-maegum...

¹³⁷ Beov. 2150-2151:

...Ic lyt hafo heafod-maga, nefne Hygelac tec!

'«< Beov. 1263; Gen. 983, 1077.

¹³⁹ Ine 23: «Gif mon elteodigne ofslea, se cyning ah twaedne daet weres, triddan dael sunu oththe maegas» (Bd. 1. S. 98) и Quadr.: «parentes sui» (Bd. 1. S. 98); cp.: Ine 21; 21, 1 (Bd. 1. S. 98).

¹⁴⁰ Ine 23, 1: «Gif he tonne maegleas sie, healf kyningc, healf se gesith» (Bd. 1. S. 98) и Quadr.: «parentes» (Bd. 1. S. 98).

¹⁴¹ Ine 24j 24, 1: «Gif wite-teow Engliscmon hine forstalic, ho hine mon and ne gylde his hlaforde. Gif hine mon ofslea, ne gylde hine mon his maegum, gif hie hine on twelf monдум ne aliesden» (Bd. 1. S. 100) и Quadr.: «parentibus» (Bd. 1. S. 100); cp.: Ine 35 (Bd. 1. S. 104).

¹⁴² Af. 1, 2: «...trowige taer swa biscep him scrife, and his maegas hine feden, gif he self mete naebbe.» (Bd. 1. S. 48) и Quadr.: «parentes» (Bd. 1. S. 48).

¹⁴³ Af. 1, 3: «Gif he maegas naebbe, oththe tone mete naebbe, fede cyninges gerofa hine» (Bd. 1. S. 48) и Quadr.: «parentes» (Bd. 1. S. 48).

¹⁴⁴ Af. 5,3: «Gif he self his waepno his gefan ut-raocen wille. gchc-alden hi hine XXX nihta, and hie hine his maegum gebodien» (Bd. 1. S. 52) и Quadr.: «parentibus» (Bd. 1. S. 52).

¹⁴⁵ Af. 28: «Gif mon swa geradne mon ofslea, gif he maeges nage, gielde mon hoalfne cyninge, healfne tarn gegildan» (Bd. 1. S. 66) и Quadr.: «parentes» (Bd. 1. S. 66).

¹⁴⁶ Af. 42; 42, 1: «Еаc we beodath, se mon so te his gefan hamsittend-ne wite, taet he ne feohte aertam te he him ryhtes bidde. Gif ho maegnes haebbe, taet he oum offerat, et amicis» (Bd. 1. S. 74); cp.: Af. 13 (Bd. 1. S. 56); ИЕw. 6 (Bd. 1. S. 144).

¹⁴⁷ ICn. 5,2b; 5,2c: «...and gif man gehadodne man mid faehthe be-lecgo, and secge, taet ho waero daed-bana oththe raed-bana, ladigo mid his magum, te faehthe moton mid beran fore-betan; and gif he is maegleas, ladige hine mid gefelan, oththe on faesten fo, gif he taet turfe, and ga to corsnaede, and taer-at gefare swa swa God raede ...» (Bd. 1. S. 286) и Quadr.: «parentibus, parontes; cum sociis se purget» (Bd. 1. S. 286).

¹⁴⁸ Hn. 70, 2; «Si servus occidat, domino reddantur XX sol. pro man-bota, parentibus intorfecti servi, XL den.» (Bd. 1. S. 587).

¹⁴⁹ Cp. упоминание короля Инэ во введении к законам Альфреда как «min maeg» — Af. El. 49, 9 (Bd. 1. S. 46).

¹⁵⁰ Af. 42, 6: «Aefter taere ilcan wisan mon mot feohtan mid his ge-borene maege, gif hine mon on woh onfeohthath, buton with his

166

hlaforde, taet we ne liefath.» (Bd. 1. S. 76) и Quadr.: «cum germane cognato suo» (Bd. 1. S. 76).

¹⁵¹ EGu. 4, 1: «Gif twegen gebrothra oththe twegen genyhe magas with an wif forlicgan...» (Bd. 1. S. 131) и Quadr.: «duo fratres, vel duo cognati» (Bd. 1. S. 131).

¹⁵² Inc 76; 76,1: «Gif hwa othres god-sunu sca oththe his god-faeder, sie sio maeg-bot and sio man-bot gelic. Weaxe sio bot be tarn were, swa ilce swa man-bot doth, te tarn hlaforde sceal. Gif hit tonne kyninges godsunu sie, bete be his were tarn cyninge swa ilce swa ilce swa taere maegthe» (Bd. 1. S. 122) и Quadr.: «cognationi» (Bd. 1. S. 122).

¹⁵³ IIAs. 1,3; «Gif man teof on carcerne gebringe, taet he beo XL nihta on carcerne, and hine mon tonne alyse ut mid CXX scill. and ga seo maegth him on borh, taet he aefre geswice» (Bd. 1. S. 150) и Quadr.: «cognatio» (Bd. 1. S. 150); cp.: IIAs. 2 (Bd. 1. S. 150); см. также: IIAs. 8: «And we cwaedon, gif hwylc landleas man forgolde on othre scire, and eft his magas (cognates) gesece, taet he hine on ta gerad feormige, taet he hine to folc-ryhte ge laede, gif he taer gylt gewyrce, oththe fore bete» (Bd. 1. S. 154).

¹⁵⁴ IIAt. 6: «Gyf hit binnan byrig gedon bith, seo frith-braec, fare seo buruhwaru sylf to and begyte ta banan, cuce oththe deade, heora nyhstan magas, heafod with heafde» (Bd. 1. S. 131).

¹⁵⁵ См., напр.: IIIЕg. 7: «And se te tiht-bysig sy and folce ungetrywe and tas gemot forbuge trywa, tonne sceawige man of tarn gemote ta te him to-rtan, and finde him tonne gyt borh, gif he maege; gif he tonne ne maege, gewylde man hine swathor man maege, swa cuclno swa deadne, and niman, eal taet he age; and gylde man tain teonde his ceap-gyld angyldes, and fo se hlaford elles to heal-fan, to healfan tact hundred; and gif ather oththe maeg oththe fremdc ta rade forsace, gilde tarn cyng hund-twelftig scillinga; and gesece se aebera teof taet he gesece, oththe te se on hlaford-scarwe gemot sy taet lii naefre feorh ne geseccn, buton se cyninge him feorhgeneres unne» (Bd. 1. S. 204) и Quadr.: «cognatus vel extraneus» (Bd. 1. S. 204); ICn. 5,2d (Bd. 1. S. 286); Wif. 6 (Bd. 1. S. 443); Northleod 1; cp.: Be wergilde и Be werum (Bd. 1. S. 458).

¹⁵⁶ Abt. 81: «Gif hio beam ne gebyreth, faedring-magas fioh agan and morgengyfe» (Bd. 1. S. 8).

¹⁵⁷ III. 6: «Gif ceorl acwylc be Hbbendum wife and bearne, riht is, taet hit, taet boarn, modder folgige, and him man an his faederen-magum wilsumne berigean geselle, his feoh to healdenne, 6th taet ho X wintra sie» (Bd. 1. S. 10).

¹⁵⁸ Af. 8,3: «Gif hire beam mon ofslea, gielde cyninge tara medren-maoga dael; faedren-macgrum hiora dael mon agife» (Bd. 1. S. 54); cp.: Af. 27; 27,1: «Gif faedren-maega maegleas mon gefeohte and mon ofslea, and tonne gif (he) modren-maegas haebbe, gielden ta taes we res triddan dael (triddan dael ta gegyldan, for triddan dael) he fleo. Gif he medren-maegas nage, gielden ta gegildan healfne, for healfne he fleo» (Bd. 1. S. 66) и Quadr.: «ex parte pat-ris sui cognatione; ex matorna cognationom; maternam cognatio-nem» (Bd. 1. S. 66); см. также: Wer. 3: «And richt is, taet se sla-ga, siththan he weres beweddod haebbe, finde taerto waer-borh, be tarn te taeto gebyrige; taet is aet twelf-hyndum were gobyriath twelf men to werborge, VIII faederen-maegthe and IV medren-maegthe» (Bd. 1. S. 392) и Quadr.: «de cognatione patris et de cognatione matris» (Bd. 1. S. 392).

167

¹⁵⁹ Af. 9: «Gif mon wif mid bearne ofslea, tonne taet beam in hire sie, forgielde tone wtfman fullan gielde, and taet beam be taes faedren-cnoses were healfan gelde» (Bd. 1. S. 54).

¹⁶⁰ IIAs. 11 (Bd. 1. S. 156).

¹⁶¹ См., напр.: Beov. 1392.

¹⁶² Caesar Bell. Gall. VII, 32.

¹⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 134, 135.

¹⁶⁴ Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X - начале XI в. // СВ. М., 1957. Вып. IX. С. 70.

¹⁶⁵ Ine 74,1; «Gif he tone ceap nelle fore gesellan, tonne mot hine se hlaforan gefreogan, gielden siththan his maegas tone wer, gif he maog-burg haebbe freo. Gif he naebbe, heden his ta gefan» (Bd. 1. S. 120); См. также: Beov. 2887.

¹⁶⁶ Af. 41: «Se mon se te Ёбс-land haebbe, and him maegas leafden, tonne setton we, taet he hit ne moste sellan of his maeg-burge, gif taer bith gewrit oththe gewitnes, taet taera manna forbod wae-re, te hit on fruman gestrindon, and tara, te hit him sealdon, taet he swa ne mote; and taet tonne on cyninges and on bisceopes ge-witnesse gereccc beforan his maegum» (Bd. 1. S. 74).

¹⁶⁷ Ine 7,2: «Tyn-wintre cniht maeg bion tiefde gewita» (Bd. 1. S. 92); cp.: Ine 23: «Gif mon eltheodigne ofslea, se cyning ah twaedne dael weres, triddan dael sunu oththe maegas» (Bd. 1. S. 98); IIGn. 70,1: «Wife and cildum and nehmagum» (Bd. 1. S. 356).

¹⁶⁸ Abt. 23: «Gif bana of lande gewiteht, ta magas healfne leod for-gelden» (Bd. 1. S. 4); cp.: Af. 28 (Bd. 1, S. 66); Ine 74 (Bd. 1, S. 120); Ine 23,1 (Bd. 1. S. 98); Af. 13 (Bd. 1. S. 56); Ine 38: «Gif ceoi and his wif beam haebben gemaene, and fere se ceorl forth, haebbe sio modor hire beam and fede; agife hire mon VI scill, to fostre, cu on sumera, oxan on wintra. Healden ta maegas tone frum-stol, 6th taet hit gewintred sie» (Bd. 1. S. 106); IIAs. 6. 1: «Gif he tonne aetsacan wille, and on tarn trum fealdum ordale ffil wcorthe, taet he bed CXX nihta on carcerne; and nimen ta magas hine siththan ut, and gesyllan tarn cyng CXX scill., and forgyldan tone wer his magum, and gangon himon borh, taet he aefre swylces geswice» (Bd. 1. S. 154); VIAs. 8,2: «And gif tonne taet gebyrige, taet aenig maegth to tan strang sy and to tarn mycel, innon landes oththe uton landes, XII-hynde oththe twy-hynde, taet us ures rihtes wyrnen and tone teof foran forstande, taet we ridan be eallum to mid tarn gerefan, te hit on his monun-go sy» (Bd. 1. S. 178) и Quadr.: «cognatio (tribus)» (Bd. 1. S. 178); VIIAtr. 23; 24: «And gif man gehadodne mid fachthe belecge, and sccege, tact he woere daed-bana oththe raed-bana, ladige mid his magan, te faehthe moton mid-beran, oththe fore-betan. And gif he si maogleas, ladige mid geferan, oththe faeste to corsnaede, and taor act gefare taet taet God raede» (Bd. 1. S. 266); VIIIAtr. 33: «And gif man gehadodno oththe aeltheodigne man urh aenig tinge forraede, aet feo oththe act feore, oththe hine baende, oththe hine beate, oththe gebismirige on aenige wtsan, tonne sceal him cyng beon for maeg and for mundboran, buton he elles otherne haebbe» (Bd. 1. S. 267); IIEm. 1,1; 1,2; 1,3: «Gif hine tonne seo maegth forlaete, and him fore-gyldan nellen, tonne wille ic, taet eal seo maegth sy unfan, butan tarn hand-daedan, gif hy him syththan ne doth mete ne munde. Gif tonne syththan hwile his maga hine feormige, tonne beo he scyldig ealles taes te he age with tone cyning, and wege ta faehthe with ta maegthe, for tarn hi hine for-

168

socan aer. Gif tonne of taere othre maegthe hwa wrace do on aenigum otrum men, butan on tarn rith hand-daedan, sy he ge-

fah with tone cyning and with ealle his frynd, and tolige ealles taes te he age» (Bd. 1. S. 186 — 188) и Quadr.: «cognatio; tribus vel cognatio; cognationis; cognatione» (Bd. 1. S. 186—188); IIEm. 4 (Bd. 1. S. 186-188); HCn. 39 (Bd. 1. S. 340); Wer. 5 (Bd. 1. S.392).

¹⁶⁹ cp.: wif. g. «Wel is eac to warnianne, taet man wite, taet hy turh maeg-sibbe to gelaenge ne beon, te laes te man eft twaome, taet man aer awoh tosomne gedydon» (Bd. 1. S. 444) и Quadr.: «con-sanguinitate» (Bd. 1. S. 444).

¹⁷⁰ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 181.

¹⁷¹ ПСп. 25,2: «And gif athor oththe maeg oththe fremde ta rade for-sace, gyldo tarn cyningce hund-twelftig scill.» (Bd. 1. S. 329) и Quadr.: «vel cognatus vel alienus» (Bd. 1. S. 329).

¹⁷² В случае, если «maeges» составляли «folc», и «frith», если «mae-ges» составляли «teod.»

ITS \yj p₁₀ 2; «Tarn mildestan cyninge Cantwara, Wihtraede, rixi-gendum te fiftan wintra his rices, ty niguthan gebanne, sextan daege Rugernes, in taere stowe ty hatte Berghamstye, taer waes gesannad eadigra geteahtendlic ymcynne, taer waes Birtwald, Bretone heah-biscop, and se aernaemda cyning, eac tan Hrofceast-re bisceop, se ilca Gybmund waes haten, andweard waes, and cwa-eth aelc had ciricean taere maegthe anmodlice mid ty hersuman folcy. Taer ta eadigan fundon mid ealra gemedum tas domas, and Cantwara rihtum teawum aecton, swa hit hyr efter segeth and cwyrth ...» (Bd. 1. S. 12).

¹⁷⁴ EGu. 12: «Gif man gehadodne oththe aeltheodigne turh enig ting forraode aet feo oththe aet feore, tonne sceal him cyng beon, oththe eorl taer on lande and bisceop tere teode, for maeg and for mundboran, buton he elles otherne haebbe; and bete man georne be tarn te suo daede sy Criste and cyninge, swa hit gebyrige, oththe ta daede wrece swithe deope, ta cyning sy on teode» (Bd. 1. S. 134).

¹⁷⁵ Beov. 64-67; cp.: Beov. 728-730, 1015, 1168, 2879, 2815, 3065.

¹⁷⁶ Beov. 4-5, 25, 74-76, 1011, 2614, 2628, 2837, 2917, 2982.

¹⁷⁷ См., напр.: IIAs. 8 (Bd. 1. S. 154).

¹⁷⁸ Ine 20: «Gif feorcund mon oththe fremde butan wege geond wudu gonge and ne hrieme ne horn blawe, for teof he bith to profianne; oththe to sleanne oththe to aliesanne» (Bd. 1. S. 98); cp.: *Kemb-le J. M.* The Saxons in England. A history of the English commonwealth till the period of the norman conquest. London, 1849. Vol. 2. P. 46.

¹⁷⁹ Ine 43 (Bd. 1. S. 108); cp.: Birch. 332 (от 805 г.): «Communis sil-va»; Birch. 426 (от 839 г.): «saxonic in gemennisse».

¹⁸⁰ Авдеева К. Д. Внутренняя колонизация в Сассексе в XI — начале XVI в. //СВ. М., 1973. Вып. 37. С. 62.

¹⁸¹ Birch. 762 (от 940 г.) - «общинный луг».

¹⁸² Kemble 1278 (от 982 г.).

lea iVEg. 9: «Gif hit tonne ofer V niht ungecydon gemaenre laese wunath, tolige taes orfes, swa we aer cwaedon...» (Bd. 1. S. 212) ; cp.: Aelfric's Colloqui. London, 1939. P. 45.

¹⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 318.

¹⁸⁵ Тас. Germ. XXV; см. также: *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 221.

169

¹⁸⁶ *Ерунов Б. А.* Мнение и умонастроение в историческом аспекте // *История и психология.* М., 1971. С. 111, 116.

¹⁸⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 24.

¹⁸⁸ Ср.: Ine 24,2: «Wealh, gif he hafath V hida, he bith syxhunde» с Ine 24,1 (об оплате зависимого Engliscmon) и Ine 24: «Gif wite theow Engliscmon hine forstalic, hohine mon and ne gylde his hlaforde» (Bd. 1. S. 100); см. также: Ine 46,1: «Englisc onstal», «Wilisc onstal» (Bd. 1. S. 110), Ine 54,2: «Witetheowne monnan Wyliscnemon sceal bedrifan be XII hidum swa theowne to swin-gum, Engiscne be feower and XXX hida» (Bd. 1. S. 114).

¹⁸⁹ Ine 32: «Gif Wilisc mon haebbe hide londes, his wer bith CXX scill.; gif he tonne healfes haebbe, LXXX scill.; gif he naenig haeb-bo, LX scillinga» (Bd. 1. S. 102).

¹⁹⁰ Ine 24,2: «Wealh, gif he hafath V hida, he bith syxhynde» (Bd. 1. S. 100).

¹⁹¹ Ine 23,3: «Wealh gafolgelda CXX scill., his sunu C theowne LX, somhwelcne fiftenum; Weales hyd twelfum» (Bd. 1. S. 100)- ср.: Ine 32 (Bd. 1. S. 102).

¹⁹² Ср.: Ine 32 (Bd. 1. S. 102) и Ine Ruhr. 32: «Be Willisces monnes lond-haefene» (Bd. 1. S. 22), а также Quadr.: «De Cordubleni terram habente» (Bd. 1. S. 23).

¹⁹³ Abt. 26: «Gif laet ofslaeth, tone selestan LXXX scill. forgelde; gif tane oterne ofslaeth, LX scillingum forgelde; thane triddan XL settling forgelde» (Bd. 1. S. 4).

¹⁹⁴ Ine 23,3: «Wealh gafol-gelda CXX scill., his sunu C. teowne LX. Somhwelcne fiftenum. Weales nyd twelfum» (Bd. 1. S. 100).

¹⁹⁵ Ine 32: «Gif Wylisc mon haebbo hide londes, his wer bith CXX scill.; gif he tonne haebbe healfne, LXXX scill.; gif he naenig haebbe, LX scillinga» (Bd. 1. S. 100).

¹⁹⁶ Beov. 2389-2390:

let tone brego-stol Biowulf healdan, Goatum wealdan...

¹⁹⁷ HI. 7: «Gif man othrum maen feoh forstele, and se agend hit eft aetfo, geteme to cynges sele, gif he maege, and tane aetgebrenge, te him sealde; gif he taot ne maego, laete an, and fo se agend to» (Bd. 1. S. 10); ср.: HI. 16,3 (Bd. 1. S. 11): «laete tanne an».

¹⁹⁸ Abt. 28; ср.: Abt. 30 (Bd. 1. S. 5); HI. 7 (Bd. 1. S. 10)- HI. 16,2 (Bd. 1. S. 11); Ino 35, I (Bd. 1. S. 104) и Ine 53 (Bd. 1. S. 112)-Af. El. 17 (Bd. 1. S. 33); HI. 10: «an feo oththe an ate» (Bd. 1. S. 10); Ine 17 (Bd. 1. S. 96); Af. El. 29 (Bd. 1. S. 38)- ср. • Af. El. 35 (Bd. 1. S. 38) и Af. El. 49,7 (Bd. 1. S. 47); As. Aim. 2 (Bd. 1. S. 148); IIATR. 1. (Bd. 1. S. 220) и IIIATR. 8 (Bd. 1. S. 231)- Af. El. 42 (Bd. 1. S. 40) и VIAs 2 (Bd. 1. S. 175)

¹⁹⁹ См., напр.: Abt. 81 (Bd. 1. S. 8); HI. 6 (Bd. 1. S. 10); Ine 282 (Bd. 1. S. 100); ср.: Af. Ruhr. 20 (Bd. 1. S. 18); Af. 20 (Bd. 1. S. 60); см. также: Beov. 156, 470, 1381.

²⁰⁰ Abt. 1: «Godes feoh and ciricean»; «Biscopes feoh»; «Preostes feoh»; «Diacones feoh»; «Cirices feoh» (Bd. 1. S. 3)

²⁰¹ Wi. 5,1: «hrowe forlaete» (Bd. 1. S. 12); VIAs. (Bd. 1. S. 176)-IIEw. 6: «anforlaetan» (Bd. 1. S. 144); ср.: *Cynewulfs' Elene.* 630' 946.

²⁰² Wi. 6 (Bd. 1. S. 12); ср.: IIATR. 6,1 (Bd. 1. S. 224); Af. El. 12: «laete hie freo on eltheodig folc» (Bd. 1. S. 30) и Quadr.: «dimittet earn populo autem alieno» (Bd. 1. S. 31); *Codex diplomaticus aevi*

170

saxonici. London, 1839-1848 (Далее: *Kemble*). 1290 (от 995 г.): «lihtan».

²⁰³ AGu. 2: «Taet tonne is, gif man ofslagen weorthe ealle we laetath efen dyrne, Engiscne and Dcniscne, to VIII healfmarcum asodenes goldes, buton tarn ceorle, te on gafol-lande sit, and heora liesingum, ta syndan eac ofen dyre, aegther to CC scill» (Bd. 1. S. 126); ср.: «laet me thaet land to handa» (*Robertson A. J.* Anglo-saxon charters. Cambridge, 1939. N 44); *Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1916. Bd. 3. S. 85; Ine 20: «alysenne» (Bd. 1. S. 99); об этимологическом сходстве «laet» с «liesingum» см.: *Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1906. Bd. 2. H. 1. S. 133, 135, 129; *Seebohm F.* Tribal custom in anglo-saxon law being an essay supplemental to 1) «The English village community» 2) «The tribal system in Wales». London, 1911. P. 484.

²⁰⁴ IVEg. 9 (Bd. 1. S. 212); Ger. 7 (Bd. 1. S. 454); Birch. 762 (от 940 г.)

²⁰⁵ См., напр.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства. С. 54, 196, сн. 4; *Он же.* Проблемы европейского феодализма. С. 117; *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Sta'mme bis zum Ausgang der Volkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1934. S. 567; *Он же.* Die germanischen Reiche der Volkerwanderung. Leipzig, 1913. S. 92; *Он же.* Zur alteste Geschichte der Langobarden. Leipzig, 1885. S. 34; *Baltzer H.* Germanische Kultur. Weimar, 1959. S. 39; *Bluhme F.* Die Gens der Langobardorum und ihre Herkunft. Bonn, 1868. H. 1. S. 7, 31, 17, 33 и Index et Glossarium Fridorico Bluhme in Leges Langobardorum // MGH. Legum Sectio 1. In folio. Hannoverae, 1868. T. IV. P. IX, 665, 666, 669, 677; *Westberg F.* Zur Wanderung der Langobarden. 1904. S. 24; *Felt E. N.* Relief-Fibeln von nordischen Tyres in Mittel-Europa. Bergen, 1942. S. 225; *Hoffmann A. v.* Politische Geschichte der Deutschen. Stuttgart; Berlin, 1923. Bd. 1. S. 206; *Gaupp E. Th.* Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Weltreiches. Breslau, 1844. S. 496—497; Д6.9-*sig K. G.* Die Alterthümer der Deutschen in einem kurze Entwurfe dargestellt. Leipzig, 1793. S. 74; *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters (Grundlinien einer vergleichenden Verfassungsgeschichte des Lehnzeitalters) Weimar, 1962. S. 28; *Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1912. Bd. 2, H. 2. S. 567.

²⁰⁶ *Pauli Diaconi historiae gentis Langobardorum/MG. SS. rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—XL Hannoverae, 1878 (Далее: Paul. Diac.). IV, 23.*

²⁰⁷ *Неусыхин Л. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 166.

²⁰⁸ Там же. С. 107, 116, 159, 160-163.

²⁰⁹ Там же. С. 100-164.

²¹⁰ Там же. С. 164.

²¹¹ Для Кепта 40 шиллингов - Abt. 26: «Gif laet ofslaeth, tone sC-lestan LXXX scill. forgelde; gif tane oterne ofslaeth, LX scillingum forgelde, tane triddan XL scillingum forgelde» (Bd. 1. S. 4); ср. 36 солидов для Фрисландии — *Lex Frisionum* // MGH. Legum Sectio 1. In folio. Hannoverae, 1875. T. 3 (Далее: *Lex Fris.*). I, § 4, 7; для Уэссекса и Нортумбрии высшая оценка уиля -120 шиллингов — см., напр.: *Northleod 7:* «And gif Wilisc man geteo, taet he haebbe hiwisc

landes and maege cyninges gafol forthbringan, tonne bith his wer-gild CXX scill. And gif he ne geteo buton to healfre hide, tonne si his wer LXXX scill» (Bd. 1.

171

S. 460); ср.: для Саксонии аналогично — 120 солидов — *Leges Saxonum* // MGH. *Legum Sectio I. In folio, Hannoverae, 1874. Т. 5 (Далее: Leg. Sax.). XL.*

²¹² *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 165.*

²¹³ Там же. С. 42.

²¹⁴ Там же. С. 43-46; *Он же. Возникновение зависимого крестьянства. С. 135-138.*

²¹⁵ *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 45-46.*

²¹⁶ Там же. С. 97.

²¹⁷ О равенстве лита альдию см.: *Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства. С. 18, сн. 2.*

²¹⁸ Roth. 224; «*item qui haldiam facere voluerit, non illi dit quattuor vias*».

²¹⁹ *Liber Legis (Leges Langobardorum // MGH. Legum. Sectio I. In folio. Hannoverae, 1868). Т. 4. P. 408.*

²²⁰ Roth. 235: «*De haldios. Non liceat haldius cuiuscumque qui haamund factus non est, sine voluntate patroni sui terra, aut mancipia vin-dere, sed neque liberum dimittere*».

²²¹ *Liber Legis. P. 359.*

²²² Roth. 224: «*De manomissionibus. Si quis servum suum proprium aut ancillam suam liberos dimittere voluerit, sit licentia qualiter ei placuerit. Nam qui fulcfree, et a se extraneum, id est haamund, facere voluerit, sic debet facere. Tradat eum prius in manu alteri homines liberi et per gairthinx ipsum confirmat; et ille secundus tradat in tertium in eodem modo, et tertius tradat in quartum. Et ipse quartus ducat in quadrubium, et thingit in gaida et gisil, et sic dicat: de quattuor vias ubi volueris ambulare, liberam habeas potestatem. Si sic factum fuerit, tune erit haamund, et ei manit certa libertas: nullam repetitionem patronus adversus ipsum aut filifls eius habeat potestatem requirendi. Et si sine heredem legetimfls ipse qui haamund factus est, mortuus fuerit, curtis regia illi succidat, nam non patronus aut heredem patroni.»*

²²³ Roth. 216; ср.: *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 132-133.*

²²⁴ Roth. 235.

²²⁵ Roth. 217.

²²⁶ *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 98.*

²²⁷ Там же. С. 99.

²²⁸ Roth. 205: «*Об изнасиловании альдии. Если кто изнасилует чужую альдию, то есть (ту), которая была уже рождена от свободной матери, уплатит за нее 40 солидов*» («*De haldia violentiata. Si quis haldiam alienam, id est qui iam de matre libera nata est, violentiam fecerit, conponat solidos quadraginta*»).

²²⁹ Roth. 216: «*Если альдия возьмет в жены свободную. Если чей-либо пльдий возьмет в жены свободную, то есть «fulcfrea», и примет над ней мундиум, и затем, после того как (у него) родились сыновья, муж умрет; не захочет женщина оставаться (далее) в самом доме (альдия) и родичи захотят ее к себе опять взять, пусть вернут цену, которая была заплачена за мундиум самой женщины человеком, которому принадлежал альдий. Тогда та без моргенгабы или каких-либо вещей мужа возвращается со своими вещами, если какие-либо от родичей принесла, к родичам. И если у самой женщины будут сыновья и (они) не захотят пребывать в доме отца, лишатся отцовского добра и, сколько было дано за их мать, уплатят за себя мундиум; тогда пусть идут себе свободные (туда), где захотят (перебывать).»*

(*Si haldius uxorem libera tulerit. Si haldius cuiuscumque libera uxorem tulerit, id est fulcfrea, et mundium de ea fecerit, posteaque filios habens maritus mortuos fuerit: si mulier in ipsa casa noluerit permanere, et parentes eam ad se recolligere voluerint, reddant praetium quod pro mundium ipsius mulieris datum est illis cuius haldius fuit. Tune ilia absque morgingab aut aliquid de rebus mariti revertatur sibi ad parentes suos cum rebus, si aliquas de parentes adduxit. Et si filii de ipsa muliere fuerint, et noluerint in casa patris sedere, res paternas demittant, et mundium pro se reddant, quantum pro matre eorum datum est, et vadant sibi ubi voluerint liberi).*

²³⁰ *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 100.*

²³¹ Roth. 224.

²³² *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 98.*

²³³ Там же. С. 98, 100-101; ср.: *Он же. Возникновение зависимого крестьянства. С. 248.*

²³⁴ *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 101.*

²³⁵ Там же. С. 90-91, 97, 184-187.

²³⁸ *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 101.*

²³⁷ *Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства. С. 365-366.*

²³⁸ *Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 102.*

²³⁹ *Грацианский Н. П. О разделах земель у бургундов и вестготов // СВ. М., 1942. Вып. 1. С. 13-14; ср.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства. С. 310.*

²⁴⁰ *Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства. С. 75, "" Paul. Diac. II, 31, 32; III, 16.*

²⁴² *Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства. С. 221.*

²⁴³ *Lex Sal. XLI § 1; ср. XLI § 6 и XLII § 4.*

²⁴⁴ *Lex Sal. XLI § 6: «Si vero Romano possessorem et conviva regis non fuerit, qui eum occiderit, IV M dinarios qui faciunt solidos C culpabilis iudicetur».*

²⁴⁵ См., напр.: *Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства. С. 211; ср.: С. 139; 256, сн. 39, 36; Он же. Проблемы европейского феодализма. С. 106, 107; ср.: С. 181.*

²⁴⁶ *Lex Sal. XLI § 5, 6, 7; XLII § 4; ср. XLI § 3; XLII § 1, 2.*

²⁴⁷ *Paul. Diac. II, 26.*

- 248 Разбор этих исследований см.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства. С. 220 и сл.
- 249 *Кон И. С.* К проблеме национального характера//История и психология. М., 1971. С. 126.
- 250 См., напр.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства. С. 18. Трактовку им же образования слоя альдиев на территории лангобардского королевства в годы завоевания лангобардами Италии см.: Там же. С. 232.
- 251 См., напр.: *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. С. 80.
- 252 См., напр.: *Beov.* 459-472.
- 253 См., напр.: *Корсунский А. Р.* Государство и этнические общности... С. 124.
- 254 См., напр.: *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 187 (об альдионате), 186.
- 255 *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства. С. 170, 218; *Он же.* Проблемы европейского феодализма. С. 207, 208.
- 256 *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 118; см. также: *Lex Frisionum // MGH. Legum Sectio I.* In folio. Hannoverae, 1875. Т. 3 (Далее: *Lex Fris.*). XI § 1.
- 172
- 173
- 257 *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 117, сн. 46. С. 153.
- 258 *Roth 224, I-IV, 234, Liutprandi // Leges Langobardorum MGH. Legum Sectio I.* In folio. Hannoverae, 1868. Т. 4 (Далее: *Liutpr.*). 23; *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 74, 100, 248.
- 259 *Lex Ribuaria // MGH Legum Sectio I.* In folio. Hannoverae, о. J. Т. 5 (Далее- *Lex Rib.*). LVIII, § 1-2; LXI, § 1, 3; LVII, § 1, LXII.
- 260 *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 38; ср.: *Он же.* Возникновение зависимого крестьянства. С. 122-152, 174-213, 245-262.
- 261 См., напр.: *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы. С. 30.
- 262 *Корсунский А. Р.* Государство и этнические общности.... С. 126.
- 263 См., напр.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 410; Т. 25, ч. II. С. 354.
- 264 Ср.: *Capitularia regum francorum // MGH. Legum Sectio II.* Hannoverae, 1881. 93 § 1,5; см. также: *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. С. 132, сн. 88.
- 265 См.: *Abt. 14 (Bd. I. S. 3); Abt. 75 (Bd. I. S. 7); Abt. 13 (Bd. I. S. 4)- HI. 1 (Bd. I. S. 9); Beov. 1281, 1312, 1328; ср. 1329: «eorl» и «aetheling» (об одном лице); 248, 627, 689, 761, 791, 1035, 1420, 1442, 1512 (о Беовульффе); 1967, 2021, 2622: «eorlscipe»; ср.: 2064, 2891, 2893. 3007; «eorl-weorod»; 2908 (о Беовульффе); 6, 357, 369, 573, 795, 982, 2951, 3015, 3063, 3077: «aethelingas eorles»; 2190 (о Хродгаре); 431-432, 767-769, 1235, 1238 (о Беовульффе); 1050-1051, 1228-1231, 2141-2151, 2815-2816.*
- 266 *tegn*-см: *Ine 45 (Bd. I. S. 108)*; а также: *Beov. 122-123, 129-131 194, 234-235 293 407-408, 494, 673, 867, 1080-1081, 1085, 1308, 1341, 1574, 2032-2035, 2977.*
- 267 См.: *Wi 5 (Bd. I. S. 12); Ine Rubr. 50 (Bd. I. S. 24); Ine Rubr. 51 (Bd. I. S. 24); Ine Rubr. 63 (Bd. I. S. 26); Ine 23,1 (Bd. I. S. 99); Ine 45 (Bd. I. S. 26); Ine 23,1 (Bd. I. S. 99); Ine 45 (Bd. I. S. 108); Ino 54 (Bd. I. S. 112); см. также *Beov. 20-24, 28-29, 853, 1311-1313, 2040, 2631-2632.**
- 268 См. также: *Ghndwick H. M.* Studies on anglo-saxon institutions. P. 56, 161-197, 309-348.
- 269 См., напр.- *Beov. 293-296. 356-357, 399-400, 431-432, 1035, 1080-1081, 1480 2032-2035, 2059.*
- 270 *Beov. 1308*- ср.: *Beov. 1328-1329.*
- 271 *Beov. 2906-2910; ср.: Beov. 2708-2709, 2720-2723, 2757.*
- 272 *Beov. 1417-1420:*
- ...Demim eallum waes, winum Scyldinga weorce on mode, to getolianne tegne monegum, oncyth eorla gehwaem...
- 273 *Beov. 2631-2632.*
- 274 *gencatas* - см.: *Ine Rubr. 19 (Bd. I. S. 20); Ine Rubr. 22 (Bd. I, S. 22); Ine 19 (Bd. I. S. 96); Ine 22 (Bd. I. S. 98)* - вергельд ге-нита 1200 шиллингов, в то время как просто свободный имел вергельд 200 шиллингов- *Ine 70 (Bd. I. S. 116)*; см. также. *Beov. 260-261 342-343, 2180- Quadr. k Ine Rubr. 19 (Bd. I. S. 31); Ine Rubr. 22 (Bd. I. S. 23); Ine 19 (Bd. I. S. 97); Ine 22 (Bd. I. S. 99).*
- 275 Ср.: *Виноградов П.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887. С. 234; *Liebermann F.* Die Gesetze
- 174
- der Angelsachsen.* Halle, 1912. Bd. II. H. II. S. 428; ср.: С. 298.
- 276 *Ine 19: «Cyninges geneat, gif his wer bith twelf hund scill., he mot swerian for syxtig hida...» (Bd. I. S. 96); ср.: Ine Rubr. 19: «Regis geneat, i. e. colonus fiscalinus» (Bd. I, S. 20) и Quadr. k Ine Rubr. 19: «Do colono regis fiscalino» и «Be cyninges geneate» Bd. I. S. 21).*
- 277 *IVEg. 1,1; «Gif geneat-manna hwilc forgyrne leasath his hlafor-des gafol and hit to tarn riht andagan ne gelaest, wen is, gif se hlafor mild-heort bith, taet he ta gymeleaste to forgyfenesse laete and to his gafole buton witnunge fo» (Bd. I. S. 206); ср.: IVEg. 1,1: «Taet syndon tonne aerest, taet Codes cyrican syn aelces rihtes wyrthe, and man agife aelce teothunge to tarn ealdan myns-trc, te seo hynes to-hyrth, and taet sy tonne swa gelaest, aegther ge of tegenes in-lande ge of geneat-lande, swa hit seo sulh gegan-ge» (Bd. I. S. 196) и Quadr. (Bd. I. S. 197).*
- 278 *VIAs. Pro.: «Tis is seo geraednis, te ta biscopas and ta gerefan, te to Lunden-byrig hyrath, gecweden habbath and mid weddum gefaestnod on urum frith-gegyldum, aegther ge eorlisce ge ceorli-sce, to-Ccan tarn domum, te aet Greatanlea and aet Exanceastre gesette waoron, and aet Tunres-felda» (Bd. I. S. 173); см также: Abt. 15 (Bd. I. S. 3); Abt. 25 (Bd. I. S. 4); HI. 16 (Bd. I. S. 11)-Wi. 12 (Bd. I. S. 13); Af. Rubr. 25; 35; 39 (Bd. I. S. 18); Ine Rubr. 18 (Bd. I. S. 20)- Ine Rubr. 30; 37 (Bd. I. S. 22)- Ine Rubr. 40; 57 (Bd. I. S. 24); Af. 4,2: «ceorle-ge eorle» (Bd. I. S. 50); Af. 10 и 11 (Bd. I. S. 56); Af. 18,1 (Bd. I. S. 58); Af. 25 (Bd. I. S. 62); Af. 35 (Bd. I. S. 69); Af. 39. 40 (Bd. I. S. 72); Ine 18 (Bd. I. S. 96);*

Ine 30 (Bd. 1. S. 102); Ine 42 (Bd. 1. S. 106); Ine 57 (Bd. 1. S. 114); Ine 60 (Bd. 1. S. 116); Ine 37 и 38 (Bd. 1. S. 104)- Ine 40 (Bd. 1. S. 106); Ine 54 (Bd. 1. S. 114).

²⁷⁹ freo-см.: Abt. 4; 6; 9 (Bd. 1. S. 3); Abt. 24; 27 (Bd. 1. S. 4); Abt. 29; 31 (Bd. 1. S. 5); Abt. 73, 74 (Bd. 1. S. 7); HI. 3; 5 (Bd. 1. S. 9); Wi. 1 (Bd. 1. S. 12); Wi. 8 (Bd. 1. S. 13); Wi. 11 (Bd. 1. S. 13); Af. El. 15 (Bd. 1. S. 30); Af. 2 (Bd. 1. S. 48)- Ine 3,2: «frigea» и «freotes» (Bd. 1. S. 90); Ine 74,1 (Bd. 1. S. 120); lAtr. 1 (Bd. 1. S. 216) и lAtr. 1,2; особенно см.: Wi. 12, 13 (Bd. 1. S. 13); cp.: Wi. 14: «frigne ge teowne» (Bd. 1. S. 13)- Af. El. 12 (Bd. 1. S. 30); Af. 43 (Bd. 1. S. 78); Ine 3 (Bd. 1. S. 90); Ine 39: «theowne oththe frigne» (Bd. 1. S. 94); cp.: Ine 50 (Bd. 1. S. 112)- AGu. 5 (Bd. 1. S. 128); EGu. 7,1 (Bd. 1. S. 132); cp. EGu. 8 (Bd. 1. S. 132); IIatr. 5; cp.: IIatr. 5,1 (Bd. 1. S. 222); IIGn. 20,1 «frigne» и «toowne» (Bd. 1. S. 324); IIGn. 68,lg (Bd. 1. S. 354).

²⁸⁰ hlaforð - напр.: Ine 39 (Bd. 1. S. 106); IIatr. 1 (Bd. 1. S. 220)-Af. 37 (Bd. 1. S. 70) и Beov. 267, 2375, 2634, 2935, 3180.

²⁸¹ frican - напр.: Boov. 291, 351, 359, 1166, 2853, 3002.

²⁸² ealdorman - Af. Rubr. 38 (Bd. 1. S. 18)- Af. 3 (Bd. 1. S. 50)- Af. 15 (Bd. 1. S. 58); Af. 37; 38 (Bd. 1. S. 70); Af. 38,1, 38,2 (Bd. 1. S. 72); Ine Pro. (Bd. 1. S. 88); Ine 45 (Bd. 1. S. 108); Ine 50 (Bd. 1. S. 110)

²⁸³ Lex Fris. XI, § 2: «Si litus semetipsum propria pecunia a domino suo remederit...».

²⁸⁴ См.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства. С. 218.

²⁸⁵ Lex Fris.. I, § 4, 7; cp.: Lex Saxonum//MGH. Legum Sectio I. In folio. Hannoverae, 1875. Т. 5. (Далее: Lex Sax.). XVIII.

²⁸⁶ Ine 23, 3 (Bd. 1. S. 100); Cp.: Ine 32 (Bd. 1. S. 102)

175

²⁸⁷ Nordleod 7; 7,1: «And gif Wilisman geteo, taet he haebbe hiwisc landes and maege cyninges gafol forthbringan, tonne bith his wergild CXX scill.»; и далее: «And gif he ne geteo buton to healfre hide, tonne se his wer LXXX scill» (Bd. 1. S. 460).

²⁸⁸ См., напр.: *Виноградов П. Г.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911. С. 261 и след.; *Гуревич А. Я.* Английское крестьянство в X - начале XI в. С. 75-76.

²⁸⁹ Ine 23,3: «theowne LX» (Bd. 1. S. 100); cp.: Ine 32: «gif he naenig haebbe, LX scillinga» (Bd. 1. S. 102).

²¹⁹⁰ См., напр.: Ine Pro. (Bd. 1. S. 88); Ine 1 (Bd. 1. S. 88)- As. Aim. Pro. Ld. (Bd. 1. S. 149); VAs. 3 (Bd. 1. S. 168); VAtr. 4i и 6 (Bd. 1. S. 238); VAtr. 10,2 (Bd. 1. S. 240); VIAtr. 2,3 (3d. 1. S. 246)- VIAtr. 5 (Bd. 1. S. 248); VIAtr. App. 41 (Bd. 1. S. 256); VIAtr. App. 45, 51 (Bd. 1. S. 258); VIIIAtr. 6 (Bd. 1. S. 263); ICn. 6a (Bd. 1. S. 288); Had. 1; 1,1; 11 (Ld. 1. S. 464, 466, 468); Grith. 24 (Bd. 1. S. 472); cp.: Abt. 11 (Bd. 1. S. 3); Abt. 89, 90 (Bd. 1. S. 8)- Wi. 15 (Bd. 1. S. 13); Wi. 27 (Bd. 1. S. 14); Ine Rubr. 29 (Bd. 1. S. 22); Af. El. 12 (Bd. 1. S. 30); Af. El. 20 (Bd. 1. S. 32); Af. El. 21 (Bd. 1. S. 34); Ine 47 (Bd. 1. S. 110); IIAs. 3,1 (Bd. 1. S. 152); IIAs. 19 (Bd. 1. S. 160); lAtr. 2 (Bd. 1. S. 218); EGu. 7,2 (Bd. 1. S. 132).

²⁹¹ Ine Rubr. 1: «Be Codes teowa regole» (Bd. 1. S. 20).

²⁹² Ine 7,1: «Gif he tonne stalie on gewitnesse ealles his htrede, gongen hie ealle on teowot» (Bd. 1. S. 92).

²⁹³ Af. El. Pro.: «Drihten waes sprecende tas word to Moyses and tus cwaeth: Ic eom Drihten tin God, Ic te fit-gelaedde of Aegypta londe and of hiora teowdome» (Bd. 1. S. 26).

²⁹⁴ Abt. 16 (Bd. 1. S. 4); cp.: Ine 23,3 (Bd. 1. S. 100)

²⁹⁵ esne - Abt. 85 (Bd. 1. S. 8); Abt. 86, 87 (Bd. 1. S. 8); HI. 1,3 (Bd. 1. S. 9); Wi. 22, 23, 24 (Bd. 1. S. 14) • Wi. 10 (Bd. 1. S. 13); Ine 29 (Bd. 1. S. 102).

²⁹⁶ Cp.: Abt. 88 (Bd. 1. S. 8) с Abt. 16 (Bd. 1. S. 4).

²⁹⁷ *Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. III S. 16.

²⁹⁸ Wi. 9 (Bd. 1. S. 13); cp.: Wi. 13, 15 (Bd. 1. S. 13); IEw. 6 (Bd. 1. S. 144).

²⁹⁹ «Af. 43 (Bd. 1. S. 78); cp.: Wi. 23: «teuwne esne» (Bd. 1. S. 14).

³⁰⁰ Ine Rubr. 24: «wittheowes» (Bd. 1. S. 22); cp.- Ine Rubr. 48 (Bd. 1. S. 24).

³⁰¹ Ine 24: «Gif wfe-teow Engliscmon hine forstalie, ho hine mon and ne gylde his hlaforde» (Bd. 1. S. 100); cp.: Ine 24,1 (Bd. 1. S. 100); As. Aim. 1 (Bd. 1. S. 148); Ine 48 (Bd. 1. S. 111).

³⁰² Ine Rubr. 74: «Be ton te teow-wealh frione mon ofslea» (Bd. 1. S. 26).

³⁰³ Ine 74: «Gif teow-wealh Engliscne monnan ofslith, tonne sceal, se te hine ah weorpan hine to honda hlaforde and maegum oththe LX scill. gesellan with his feore» (Bd. 1. S. 120); cp.: Af. 25,1 (Bd. 1. S. 64); Ine 23,3 (Bd. 1. S. 100); Hn. 70,2 (Bd. 1. S. 587).

³⁰⁴ Ine 46,1: «Gif tonne Englisc onstal ga forth, onsace tonne be twy-fealdum. Gif hit tonne bith Wilisc onstal, ne bith se ath na te tara» (Bd. 1. S. 110).

³⁰⁵ Ine 54,2: «Wtte teowne monnan Wyliscne mon sceal bedrifan be twelf hidum, swU teowne to swingum. Engliscne be feower and trittig hlda» (Bd. 1. S. 114).

³⁰⁶ *Boas F.* Anthropology modernen life. New York. 1928. P 217-219

³⁰⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 99.

³⁰⁸ IIAs. 8 (Bd. 1. S. 154); cp.: VIAs. 6, 3 (Bd. 1. S. 176-177).

³⁰⁹ См., напр.: IIatr. 6,2: «And taet nathor, ne hy ne we, ne underfon othres Wealh, ne othres teof, ne othres gefan» и Quadr.: «Et ut ncc ipsi neque nos alterius servum vel inimicum receptemus» (Bd. 1. S. 224).

³¹⁰ Ine 24,2- «Wealh, gif he hafath fif hyda, he bith syx-hynde» (Bd. 1. S. 100); cp.: Ine 32 (Bd. 1. S. 102); Ine 23,3 (Bd. 1. S. 100).

³¹¹ Northleod 6- «Ceorles wergild is CC and LXVI trym., taet bth II hund scill. be Myrcna lage» (Bd. 1. S. 460); cp.: Mirce 1: «Ceorles wer-gild is on Myrcna lage CC scill» (Bd. 1. S. 462); см. также: Hn. 76,6 (Bd. 1. S. 593); Hn. 64,2b (Bd. 1. S. 584).

³¹² Northleod 8- «And gif he aenig land naebbe and teah freoh sy, forgilde hine man mid LXX scill.» (Bd. 1. S. 461); cp.:

Northleod 7; 7,1 (Bd. 1. S. 461).

³¹³ Northleod 9: «And gif ceorlisce man get eo, taet he haebbe V hida landes to cynges ut-ware, and hine man ofslea, forgilde man hine mid ti^am tusend trymsa» (Bd. 1. S. 460).

³¹⁴ Ine 71,2: «Ne tearf se frige mid tarn teowan maeg-gieldan, buton he hiia wille faehthe of-aceapian, ne se teowa mid ty frigean» (Bd. 1. S. 122); ср.: Ine 74 и 74,1 (Bd. 1. S. 120); IIAs. 8 (Bd. 1. S. 151); Hn. 70,2 (Bd. 1. S. 587); ECf. 15,7 (Bd. 1. S. 641).

³¹⁵ ECf. retr.: «prouinciis Anglice uocabatur led»; ср.: ECf. retr. 32: «de scira, de wapentagiis, quod est et led» (Bd. 1. S. 654); ПАtr. 1. (Bd. 1. S. 220); Birch. 1926.

³¹⁶ Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос». С. 31.

³¹⁷ Там же. С. 32.

³¹⁸ Там же.

7 Е. А. Шервуд

Глава IV

От племенного сознания

к самосознанию англосаксонского народа

Возникновение территориальной общности у германских племен относится, как было рассмотрено выше, ко времени перехода германцев к прочной оседлости¹. Но окончательно территориальные связи укрепились только тогда, когда кровнородственные перестали быть главными регуляторами общественных отношений.

Возникновение народа нельзя рассматривать как результат усложнения родо-племенных связей, в качестве их продолжения и обобщения². Родовая организация переходила в территориальную, которая, в свою очередь, воздействуя на родовую и частично используя ее при своем развитии, в окончательном итоге преодолевала последнюю³.

Определение германцами на уровне обыденного сознания своей принадлежности к тому или иному племени выражалось в выборе ими такого ее внешнего признака, как наименование. Но с разрушением родо-племенных отношений изменялся и этноним. Иерархическая структура этнических образований у германских племен в переходную эпоху вызывала к жизни и различные этнонимы, существующие иногда одновременно. Это обстоятельство указывает, что этническое самосознание германцев проявлялось еще неоднозначно и, как и все проявления общественных отношений, находилось лишь в стадии развития. При этом необходимо учитывать, что в зависимости от уровня межэтнических контактов на передний план в каждом конкретном случае выступала та или иная форма этнического самосознания; иначе говоря, она носила избирательный характер. Избирательность, проводимая под воздействием «внешних» и «внутренних» стимулов, создавала возможность для появления и распространения определенных этнических установок. Представление об общности происхождения, которое у германских племен являлось первоначальной цементирующей силой, при распространении целой иерархии этни-

178
ческих установок было далеко не достаточно для длительного сохранения их единства. Реальной силой для последнего была их территориальная компактность, основы которой претерпевали, в свою очередь, изменения. Симбиоз германской этнической общности с социально-политическим организмом, преобразующимся в государство, начинал все теснее связывать этническое сознание у них с сознанием возникающей государственной принадлежности. Включение в социально-политический организм различных этнических общностей допускало в зависимости от конкретной ситуации взаимозаменяемость этнического самосознания и сознания государственной принадлежности.

Первоначально англосаксы не осознавали себя единым народом. Существовал ряд королевств, названия которых проистекали от наименований населения этих королевств (например, «Cantwara» и «Caent»⁴). Соответственно и законы издавались не для всего англосаксонского общества, а для населения отдельных королевств⁵. Такая разобщенность объяснялась не только тем, что англосаксы были составлены из нескольких племен, но и тем, что данные племена строили свои внутренние взаимоотношения на кровнородственных связях. Так, например, в прологе кентского короля Уитреда (695—696 гг.), спустя всего лишь десять лет после издания законов королей Хлотаря и Эдрика (685—686 гг.), в которых часть англосаксонского общества, находившаяся под их началом, названа «кентцы», речь идет о «*maeg*»⁶. Нельзя согласиться с издателем англосаксонского законодательства Ф. Либерманом, что слова «*thaege maegthe*» нужно переводить как «эта нация» (*diese Nation*)⁷, поскольку в данном случае речь идет именно о Кенте, но не о всей территории Англии. Это связанные кровными узлами свободные кентцы без включения кельтов. Даже спустя почти триста лет в договоре Эдуарда с Гутрумом (921; 938 гг.?) епископ определенной епархии именуется «*maeg*» (*bisceop tare ieode, for maeg and for raund-boran*)⁸. Наименование «*maeg*» косвенно отражает характер общественных связей, господствовавших в англосаксонском обществе. Вышесказанное подтверждается также использованием в этом пункте договора термина, применяемого обычно при описании в более ранние времена кровной мести, — «*wgese*» (наказывать, штрафовать)⁹. Характерно, что на оформление англосаксов как единого целого оказало влияние более четкое осмысление границы, оп-

179

7*

ределяемой противопоставлением «Мы» — «Они», в тех местах, где германским племенам в Британии пришлось не просто включить в свой состав покоренное население, но и ощущать сопротивление последнего: «Мы» (англосаксы) в противоположность общности «Они» (кельтские племена).

В законах уоссекского короля Инэ (688—695 гг.), относящихся к тому же времени, что и законы

кентских королей Хлотаря, Эдрика и Уитреда, англосакс именуется уже не как «западный сакс», но «Engliscmon». Во втором списке законов (H) «Engliscmon» звучит как «Aeng-liscman»¹⁰.

Примечательно, что и сам закон идет сразу после аналогичного же постановления об уилях, как бы противопоставляя две разные иноплеменные группы по принципу «Мы» — «Они»". Это первое и наиболее раннее упоминание «англичанина» у англосаксов¹². Подобное звучит и в законах 46,1¹³, 54,2", 74¹⁵ короля Инэ. В Кенте же, если вспомнить его расположение и учесть, что он был окружен родственными ингевонскими племенами, не выявилось резкой необходимости противопоставления «Мы» — «Они». Автохтонное население было покорено и не напоминало о себе, что наблюдалось в Уэссексе, как о свободном инородном племени, часть родичей которого была покорена; именно потому, что в Уэссексе постоянно сохранялась сопряженность со свободными уэльсками, там долго существовала память об этническом названии этой группы населения, которое заставляло в то же время тверже осознавать западным саксам свою принадлежность с прочими германскими племенами.

Именно поэтому саксы называли себя «англами», поскольку идентифицировать себя с южными и восточными саксами не представлялось необходимым. Напротив, идентификация с англами, занявшими большую часть покоренной Британии, еще теснее сближала все германские племена в противовес негерманскому кельтскому миру. В Кенте при отсутствии такого противопоставления этноним завоеванного немногочисленного населения очень быстро потерял свое значение и все отношения с этим населением строились не на этнической, а на экономической основе. Однако экономика также несла на себе этнический оттенок, поскольку экономические отношения (как и этнические) были пронизаны в родо-племенном обществе гентильными, как было указано выше, представлениями. В этой взаимосвязи скрыта отгадка непонятого для многих исследователей факта, что наименование «лэт» встречается лишь в законах кентских королей, да и то в очень ранние века.

Подобная сопряженность и выделение обидою этнонима для всех англосаксов (Englum) возникли и в период столкновения с датчанами в X в., когда их набеги приняли систематический характер¹⁶.

В законах четко проводится разграничение старого населения и вновь прибывших незваных поселенцев, прочно обосновавшихся на англосаксонской земле. И хотя датчане как бы включаются в общую для всего населения правовую систему¹⁷, они все же этнически отделяются от него даже путем признания особых для них экономических условий жизни, а также действия особого «Датского права»: «Если господин принуждает своего зависимого работать в день отдыха, пусть он уплатит в пределах действия датского нрава (inne on Deonelage) „ломки" и заклад у англоv»¹⁸.

Так называемая область «Денло» усиливала указанную выше сопряженность. Впоследствии наименование «Engliscmon» становится закономерным. Так, например, в законах короля Этельстана (I закон — 925—940 гг.) звучит: «Я, Этельстан, король, объявляю всем моим гере-фам в моем королевстве, по совету Вульфхельма, моего архиепископа, и всех моих других епископов и слуг Господа, во имя прощения моих грехов, что я хочу, чтобы вы всеми способами питали бедного англичанина (Engliscmon), если вы одного имеете, или чтобы вы отыскиали другого для (этого)»¹⁹.

Позже в постановлениях короля Эдгара (IV закон - 962-963 гг.) следует: «И я хочу, чтобы у данов (mid Dornum) светские права покоились на таких хороших законах, какие они всегда могут избрать для себя. Но у англоv (mid Anglum) пусть будет так, как я и мои уитаны добавили па пользу всему народу к постановлениям моих предков»²⁰. При Эдгаре даже четко определены границы сопряженности линии «Мы» (англосаксы) и «Они» (датчане и как более ранняя сопряженность — бритты): «Пусть будет то всему народу обще, как англам, так и данам и бриттам (go Anglum ge Denum ge Bryttum) в любом конце моего господства с тем, чтобы бедный и богатый имели бы право тем владеть, что они законно приобрели, и вор не знал бы, где он поместит украденное, когда он что-либо украдет; и пусть это так против их (воров.— E. III.) воли сохраняется, чтобы их не слишком много ускользнуло»²¹.

180

181

Англосаксы выступают в качестве «Anglum» именно в точке соприкосновения — «ende» — с «Они», но не на нейтральной территории, где этнический контакт ослаблен и не является прямым; тем более если вспомнить, что англосаксам тогда особенно досаждали с северо-востока датчане, а с юго-запада — бритты. В этом же IV законе короля Эдгара приведено не название иноплеменного населения внутри англосаксонского общества, по наименование того же иноплеменного населения извне его²². «Aonglisc man» (при подобной сопряженности) встречается также в законах короля Этельреда (II закон — 991 г. и IV закон — 991—1002 гг.): «Если англичанин (Aenglisc man) убьет дана, свободный свободного, пусть он оплатит его 30 фунтами или пусть доставят убийцу; и пусть дан поступает равно с англичанином (Engliscan), если он убьет его»²³; и еще: «Если англичанин (Englisc man) убьет раба дана, пусть оплатит его одним фунтом, и дан английского раба так же, если его убьет»²⁴.

В договоре между Уэльсом и англосаксами о пограничном районе (926—1000 гг.) сопряженность четко

выступает между кельтским и англосаксонским обществами. И в данном случае «Englisc» противопоставляется «Wylisce» не как «уило» уэссекских законов короля Инэ, а как свободному иноплеменнику: «...Двенадцать сопри-сяжников должны отстаивать право уилей (Wealan) и англов (Aenglan), шесть английских и шесть валлийских; они должны всего лишиться, что имеют, если неверно указывают, или присягнуть, что лучше реши т г, не могли»²⁷.

К XI в. наименование себя англосаксами «Englisc» настолько упрочилось, что для завоевателя Кнута весь англосаксонский парод не делился на ряд этнических общностей; существовало лишь два противопоставления — «Englisc» и «Denisc»²⁶. Подобное противопоставление «Engliscmon» и «Fraenciscne man» звучит в законах Вильгельма I Завоевателя (1067—1077 гг.): «Если англичанин (Engliscman) обращается из-за воровства, или убийства, или какого-либо дела, по которому надлежит борьба или божий приговор между двумя мужами, к французу (Fraenciscne man), так пусть имеет он полное разрешение это сделать. И если англичанину (Engliscan) в борьбе отказывают, пусть француз (Frencisca), которого обвиняет англичанин (Engliscan), очистится при помощи клятвы против него посредством выступления свидетеля по нормандскому праву»²⁷. Указанное противопоставление следует и в законах Генриха I (1114—

182

1118 гг.): «Francorum et Anglorum plenum est festimonium»²⁸. В частных работах юридического характера под «Englum» также подразумеваются все англосаксы (напр., 1028-1070 гг.)²⁹.

Итак, развитие самоназвания как выразителя этнического самосознания протекало у англосаксов путем постепенного включения автохтонного населения в их среду. Уже начиная с правления короля Кнута британцы включаются в среду англосаксов³⁰.

С развитием этнонима тесно связано и развитие титулования королей. Общим титулом, не носящим этнического оттенка, был титул «супесупп», этимология которого восходит к слову «супинг». В нем выражено раздвоение этнического и гентильного оттенков. Но и гентильный оттенок носил, как уже выше указывалось, этническую окраску, которая становится более определенной и ясной, если за титулом следует наименование подвластного королю населения: «гех Anglorum et Saxonn». Двойное наименование первоначально встречается лишь в континентальных текстах на латинском языке³¹. Это происходило еще из-за племенной разобщенности тех же ингево-нов, поселившихся на территории Британии. Твердые родо-племенные устои произвольно требовали четкого разделения племен. В VII в. кентские короли именуя

себя не королями англов и саксов, а королями «кентцев». Равно именуется королей Кента в VIII в. и англосаксонский летописец Беда Достопочтенный³³. В королевстве западных саксов король Инэ, введший впервые общее наименование для всех англосаксов, называет себя тем не менее «королем западных саксов». «Я, Инэ,— звучит в прологе к его постановлениям,— божьей милостью король западных саксов...»³⁴ Это указывает на то, что королевский титул еще определялся гентильными устоями общества и отставал в своем развитии от этнических представлений, обострившихся лишь в период резкой сопряженности с иноплеменниками. Даже в IX в. король Альфред (890—940 гг.) предпочитает называть себя не королем «англосаксов», по королем «западных саксов»³⁵.

Внутри общества англосаксов вплоть до X в. продолжали существовать внутриэтнические перегородки, о которых забывали при обострении внешних противоречий; причем основой данных перегородок служили родо-племенные отношения. Альфред, хотя и являлся лишь пра-праправнуком брата короля Инэ, именовал Инэ не просто

183

своим предшественником, но «min maeg»³⁶, строя, таким образом, свои внутренние отношения с собственным народом на родо-племенной основе. С данным обстоятельством был связан тот факт, что даже после введения и утверждения наименования «Englisc» к этому слову в титуле короля добавлялось второе — «супнес». Так, Альфред в договоре с Гутрумом (880—890 гг.) именуется представителем не просто «англов», но «родов англов», от которых выдвигаются приближенные короля³⁸. Это понятие, как и термин «Englisc», было собирательным к IX в., о чем также свидетельствуют следующие слова короля Альфреда: «...или (из времен правления) Оффы, мерсийского короля, или Этельберта, который первый в роду англов (on Angelcynne) крещение принял...»³⁹ Следует прямое заявление, что, хотя Оффа и Этельберт относились к определенным племенам, оба они являлись

представителями всех англосаксов в целом

притом

термин «суп» несет как гентильный, так и ярко выраженный этнический оттенки. Иногда, впрочем, «суп» отделялось, и тогда уже «Engla» приобретало внешне вполне четко обрисованную этническую форму. Но это произошло лишь в начале XI в. (Этельред — 1007—1014 гг.) и было связано с разрушением кровнородственных отношений и с постепенным развитием этнического самосознания англосаксов при изменении социальных, экономических и политических отношений во всем

англосаксонском обществе ".

Однако это явление наблюдается еще спорадически; наряду с «Engla» более твердо употребляется «Angelscynne»: «И катембры и посты, как св. Григорий сам предписал роду англвов (Angel-scynne)», — звучит в законах того же Этельреда⁴². И хотя Кнут выступает как «король всей Англии», он тем не менее является также и представителем «всего рода англвов как знатного, так и простого происхождения»⁴³. «Engla» еще в X в. является синонимом «Engla cyp», не отделившись, таким образом, от понятия «cyp»⁴⁴. Частое использование как вместе с «cyp», так и без него .в текстах термина «taeg» еще раз указывает на гентильный оттенок этнических представлений у англосаксов вплоть до XI в. Подобно, как и в законах Кнута, осознаются отношения в Англии спустя 100 лет: «Король Вильгельм дружески приветствует всех, которым придет это предписание, по всей Англии и приказывает, и призывает также всех людей в роду англвов (Angel-cyn) следующее хранить, а именно ...» "

Следовательно, можно констатировать, что и представительство королем определенной этнической общности строилось вплоть до XI в. на гентильном сознании. Англосаксы еще не сплотились в единую этническую общность и осознавали свое родство, исходя в основном из нравов и обычаев родо-племенной эпохи. В каждой местности, в каждом королевстве жили по законам, присущим населению этих местностей и королевств⁴⁵. Соответственно доставшиеся разным германским племенам отдельные области жили и управлялись по своему праву; общее «Engla lage» " включало: законы Мерсии (а именно мерсийских англвов) — «Mугcna lage»⁴⁶ или «Merchenlahe»⁴⁷; Кента, т. е. ютов⁴⁸. В «Engla lage» входило также право южных англвов⁴⁹. Налицо было действие права северных англвов (область датского права)⁵⁰. К «Engla lage» причислялось право западных саксов⁵¹. Помимо того, население каждого местечка в областях действия указанных законов жило по своим обычаям (tearfe) "

Об общем для всех англосаксов обычае вспоминали лишь тогда, когда сталкивались с обычаями других этнических общностей, не признавать которые не могли. Например, в период набегов датчан и поселения их на территории Британии в противоположность англосаксонскому обычаю существовал закон «датчан» (Dena lage). При перечислении областей англосаксов Кнут выделяет отдельную область, живущую по «Dena lage», что в свою очередь указывает на существование в других областях также своих отдельных обычаев ". Датское и английское права прямо противопоставляются⁵², подобно противопоставлению двух этнических общностей — «Denisc» и «Englisc». Вильгельм также приводит наличие области действия датского права (Denelake)⁵³ в противоположность прочим областям права. Нередко право датчан (Denalage) называлось «Northengla» (право северных англвов), выставляемое в противоположность к «Suthengla» и «Cantwara lage»⁵⁴. Это обстоятельство указывает на то, что уже к XI в. датчане были сильно подвержены ассимиляции со стороны англосаксов. Об этом косвенно свидетельствует постановление короля Эдгара, предоставляющее датчанам выбирать себе право проживать на территории Англии по любому закону — англосаксонскому или датскому⁵⁵. Англосаксы как этническая общность находились к этому времени на пути консолидации в одно целое. Отдельные группы иноплеменников подвергались в среде англосаксов с их стороны активной ассимиляции.

184

185

Подобное же, что и с датчанами, произошло с французами, поселившимися на территории Британии еще до вторжения туда со своими дружинами нормандского герцога Вильгельма⁶⁰, хотя те французские переселенцы, которые пришли в Британию вместе с Вильгельмом, жили в противоположность англосаксам по нормандскому праву (Normandiscere lage)⁶¹. Замкнутость отдельных областей англосаксонской Британии, население которых жило по различным законам, отразилась и на экономической системе англосаксов. Так же как и к области права, она была очень разбросана и не едина. В частности, например, в англосаксонском законодательстве зафиксирована различная денежная система на территории Британии: отдельно для Уэссекса, Мерсии, Восточной Англии⁶², а также в области действия датского права⁶³.

Помимо вышеприведенных прав, существовало право уэльсцев, т. е. коренных обитателей Британии, действовавшее только там, где находилась обостренная точка сопряженности различных этнических групп. Об этом наглядно свидетельствует юридический памятник X в. «Dunsacte». Так называлась разделенная рекой пограничная область между валлийцами и западными саксами, находившаяся под верховенством англосаксонского короля. На самих территориях, как по ту, так и по эту сторону реки, проживали и англосаксы, и уэльсцы. В обоих районах действовали два права — «Wealan» и «Aonglan»⁶⁴. При этом и «Englisc», и «Wylisc» приравнивались по положению друг к другу: за убийство и того и другого уплачивалась равная цепа⁶⁵. Независимо от этнической принадлежности лицо по ту сторону реки рассматривалось для жителей по эту сторону реки как «utlendisc man», в то время как свои соседи были «inlandiscan»⁶⁶. Именно отсюда и появляется в «Dunsacte» такой смешанный термин для наименования обитателей одной территории, как «landman»⁶⁷. Любое лицо независимо от этнической принадлежности рассматривалось как чужое жителями, пребывающими на

другой стороне реки, где указанное лицо не проживало⁶⁸; ему запрещался въезд па чужую территорию без согласия се обитателей⁶⁹. И так, одна и та же общность образовывалась на территории различных государственных по характеру образований. Данное несовпадение этнических и политических рубежей при образовании этнической общности раннего средневековья уже отмечалось в советской исторической литературе⁷⁰. Но следует констатировать, что такие ситуации создава-

186

лись при определенном равновесии этнических групп, и именно в этом случае происходило противопоставление в целом отдельных обычаев одной этнической группы обычаям другой. У англосаксов все суммированные обычаи либо обычаи того племени, которое находилось в уравновешенном контакте с иноэтничной общностью, охватывались понятием «Engla lage»⁷¹. Признание в среде англосаксов чужого права в качестве действующего вело к признанию иноэтничного населения и более тесного сплочения своей этнической общности. Уже в X в. короли Эдвис и Эдгар называют себя «rex Merciorum atque Brettonnm»⁷². Это первое упоминание признания подданства, а следовательно, и включения автохтонного населения в общественную структуру англосаксонского общества. Впоследствии появляется па такой титул, как «rex Anglormn (Angulsaexna), rctorque Nordanliumbre et paganormn, iimperaloi¹ Brittonum, qui propugnator»⁷³. На первом этапе признается существование иноэтничной группы и происходит включение ее в общество англосаксов, на втором — наличествует стремление объединить все группы в одну общность, что выразилось в титуловании регулярно с XI в. короля как «Engla cyning». Появляется осознание единства лицами, говорящими на одном языке, а именно «on Englisce»: «И мы напоминаем, что, если даже кто-либо виноват в чем-то и сам себя (из-за проступка) обделил (в праве), па него налагают штраф, так как перед богом отвечает и должен в миру терпеть. И пусть обдумает это хорошо (тот), кто имеет власть осуждать, что он для себя сам желает, если он так говорит: „Et dimitte nobis delicta noslra, sicut et nos dimittimus“. Это есть по-английски (on Englisc): „И отпускает нам Господь наши грехи, как мы отпускаем тем, которые провинились по отношению к нам“»⁷⁴. Однако характерно, что англосаксов как единое целое скорее осознавали иноэтничные элементы, нежели они сами. Именно в устах чужестранцев «Rex anglogum» звучит как высшее понятие. Завоеватель Кнут величает себя наряду с «королем всего рода англов»⁷⁵ «королем всей Англии» или «королем страны англов»⁷⁶. Таким образом, постепенно оформляется территориальное этническое самосознание англосаксонских племен, ускоренное в периоды столкновения с иноэтничными группами. Термин «landman» появляется, хотя и спорадически, не только в области «Dunsaete», но и на территории англосаксонских

187

королевств: «И если об уроженце (on landes-mann) говорят, что он украл скот или кого-то убил, и это говорит моряк и уроженец (an landes-man), так пусть ему не дают право очищения»⁷⁷. «Англичанин» Эльфрик использует термин «landman» в противоположность наименованию чужестранцев⁷⁸. Соответственно появлению в речи англосаксов термина «landman» складывается и осознание единства не только лиц, проживающих на отдельных территориях, но и самих этих территорий. Термин «Angelscynn», выражающий первоначально единство, основанное на представлениях родо-племенной эпохи, постепенно заменяется наименованием «Englaland»⁷⁹, которым названа разбитая па ряд крупных областей⁸⁰ вся территория, занимаемая англосаксами (ofer eal England)⁸¹. Однако вплоть до XII в. «Angelscynn» оставалось, по существу, синонимом «Englaland»⁸². Но и в этом случае представление об общности территорий, па которых проживают англосаксы, сохраняется⁸³. В XI в. уже появляется этноним «Anglia», употребляемый без постоянно сопутствующего ему «land»⁸⁴. Если отвлечься от англосаксонских законодательных памятников и обратиться к нарративной литературе, то можно увидеть, что понятие «land» имело широкий смысл. Данный термин в значении «земля» нес однако еще и этнический оттенок; в этом смысле он всегда употреблялся с указанием па народ, проживающий па данной земле. Так же он попят и в англосаксонском законодательстве. «О поездках купцов по стратте (on londe)»,— звучит в рубрике к постановлению 25 законов короля Инэ⁸⁵. «О возделанной земле (gesetlos landes)» идет речь в постановлении (54 того же короля⁸⁶, а в законах короля Этельберта читаем: «...как па суше (on lande), так и на воде, как в портах, так и вне их»⁸⁷. Подобное широкое значение понятия «land» встречается и в других постановлениях англосаксонских королей⁸⁸. Если же оно употреблялось в этническом смысле, то в этом случае понятие «land» определялось тем населением, которое в «land» и проживало⁸⁹. В VII в. жители одного «land» выступают как «сошра-триотae»⁹⁰, обитавшие вне «land» как чужие⁹¹. В X в. «land» является уже административной единицей государственно оформленной территории: «И пусть любой беглый в каждой области (land) будет беглый, если в одной из них так установлено»⁹². Однако и в последнем случае не забывали, что «land» населяли связап-

188

ные родством лица, что придавало ему гентильный отте* нок⁹³. Сочетание широкого смысла с

государственным оттенком в слове «land»⁹⁴ приводило к совпадению развития понятия «land» с развитием термина «Englisc» (Engla, Anglia) в древнеанглийском языке. Оба термина в своем развитии ненадолго опередили по своему значению отходящие в прошлое «Angelcynn» и «Британия»⁹⁵. Вплоть до времени правления Вильгельма Завоевателя наряду с этнонимом «Englaland», появившимся лишь со времени Этельреда, употреблялся этноним «Angelcynn». Лишь с X в. наименование «Englaland» начинает использоваться повсеместно.

Но не следует забывать, что в Британию переселились не только англ, но и многочисленные саксы, не говоря уже о ютах и фризах. Каким же образом превалировало наименование «Englaland» над прочими? Известно, что территория, запятая германскими племенами, нередко называлась «Saxonia» или «Saxonia transmarina». «Saxo» назван Алкуип, родом из Нортумбрии; Эйнгард отмечает, что он был «Saxonici generis»⁹⁶. Аналогично нортум-брийцев в 956 г. называют «Aquilonales Saxones»⁹⁷. Так же именуют и мерсийцев. «Nostra lingua Saxonica» называют кентцы свой язык⁹⁸. «Saxonicum genus» выступает синонимом «Anglorum gentem»⁹⁹. Англ Беда Достопочтенный использует понятия «англ» и «саксы» весьма недифференцированно¹⁰⁰. Лишь когда он ведет речь о себе, он постоянно называет себя «англ»¹⁰¹. «Parte Sa-xoniae» в 1115—1150 гг. представлена большая часть Британии¹⁰². К 1200 г. понятие «Saxones» включало еще: 1) континентальных саксов¹⁰³; 2) собственно все англосаксонские племена¹⁰⁴; 3) англичан — англосаксов по происхождению после 1066 г.¹⁰⁵; 4) южных англичан¹⁰⁶. Именно под «южными англичанами» нужно понимать здесь саксонское население Юго-Западной Англии в противоположность населению Денло¹⁰⁷. Исследователями уже отмечалось резкое обострение чувства патриотизма и национального (этнического) сознания у народов рассматриваемой эпохи в период вторжения чужестранцев¹⁰⁸. Идея общего происхождения, обостренная в годы набегов датчан, растянувшихся на столетия¹⁰⁹, развилась в идею общности всех германских племен, объединенных в одно королевство¹¹⁰.

Немалую роль, помимо обострения чувства общности в период резкой сопряженности с иноэтничным населением, в деле сплочения германских племен и выработки

189

общего самосознания сыграло и размывание этносоциальных граней в ходе социально-экономического развития общества. Важнейшим его этническим последствием являлись смешанные браки как между самими германцами из различных племен, так и между германоязычным и автохтонным населением¹¹¹. Данные браки были разрешены уже спустя 200 лет после переселения англосаксов в Британию, во времена правления короля Инэ (688—695 гг.)¹¹². Да и сам Инэ взял себе в жены представительницу автохтонного населения¹¹³. Смешанные браки вели к ассимиляции иноэтничного населения и к признанию его роли в деле образования новой этнической общности. Соответственно происходило и признание роли этого населения в деле построения государства¹¹⁴.

При обострении внешнеполитических условий для обсуждения общих интересов на «folcesmot» призывались представители всего населения англосаксонского королевства (uniuersi regni totius Britannie)¹¹⁵. Бритты к VIII в. были одной из признанных в этническом понимании частей англосаксонских королевств. Приведенные наименования свидетельствуют, что понятие «Englaland» было еще недостаточно устойчивым даже к X в. Король Альфред практически совмещает два понятия — «Angel-cynn» как общее и «Eastaenglum»¹¹⁶. Данное обстоятельство приоткрывает завесу над последующим превалированием «Englaland» над наименованием «Saxonia». Ко времени правления короля Экберта все англосаксонские королевства были объединены (829 г.). Две самые многочисленные этнические группы — саксы и англ — влияли на выбор этнонима. Но постепенно этноним «Saxonia» вытеснялся этнонимом «Englaland». Опустошительные набеги датчан, усилившиеся с X в., образование особой области датского права обострили чувство общности англоv, первыми соприкоснувшихся с ними¹¹⁷. Король Альфред, сам будучи одним из представителей загатдносаксонской королевской династии, перед лицом общей опасности автоматически опирался на более активную в этническом отношении часть населения — англоv. Именно при короле Альфреде с усилением датских набегов начинается активное объединение всех германских племен перед лицом общей опасности¹¹⁸. Точка сопряженности с иноэтничным населением, находившаяся ранее на рубежах Уэссек-са и Уэльса, была перенесена в иное место. В данном случае весьма показательно, что по отношению к уэльсам англосаксы, какое бы племя они ни представляли,

190

называли себя «саксы» (saxons). В этом отношении очень выразительна речь миссионера Августина, обращенная к уэльским епископам¹¹⁹. Последующие короли (как и Альфред), из какой бы династии они ни происходили, поступали точно так же. Характерно, что с появлением этнонима «Englaland» в законах ни в X в., ни после него не встречается наименование «Saxonia» (а также производные от него), которое сохранилось лишь в частной и нарративной литературе¹²⁰. А англосаксонские законы являлись официальным документом королевства. Одновременное развитие в одном направлении

понятий «Englisc» и «land» привело к утверждению сложного «Englaland», существующего в форме «England» и поныне.

Сплочению англосаксов в единое целое препятствовали, как уже указывалось выше, гентильные представления. Весь народ был связан системой родства, и каждый отдельный член общества выступал по отношению к другому как «maeg». Совокупность «maegtha» составляла отдельные «folces»¹²¹. По сообщению Беды Достопочтенного, к VIII в. на территории англосаксонских королевств существовало около 5000 «folces»¹²², охватывавших обычно население мелких местечек, которые совпадали с церковной общиной¹²³. Об этом факте неопровержимо свидетельствуют англосаксонские законы, описывающие случаи, которые происходили в таких церковных общинах, совпадающих с сельскими общинами. Так, например, в законах короля Уитреда зафиксировано: «Если эсне (слуга.— *Е. ZZ7.*) общинника обвинит в чем-либо эсне церковнослужителя или эсне церковнослужителя обвинит эспе общинника, пусть господин того один посредством клятвы очистит его (т. е. обвиненного.— *Е. III.*) (от обвинения)»¹²⁴. Естественно предположить в этом случае, что спор между двумя лицами мог возникнуть по поводу самых прозаичных, житейских, мирских дел, но не из-за основ вероучения, поскольку последние тяжбы решались не мирскими властями, но церковными; да и нелепо было бы предполагать последнее от слуг, принимая во внимание общую культурную атмосферу, в которой жили люди раннего средневековья¹²⁵. Следовательно, спор касался скорее повседневности, складывающейся из постоянных хозяйственных дел. Прочитываем еще одно постановление, относящееся на этот раз не к VII в., как предыдущее, но имеющее силу в X в. «Если священник,— звучит в договоре, заключенном между англосаксонским королем Эдуардом и древне-

191

датским Гутрумом,— при богослужении ведет по неправильному пути народ (folc) в отношении праздников или постов, уплатит он 30 шиллингов у англов и 3 с половиной марки у данов (т. е. в области действия на территории Британии датского права.— *Е. III.*)»¹²⁶. Понятие «folc», употребленное в данном постановлении, полностью подтверждает вышесказанное о совпадении церковных приходов в англосаксонской Англии с сельскими общинами. Население подобных мелких местечек (иначе — сельских общин) жило по своим местным обычаям (folcrist) ¹²⁷. Данные обычаи были не просто обычаями церковных приходов; они складывались также из решения хозяйственных ¹²⁸, судебных (с вытекающими отсюда ответственностью и обязательствами) ¹²⁹ и прочих общественных дел ¹³⁰, решавшихся в более ранние времена самим «folc», а в более поздние — представителями власти на общем собрании «folc» (folcgemot) ¹³¹. Таким образом, это был спаянный родственными узами коллектив, со своими обычаями¹³², проживающий, возможно, на территории большей, чем сотня¹³³, но меньшей, чем «gerefan»¹³⁴. С введением христианства понятие «folc» стало использоваться для наименования христиан германских и прочих племен (eall Cristen folc) ¹³⁵. Церковь всячески насаждала «Godes-lage» в «folc-lage» (т. е. «божий закон» в «светский закон») ¹³⁶.

Таким образом, понятие «folc» несло общий смысловой оттенок¹³⁷. Показательно, что в латинском синхронном переводе англосаксонских законов того же времени, в так называемой «Quadripartitio», а также в юридических документах понятие «folc» и производные от него слова всегда переводятся таким неопределенным латинским словом, как «populus»¹³⁸. Подобное определение слова «folc» (folk) имеется и в современной англоязычной этнографической литературе ¹³⁹. Данное слово четко означает в сочетании с «land». Соседствуя в одном контексте с «land», «folc» принимало те же оттенки, что и «land»: 1) широкий общий смысл¹⁴⁰; 2) этнический¹⁴¹; 3) политический ¹⁴². Но если термин «land» участвовал впоследствии в образовании этнической общности всех германских племен и автохтонного населения Британии, то термин «folc» остановился в своем развитии и устарел вообще. Причины подобного явления — в различной основе развития обоих терминов. Корни «folc» уходили в прошлое, в тот период развития общества, который являлся уже прошедшим этапом его жизни,— родо-племен-

192

ную эпоху. Корни «land» коренились в новом прогрессивном этапе развития общества — феодализме. «Land» как специфическое понятие еще только народилось, «folc» уже отмирало. Длительное сохранение пережитков родо-племенного строя в обществе англосаксов препятствовало развитию «folc» в новом значении, постоянно напоминало о его старом восприятии, что привело в конце концов к устранению его из сферы построения государства и возникновения новой этнической общности.

Термин «folc» был заменен новым, выражающим целостность всего англосаксонского общества. Первоначально два термина претендовали на это. Поскольку объединение королевств

происходило сверху, неизбежно должен был быть выдвинут термин, выражающий этот процесс. И наоборот, поскольку сами представители верхнего слоя общества своими корнями были глубоко связаны с населением, которое они представляли, постольку и это явление должно было быть отражено в развитии англосаксонского языка, тесно связанном с изменением социально-экономических отношений. Такая двойственность отразилась в трансформации двух понятий — «teod» и «leod», объяснение которых у ученых доньше смешивалось и истолковывалось весьма недифференцированно. И тот и другой термины переводились идентично¹⁴³. Лишь немногие признавали перевод «leod» словом «дружина», отделяя его, таким образом, от понятия «teod». Да и то данное положение относилось к «leudes» франков¹⁴⁴. Даже такой признанный издатель англосаксонского законодательства, как Ф. Либерман, признавал, что понятие «народ» могло в те времена охватывать аристократическое меньшинство¹⁴⁵. В этом случае Ф. Либерман предпочитает переводить «leod» словом народ.

В начале VII в. в древних законах короля Этельберта термин «leod» трактуется именно как «приближенные короля»: «Если король призовет к себе своих людей (his leode) и им тут причинят зло, — уплатят двойной штраф и королю 50 шиллингов»¹⁴⁶. Ф. Либерман рассматривает в этом случае «leod» как «народ» (Volk)¹⁴⁷, ссылаясь при этом на закон короля Уитреда (695—696 гг.), 4,1, в котором звучит: «...свои люди, принадлежавшие к коллективу (in leodum), пусть изгоняются без потери имущества из церковной общины»¹⁴⁸. Действительно, если сравнить его с последующим законом короля Уитреда 25, в котором устанавливается, что «если убьют при воровстве человека (lend), так пусть его вергельд не выплачивает-

193

ся»¹⁴⁹, то можно согласиться с переводом Ф. Либерманом данного слова как «человек, мужчина»¹⁵⁰. Но у того же короля Уитреда в его постановлении до приведенных законов есть еще один, в котором звучит: «Лица из чужого народа (aeltheodige maen), если они не хотят остановить свое распутство, должны с территории (of lande) со своим добром и своими грехами изгоняться»⁵¹. Таким образом, в обоих законах (4 и 4,1) речь идет об одном и том же, но в первом случае — о чужаке, во втором — о местном лице. Понятия «land» и «in leodum» в данном случае совпадают. Однако если в первом варианте «land» трактуется как «любая область», поскольку чужой есть чужой для любой области, кроме своей, то во втором — «in leodum» подчеркивает спаянность коллектива, проживающего на *своей* территории¹⁵². Равная мысль проводится в законах Этельберта, где вергельд зачастую подменяется словом «leodgeld»¹⁵³ или просто «leod»¹⁵⁴. Наименованием «leudi» назывались также вергельды у континентальных германцев¹⁵⁵. Таким образом, речь идет о замкнутой группе лиц, ограниченных кругом родства. «Если убийца скроется из страны (on lande), — звучит в постановлении короля Этельберта, — родичи (magas) должны уплатить половину вергельда (healfne leod)»¹⁵⁶. Следовательно, в законах Уитреда и Этельберта «leod» — лицо, тесно связанное с кем-либо каким-нибудь признаком: родственными узами, подчинением или принадлежностью к общему церковному приходу, но не просто «человек».

В законах короля Инэ (686—695 гг.), изданных почти одновременно с законами короля Уитреда, понятие «leod» встречается лишь единожды: «Gif hwa his agenne geleod bebycgge, teowne oththe frigne, teah he scyldig sie, ofer sae, forgielde hine (be) his were (and with Godd) deoplice bete», т. е.: «Если кто продаст за море своего соотечественника, раба или свободного, пусть уплатит свой вергельд и замаливает этот грех перед богом»¹⁵⁷. Да и понятие «geleod» подменяется термином «gelondan»: «Be tham monnum to hiora gelonclan bebycg-ga»¹⁵⁸. Так как в обоих случаях «Quadripartitio» трактует оба понятия идентично, то можно допустить, что где-либо была допущена ошибка в записи закона (законы короля Инэ сохранились лишь в записи, сделанной в IX в., т. е. триста лет спустя). Очевидно, в первом, поскольку именно термины «gelondan» и «landman» переводятся в «Quadripartitio» как «compatriotus»¹⁵⁹. Тем более что в

194

законах короля Альфреда этот термин вообще не встречается. Вновь он всплывает уже в X в. в постановлении короля Эдгара (959—962 гг.): «Это есть предписание, которое король Эдгар по совету своих уитанов установил на похвалу богу и сам себе на славу и своему всему окружению (leodscipe) на пользу»¹⁶⁰. В «Quadripartitio» «his leodscipe» переводится латинским «genti sue»¹⁶¹, и, следовательно, это словосочетание нужно переводить как «народ, организованный государственно», т. е. «народ, имеющий определенное отношение к государственному аппарату»¹⁶².

В конце X и начале XI в. слово «leodscipe», как и в законах короля Этельберта VI в., отражает подданство, связь с королем¹⁶³. «Leod» выступает как «народ, связанный определенными обязательствами, над которым стоит определенное руководство», или «народ, руководимый кем-либо». В этом случае удобнее переводить термин «leod» не как народ во всей своей массе, а как «группа лиц, связанных определенными обязательствами и находящихся под чьим-либо руководством»¹⁶⁴.

Определенно — это социально отграниченная группа, в которую могли входить разные по рангу слои населения', но которая была объединена одним подчинением ¹⁶⁷. Следовательно, в тех случаях, когда «leodscipe» звучит неопределенно ¹⁶⁶, нужно понимать под «leod» ограниченную социальными параметрами группу лиц, но не весь парод. В том же XI в. в документе об обязанности отдельных сословий (иначе — социальных групп) «leod» осознается именно как социально отграниченная группа ¹⁶⁷. Понятие «leod» четко противопоставляется понятию «folc», как и понятие «laga» (закон) — понятию «gerihtu» (обычай) ¹⁶⁸. Для социальных групп существуют определенные обязанности; для населения определенной местности, разбитого на социальные группы (folc), — свои обычаи, сложившиеся исстари.

Таким образом, более раннее и древнее распределение общества по этническому признаку, построенное на системе родо-племенных связей, с социально-экономическим развитием начинает оформляться как этносоциальная структура. «Leod» в каждом отдельном случае представляет: «ge eorl ge seorl, ge tegen ge teoden» ¹⁶⁹, для которых установлен определенный закон по рангам ¹⁷⁰. Разграничение на «leod» проведено в данном постановлении по сословному признаку. Понятие «leod», идентифицируемое нередко с сословным представительством, с замкнутой

195

определенной профессиональной группой, постепенно начинает сужаться до понимания руководящей, ведущей в обществе англосаксов группы. О том же свидетельствует непосредственная идентификация «leod» с военным отрядом ¹⁷¹. Это положение подтверждает и глагол, имеющий один корень с «leod» — «laedan», означающий в англосаксонском языке «руководить, управлять, направлять» ¹⁷². Таким образом, англосаксы не включали в понятия «folc» и «leod» весь народ. Историческая необходимость должна была выдвинуть термин, используемый как в деле построения государственности у англосаксов в целом, так и в деле объединения всего населения в одну этническую общность с одним, идентичным для всех этническим самосознанием.

Таким понятием стало древнее слово, помогающее в сплочении первоначально всех германцев в одно целое в противоположность чужеродному миру (пегерманцев), а затем используемое отдельными союзами германских племен или отдельными племенами при противопоставлении чужакам и соответственно в деле объединения племен, входящих в эти союзы. «Мы» все, на какие бы «folces» и «leod» ни разбивались бы, выступаем как «teod» по отношению к «Они». С построением государства «teod» — это, как и «Мы», — германцы, так и «Они», но проживающие на территории одного королевства и живущие по его законам. Именно так осознается «teod» в законах короля Инэ VII в.: «Ic, Ine, mid Godes gife Wesseaxna kyning, mid gesehte and mid lare Genredes mines feeder and Heddes mines biscepes, and Eorcenwoldes mines biscepes, mid eallum minimi ealdormonmi, and taem ieldstan witum mindre theode, and eac micelro ge-somnunge Godes theowa, waes smaegende be thaere haelo urra sawla and be tham sa tole ures rices, taette ryht aew, and ryhte cynedomes thurh ure folc gefaestnode getrymede waeron, taette naenig ealdormonna ne us *undergetheodedra* ael'ter tarn waere awendende thas igre domas» ¹⁷³. Значение «theod» в этом тексте уточняется понятиями «gise» и четко выраженным «*undergetheodedra*» (подданные). «Folc» опять понято более сужение, поскольку к нему прилагается «ryht aew», а именно «истинное обычное право», присущее родо-племенной эпохе.

Термин «gise» ¹⁷⁴ в нарративных источниках, как, например, в поэме «Беовульф», встречается в сочетании как с «teod» ¹⁷⁵, так и с «folc» ¹⁷⁶. Народ (т. е. teod или folc) проживает на определенной территории, которая уже

196

начинает «государственно» оформляться. Однако «gise» - более позднее образование, чем «folc». В поэме термин «pise» заменяется нередко понятием «folc-scage», являющимся расширенным переводом такого слова, несущего на себе еще все отпечатки родовых отношений, как «maegthum». «Folc-scage» - это собрание нескольких «maegtha» ¹⁷⁷. Иное означает «gise»; это земля, на которой проживает много «maegtha», объединенных в «folc» или «teod», и которая уже управляется неким органом власти во главе с королем; соответственно этому и лица, выдвигаемые во главу управления, носят идентичное наименование ¹⁷⁸. Данным термином называется и лицо, которое находится в непосредственной близости (т. е. в свите) к королю ¹⁷⁹. Термин «gise», не указывая на конкретное лицо или ранг, соединял людей, объединенных идеей создания государственности, в одно целое, отделяя, таким образом, этот круг от общей массы народа ¹⁸⁰. Именно парод, находящийся под властью «gise», представлял собой уже некое государственное начало ¹⁸¹. Термином «gise» названа группа людей, не связанных никакими узами предшествующей родовой эпохи, но объединенных государственной властью, представленной как

одним¹⁸², так и многими лицами. Эти лица входят в отдельную группу¹⁸³ и являются идейными вдохновителями и носителями создания нового этнического самосознания. «Rice» — начинающая оформляться государственность, включающая в себя ряд понятий: территорию, на которой она воздвигается¹⁸⁴, власть, распространенную на эту территорию¹⁸⁵ и возникающий государственный аппарат, являющийся исполнителем этой власти¹⁸⁶.

Стремление верхов общества навязать народу свои взгляды и идеи отчетливо проявляется и в трансформации наименования высшего племенного главы. В данном случае показательны термины «gaeswa», «riscian» и <sup><Г1**7^{ам>} производные, как и слово «rice», от одного корня. Могущество главы племени начинает определяться обладанием господства уже не над родом или племенем, а над территорией. Наблюдается своеобразное слияние понятий «правитель» и «страна». Термин «gaeswa» мог возникнуть лишь в период разложения родового строя. Но в поэме «Беовульф» чаще наряду с «gaeswa» для обозначения главы используются и другие понятия. Даже можно отметить, что наименование «gaeswa» встречается лишь однажды, в 60-й строфе поэмы:

197

... отрядов правители (gaeswa)

Херогар, и Хродгар, и Хальга Превосходный¹⁸⁸.

Это обстоятельство проистекало из устойчивости родовых традиций; соответственно и высший правитель понимался более как «правитель рода», нежели как «правитель территории». В связи с приведенным выше анализом здесь было бы интересно исследовать еще один термин, который как бы перекликается с понятием «gaeswa»; это «land-fruma», означающий в переводе «правитель края» (первый в стране)¹⁸⁹. «Raeswa» уже является слитным и цельным понятием, непосредственно вытекающим из «rice» (территория). «Land-fruma» же состоит из «land» и «fruma», означающих соответственно «территория» и «первый». Если два термина пытаются соединить в одно слово, то можно предположить, что они не идентичны. Понятие «fruma» при двойственности его выражения в переходную для развития этнического сознания эпоху отражает, с одной стороны, становление государственности, с другой — отживающие традиции родового строя. Все словосочетание, следовательно, можно переводить как «первый из членов рода, проживающих на определенной территории, которую племя и род осознают уже своей». В последнем словосочетании, где прослеживается попытка слить два несовместимых понятия, отражен переход от родового сознания к более высокому, одной из форм которого было территориальное этническое самосознание. При исследовании возникновения последнего необязательно ставить задачу разбора всей административно-территориальной системы возникающего государства, в частности англосаксонского. Достаточно рассмотреть те понятия, которые непосредственно связаны с выработкой этнического самосознания рассматриваемого народа. Таким образом, «teod» проживает не в отдельном «land» или другом местечке, но во всем «rice»; в него входят все слои независимо от этнической (folc) или социальной (leod) принадлежности населения, как это уже просматривается в IX в.¹⁹⁰ В противоположность «Ap-gelcynnes» «teod» охватывает не только англосаксонское население Англии, но и всех проживающих на ее территории. При разграничении на социальные группы понятие «teod» опускается и идет точная фиксация оценки сословий¹⁹¹. В законах Кнута круг «leod» (leodscipe) четко отделен от всей совокупности населения. В дан-

198

ном случае «leodbiscopas» управляют в церковных делах всем его (Кнута) «teodscipe», обитающим в «Engla-land»^m и распадающимся, если речь идет о церковных

'делах, на лиц духовного звания и мирян

которые

составляли в каждой местности более мелкие приходы и соответственно каждый по отдельности являлся не «teod», а «folc»^m. В таком же значении выступает «teod» и в IX в. в законах короля Альфреда: «... обратили они многие языческие народы (haethena theoda) к богу...»¹⁹¹. В этом случае понятие «teod» идентично латинскому «natio» в том значении, в котором оно употреблялось раннесредневековыми авторами. В официальном документе, служащем образцом проведения коронации, — «Sacra-mentum Goronationis» (14 апреля 975 или 978 г.) — к понятию «folc», поскольку оно не отражало значение «народ, находящийся или объединенный под властью государства», добавили адъективированное от «teod» — «imdortheoddum»: «... Ic treo ting behato Cristenum folce and me undertheoddum»¹⁹¹. Таким образом, понятие «teod» охватывало все население¹⁹¹ всей Англии (ofer eall Engla-land) и обладало достаточной гибкостью как для построения общего для всех государственного аппарата, так и соответственно для выработки единого сознания у всех подданных государства. Именно поэтому «teod» могло участвовать как при построении территориального деления внутри возникающего государства¹⁹⁸, так и при выработке чувства общего самосознания этнической общности, объединенной уже не родственными связями, а общей принадлежностью к одному государству^m; это самосознание не племени. Как новое оно проявилось и при противопоставлении

оформляющейся в одно целое этнической общности англосаксов иноэтнич-иым общностям. Наряду с наименованием чужаков как «giest»²⁰⁰, «fraemde»²⁰¹, «feorran cumen man»²⁰², «utan cume-pan»²⁰³, которые выражали в основном внутренние взаимоотношения тех же членов англосаксонского общества²⁰⁴, строящихся в маленьких местечках на родстве (родич — свой; не родич — чужой)²⁰⁵, появляется иной термин — «aelteodige»²⁰⁶. В VII в. под «aelteodige» могли понимать еще и того же англосакса, но из иной области или иного королевства; и в том и в другом случаях это было лицо, проживающее на территории англосаксонской Англии²⁰⁷. В этом значении данное лицо очень похоже на «вселенца» по Салической Правде, что

199

указывает на разрушение кровнородственных связей и размывание гентильных барьеров в среде англосаксов. В ходе данного процесса активную роль играли представители верхушки общества. Невзирая на отдельные обычаи, базирующиеся на родо-племенных устоях, охраняющих замкнутость и сплоченность группы родичей, короли брали под свое особое покровительство пришельцев. В договоре англосаксонского короля Эдуарда с древне-датским королем Гутрумом под «чужаком» понят либо англосакс, прибывший на территорию действия «датского права», т. е. на территорию, захваченную датчанами в Англии, где они и обосновались, или древний датчанин (дан), появившийся непосредственно на территории, находящейся под управлением англосаксонского короля. Первого берет под свою защиту датский король, второго — англосаксонский²⁰⁸. Это же постановление свидетельствует также не только о постоянном этническом контакте немногочисленного древнедатского населения с англосаксами, но и о быстром установлении подобных контактов между двумя родственными, по сути, германскими народами на всей территории Британии, занятой ими, что приводило к слиянию этих народов посредством ассимиляции англосаксами датчан в единую этническую общность и соответственно быстрому размыванию тесно спаянных родственных групп. Беря под свое особое покровительство пришельцев, короли выступали как «родичи» по отношению ко всему населению на подвластной им территории независимо от того, имел ли родичей «чужак» или не имел²⁰⁹. Об усилившейся уже к IX в. подвижности населения свидетельствует вошедшая в поговорку и ставшая пословицей к XII в. фраза: «twa niht rest, tridde niht ogen hywen» («на две ночи остановился, на третью ночь — хозяин») ²¹⁰. Помимо микромиграций, на территории Англии протекали и массовые миграционные процессы (вторжение датчан и древних французов), что, естественно, сильно влияло на ломку коренных, устоявшихся обычаев. В IX в. Альфред предписывает особую охрану peregrinos²¹¹, названных «eltheodige», под которыми понимают теперь как англосаксов²¹², так и не жителей Англии²¹³. Таким образом, «eltheodige» назван как выходец из иной местности среди англосаксов²¹⁴, так и представитель иноэтничной общности, проживающий за пределами территории, занятой англосаксами²¹⁵.

Подобное развитие этнического самосознания англосаксов можно проследить и по источникам иного характера. Возьмем в качестве примера поэму «Беовульф». Так же как и в вышеразобранных примерах, три слова в поэме — «leod», «teod» и «folc» — каждое по своему отражает развитие этносоциальных представлений, присущих обществу англосаксов в VII—VIII вв.

Если вести речь о термине «leod», то в изданиях поэмы на современных западноевропейских языках этот термин переводится словом «люди». Но, как показывает более пристальное его рассмотрение, оно в различных строфах поэмы имеет далеко не одинаковое значение. В самом начале поэмы строфы 260—261

We synt gumcynnes Geata leode ond Hygelaces heor-geneates

трактуются во многих изданиях поэмы²¹⁶ как

Мы люди²¹⁷ из (страны) гаутов

и товарищи по очагу (короля) Хигелака.

С этим переводом можно было бы согласиться, если бы фраза звучала несколько иначе: «We synt Gea-ia leode». В приведенном нами переводе совершенно игнорируется слово «gumcynnes». Но если учесть это слово, то фраза прозвучит иначе: «Мы из родов гаутов, собранных воедино, люди». Таким образом, в действительности «leod» — это представители отдельных га-утских родов, составившие в определенное время отдельную группу; не одна какая-то ячейка или группа ячеек парода гаутов, но конгломерат представителей разных таких ячеек. Это заключение подтверждается и употреблением в поэме термина «суп» — корня от слова «gumcynnes».

Понятие «суп» используется как в широком²¹⁸, так и в более узком смысле. В более узком оно может совпадать с понятием рода²¹⁹ и еще уже — с тем, что обычно в науке зовется «большой семьей»²²⁰; оно тесно связано также с понятиями «происхождение»²²¹, «первородство»²²² и с

выражением «родная земля»²²³. Лишь при употреблении в мифологическом значении термин «суп» приобретает широкий смысл. В этом столь редком для него значении данный термин можно было бы переводить как «племя»²²⁴. Таким образом, и в последнем случае нельзя было переводить строфы 260—261 так, как это делали в упомянутых изданиях. К этому остается добавить, что строфа 261 непосредственно уточняет ха-

200

201

актер группы. В нее входили «товарищи по очагу (короля) Хигелака», т. е. его приближенные. Итак, в поэме термином «leod» обозначена не просто стихийно образовавшаяся группа из лиц различных родов гаутов, а избранный круг приближенных короля. В этом случае понятие «leod» переводится как «часть приближенных короля Хигелака». Попросту говоря, это одна из дружин короля Хигелака. И весь текст вышеприведенных строф может быть переведен так:

Мы представители дружины, выделившиеся из родов

гаутов, собранных воедино и товарищи по очагу (короля) Хигелака.

Следовательно, и в других случаях употребления «leod», когда речь идет об отряде героя поэмы Беовульф-фа²²⁵, можно понимать под этим словом его приближенных. Примечательно, что и предводитель отряда обозначается тем же термином. И Беовульф, не являющийся королем^{22с}, и короли, как, например, Хродгар^{2н}, а также прочие знатные предводители отрядов именуется «leod». Именно подобным образом именуется Вульфгар — представитель дружины вендельнов²²⁸, король Хеорогар — вождь скильдингов²²⁸, Виглаф — предводитель скильфингов^{23о}, а также безымянный вождь свевов²³¹.

Характерно, что о короле Хигелаке ни разу не говорится как о «leod», тогда как о Хродгаре, хоть и в редких случаях, идет речь именно как о «leod». Объяснение этому нужно искать в самих событиях, которые разворачиваются в поэме. Певцу, очевидно, необходимо было подчеркнуть, что действие происходит в тесно очерченном кругу лиц. Все окружающие короля Хродгара в доме, называвшемся Хеорот, носили наименование «leod» (нелогично было бы утверждать, что короля мог окружать весь народ гаутов, который находился бы в одном доме)²³². Соответственно и в тех случаях, когда речь идет о «leod» прочих лиц²³³, а также об их приближенных²³⁴, нужно понимать под этим словом не весь народ, но отдельных знатных его представителей. Нередко «leod» означает и «дружину», т. е. одну из составных частей его же.

О том же свидетельствует непосредственная идентификация «leod» в поэме с военным отрядом²³⁵. Стало быть, и в тех случаях, когда речь идет об одном лице,

202

названном данным словом, в нем следует видеть представителя не всего народа, а лишь знати. Подводя итог сказанному, можно констатировать, что во всех случаях в поэме понятие «leod» у англосаксов не охватывало весь народ. Однако наряду с «leod» существовало и все, взятое в целом и включавшее в себя «leod» общество англосаксов, именовавшееся «folc» или «leod». Процесс установления господства «leod» развивался путем постепенной и последовательной трансформации обычая и традиций данного общества, если можно так выразиться, «изнутри», развитием новых отношений под старой оболочкой, что сопровождалось и соответствующим изменением социально-психологических установок массы англосаксов и внедрением в нее взглядов группы «leod». Старое содержание структуры общества постепенно перестраивалось и заменялось новым в соответствии с потребностями «leod».

Насыщение старых родовых традиций и обычаев новым содержанием отчетливо прослеживается в поэме «Беовульф». Короли, именуемые часто «leod» и являющиеся представителями знати, пытаются, однако, идентифицировать себя с народом, стремясь, таким образом, выступать от его имени. Наряду с названием «leod» встречается, хотя и значительно реже, наименование королей «leoden». Так, например, именуется король Скильда^{23в}, Хродгар^{2н}, Хигелака²³⁸, а также Беовульфа²³⁹.

Термин «teoden» по значению нередко совпадает с наименованием «leod-cyning»^{24о} или же просто со словом «cyning»²⁴¹. Но интересно, что в использовании данных терминов при наименовании самого героя поэмы можно заметить некоторые различия. Беовульфа называют «teoden» и в период до избрания его королем, и когда он стал королем. Термином же «cyning» он величается лишь по избрании его королем²⁴². Таким образом, можно сделать вывод, что если термин «cyning» имел определенное, четко выраженное значение, то термин «tooden» носил еще и какой-то дополнительный оттенок.

Для того чтобы понять характер этого оттенка, необходимо вернуться к основе самого слова

«teod». Несмотря на кажущуюся многозначность данного слова в поэме, определить его значение даже на таком суженном материале все же можно. Во-первых, мы знаем, что «teod» уже не равнозначен «leod» и первым термином,

203

видимо, обозначалась более широкая масса людей. Термин «teod» также не идентичен слову «суп», поскольку «суп» являлся лишь одной из ячеек англосаксонского общества. В отличие от «суп» термин «teod» охватывает всех членов общества (будь то даны, или гауты, или какой-либо другой народ):

Часто многие могучие садились для (тайного) совещания...²⁴³ —

повествует певец; и далее:

... они просили словами,

чтобы им губитель душ помощь оказал

против угроз народу (teod) ...²⁴⁴

«Teod» в этом случае обозначает все население всей территории, а не отдельную его группу. И когда один из персонажей, обращаясь к Беовульфу и его товарищам, говорит:

Не видел я столь много мужественных мужей из чужого народа (elteodige),²⁴⁵

то и в этом случае речь идет не просто о военном отряде, но о представителях чуждого населения. Когда в поэме говорится о достоянии группы лиц, названной «leod», под ним следует понимать ценности, принадлежавшие только знати. И действительно, в этом случае^{24в} речь идет о Хеороте (доме-дворце), в котором присутствовал лишь сам король со своими приближенными. В обществе, описанном в поэме «Беовульф», которое вступило в период военной демократии, полноправным членом могло считаться свободное лицо, являющееся при этом воином, что отражало характер данного общества, находившегося на стадии перехода от первобытнообщинного строя к классовому. Именно поэтому, когда певец подчеркивает военноподчиненный характер «leod», он идентифицирует его со всем народом: ... Это был их обычай - Быть всегда готовыми к Войне, Или дома, или в поле, в любом случае И в любое время, чему обязал их Правитель (dryhtne), Если война случится. Это был добрый народ (teod)!²⁴

Под «Правителем» здесь подразумевается бог, под обычаями—обычаи всего народа, освященные его именем. Поэтому и редкие строфы поэмы, в которых явно под-

204

разумеается «leod», но употреблен термин «teod» (народ), нужно принимать как усиление действенности поэмы²⁴⁸. Напротив, когда речь идет о другом народе, чуждом гаутам, здесь должно под термином «teod» понимать именно все население²⁴⁹.

Таким образом, термин «teod» можно переводить не просто словом «король», но «глава всего населения». Данное представление могло возникнуть лишь при наличии общего самосознания если не у всего населения, то хотя бы у части его, уже начинающей оформляться в одно этнополитическое целое.

Однако по поэме «Беовульф» германское общество разграничивалось не только по этносоциальному признаку, т. е. на «leod» и «teod», но и по чисто этническому. В данном случае прежде всего необходимо подчеркнуть, что этому обществу было присуще осознание единства отдельных племен. В древнеанглийском языке сохранился даже термин, уже рассмотренный выше, выражающий понятие подобного единства. Довольно часто в поэме оно представлено термином «folc». Этот термин противопоставляется как «leod»²⁵⁰, так и «teod»²⁵¹. Однако если различие между «leod» и «teod» сразу бросается в глаза, то уловить то мимолетное, что отграничивает «folc» от «teod» в поэме, очень трудно. Значение слова «folc» внешне выглядит идентичным значению слова «teod»²⁵². И все же если понятием «teod» охвачена совокупность всего населения, то термин «folc» в некоторых случаях звучит несколько суженно. «Teod» — это уже абстрактное понятие, не имеющее в англосаксонском языке множественного числа. «Folc» же выступает в некоторых случаях и во множественном числе как в конкретном, так и в абстрактном значении²⁵³. При этом даже подчеркивается, что население включало в себя несколько «folces»²⁵⁴. Состав «folc» был также по своему характеру отличен от состава «teod»:

... Хеорот очищен (говорит Веальхтеон Хродгару), широкий круглый зал; отныне ты сможешь насладиться многими наградами и оставить их твоему родственному мужам пароду (folc) и королевству, когда ты должен будешь уйти вперед ко взгляду Правителя...²⁵⁵

«Folc» представлял собой группу лиц, связанных в поэме друг с другом тесными, скорее всего кровными

205

узами. При этом «folc» — это уже не род, поскольку в него могло входить и несколько родов²⁵". Скорее им в поэме обозначается одно племя. Таким образом, значение термина «folc» идентично понятию «teod» лишь при описании одного определенного племени, в других же случаях они резко различаются по смыслу.

И термин «cyning» носит в отличие от «teoden» более определенный характер. Именно приняв титул «cyning», Беовульф становится полноправным главой. В тех же редких случаях, когда Беовульф выступает как «teoden», он наряду со Скильдом, Хигелаком и Хродга-ром, не будучи еще королем, является лишь представителем, но не главой определенного народа.

Но мало-помалу это представительство уже начинает идентифицироваться с полнотой власти на всей территории. Изредка в поэме можно обнаружить и такой смешанный термин, как «teod-cyning»²⁵⁸". Данное сочетание в отличие от термина «folc-cyning»²⁵⁸, так же как и редко встречающееся словосочетание «leod-cyning»²⁵⁹, отражает изменения, происходившие в сознании членов складывающейся англосаксонской этнической общности. Впоследствии, когда все англосаксонские королевства независимо от их этнического состава были объединены и стали складываться в одно этнополитическое целое, развивающееся по пути образования государства и слияния всего населения в одну этническую общность, стала отпадать необходимость акцентировать, что глава государства — представитель народа. С наполнением новым содержанием и расширением значения термина «cyning» (от главы племени к главе государства) на него переносится и этнический оттенок с термина «teoden». В современном английском языке остались многие из рассмотренных терминов, однако их значение изменилось:

king — король; ср.: cyning — король (англосакс.);

kin — род, семья, родство; ср.: суп — род (англосакс.);

lead — руководство-----f — представитель знати (англосакс.);

leader — вождь, командир

ср.: leod

• народ (англосакс.); • представитель знати (англосакс.);

peopel — народ (вместо teod)

народ (англосакс.);

folk — народ (устарев.); ср.: folc — племя (англосакс.).

206

Термин «teod» был выразителем этнических чувств возникающей новой этнической общности, объединяющей все население всех первоначально королевств, а затем единого возникающего государства англосаксов²⁶⁰. Именно поэтому при межэтнических контактах короли именуют себя нередко «teoden», а представители возникающего государственного аппарата — «teodwitan»²⁸¹. Короли становятся представителями не только «magum folc», не только королевства (cyning), но и населения данного королевства независимо от его этнической принадлежности; фактически «teod» являлось синонимом «англосаксы» или «англичане»²⁶² вопреки утверждению английского ученого Г. Чэдвика, что корень «teod» нужно искать при дворе короля и что вся центральная власть у англосаксов может быть описана лишь двумя понятиями — «cyning» и «teod»²⁶³. Таким образом, Г. Чэдвик взаимозаменяет понятия «teod» и «leod», не приводя для подтверждения своей мысли никаких доказательств. Эта взаимозаменяемость преследовала проведение идеи об «аристократичности» англосаксонского общества. Но хотя развитие понятия «teod» являлось последующим шагом в деле возникновения общего для всего населения этнического самосознания, оно было промежуточным звеном при дальнейшем создании новой общности. Это понятие лишь способствовало осознанию англосаксами единства их территории и государства. Рано или поздно оно должно было уступить главенствующее место выражению территориальной общности, заняв последующее за ним место. Это произошло лишь при Ричарде I, в королевском титуле которого упомянута страна, но не народ²⁸⁴. Однако занять сопутствующее ему место вслед за понятием «страна» (land) привелось уже не термину «teod», а термину «peopel» (peuple или современному people), который был принесен из Нормандии в Британию Вильгельмом I Завоевателем²⁸⁵. И то, что термином «peopel» было вытеснено понятие «teod», но не «folc» или «leod», доказывает его важную роль в деле создания новой этнической общности. Незавершенность его развития и окончательного размежевания с понятиями «folc» и «leod» позволила фактически идентичному ему термину-«завоевателю» вытеснить его. Общественная жизнь англосаксов, еще тесно опутанная гентильными представлениями, не создала достаточных условий для полного усвоения и укоренения понятия «teod», т. е. для

207

завершенной выработки нового самосознания, активно проводимой сверху, но бессознательно и постепенно усваиваемой рядовыми членами общества, разобщенными и этнически, и территориально, и гентильно. Еще не были созданы социально-экономические предпосылки, которые поддерживали бы политическое объединение англосаксов и возникновение новой этнической общности,

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 330.
- ² Калтахчян С. Т. К вопросу о понятии «нация» // ВИ. М., 1966. № 6. С. 36.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 30.
- ⁴ НI. 16; 16, 1 (Bd. 1. S. 22).
- ⁵ Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1916. Bd. 3. S. 22.
- ⁶ Wi. Pro 2: «...and cwaeth aelc hSd ciricean taere maegthe anmod-lice...» (Bd. 1. S. 12).
- ⁷ Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1912. Bd. 2, H. 2. S. 138; Bd. 3. S. 26.
- ⁸ EGu. 12 (Bd. 1. S. 124) и Quadr.: «episcopus genlis ipsius, pro cogrmitione et aduocato...» (Bd. 1. S. 135).
- ⁹ Там же и Quadr.: «vindicet» (Bd. 1. S. 135).
- ¹⁰ Ine 24 (список E) и Quadr.: «Anglicus» (Bd. 1. S. 100-101); (Bd. 1. S. 101).
- ¹¹ Ср.: Ine 24,1 (об оплате зависимого англичанина) и Ine 24,2: «Wealh, gif he hafath V hida, he bith syxhynde» (Bd. 1. S. 100).
- ¹² Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 3. S. 72.
- ¹³ «Englisc onstal»; ср.: «Wilisc onstal» (Bd. 1. S. 110) и Quadr.: «Anglicus, Waliscus» (Bd. 1. S. 111).
- ¹⁴ Bd. 1, S. 114 и Quadr.: «homo Waliscus» и «Anglicus homo» (Bd. 1. S. 115).
- ¹⁵ Bd. 1. S. 120.
- ¹⁶ EGu. 3,1 (Bd. 1. S. 130); EGu. 3,2 (Bd. 1. S. 130); EGu. 6 (Bd. 1. S. 130); EGu. 6,1 (Bd. 1. S. 130) и т. д.
- ¹⁷ См., напр.: EGu. 9: «Orthel and athas syndan tocwedene freolsda-guin and riht faesten-dagum, and se te taet abrece, gyldo lab-slit mid Denum and wite mid Englum» (Bd. 1. S. 132).
- ¹⁸ EGu. 7,2: «Gif hlaford his teowan freols-daege nyde to weorce, gyldo lah-slitte inne on Deone-lage and wite mid Englum» (Bd. 1. S. 132).
- ¹⁹ IIAs. Pro.: «Ic Aelhelslane, cyning, eallum minum gerefum binnon nuno rice gccylhe, mid ge teahthe Wulfhelmes mines aercebiseopes and ealra mina othra biseopa and Godes teowa, for mina sinna forgyfenesse, taet ic wille, taet ge fedath ealle waega an earm Engliscmon, gif ge him habbath, oththe otherne gefindath» (Bd. 1. S. 148).
- ²⁰ IVEg. 2,1: «And ic willo taet woruld-gerihta mid Denum standan be swa godum lagum, swa by betst geceosen maegen. Stande tonne mid Anglum, taet ic and mine witan to nunra yldrena domum geyhton, eallum leodscipe to tearfe» (Bd. 1. S. 210).
- ²¹ IVEg. 2,2: «Sy teah hwaethere tes raed gemaene eallum leodscipe, aegther ge Anglum ge Denum ge Bryttum, on aelcum ende mines anwealdes, to ty taet earm and eadig mote agan, taet hy mid rihte
- 208
geslryrnath, and toof nyte, hwaer ho lyfthe hefaoste, toah he hwaet stole, and him swa geborgen sy hoora unwillas, taet heora to fela no losion» (Bd. 1. S. 210); ср.: Versio «C»: «undique in potestatis nostre finibus» (Bd. i. S. 211).
- ²² Ср.: Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 3. S. 141.
- ²³ TIAir. 5: «Gif Aenglisc man Deniscno ofslea, frigman frigne, gyldo him¹ mid XXX pundum otlitlon mon tone hand daedan agyfe, and do se Denisca tone Engliscan oal swa, gif (he) bine ofslea» (Bd. 1. S. 222).
- ²⁴ IIAIr. 5,1: «Gif Englisc mon Denisce trael ofslea, gyldo hine mid punde, and se Denisca Engliscne eal swa, gif he hine ofslea» (Bd. 1, S. 222); ср.: IVAtr. 5,2 (Bd. 1. S. 234).
- ²⁵ Duns. 3: «XII lahamen scylon riht taocean Wealan and Aenglan, VT EnglisrJie and VI Wylyisce. Tolien ealles taes hy agon, gif hi woh tacon, oththe goladian hi, taet hi bet ne cuthon» (Bd. 1. S. 376); ср.: Duns. 4: «Teah aet slaeHyhtlan lad teorle, Aengliscean oththe Wiliscan. gyldo angyldes laet he mid beled waes. Taes ("fines gyldes nan ting, ne taes wites te ma» (Bd. 1. S. 376); Duns. 5: «Gif Wonlh Englis(o)no man ofsloa, no toarf ho hine hi-don-nfer buton bn hcalfan wore¹ gyldau, no Aenglisc Wyli(s)cne geon-ofer to ma, sy he logonboron sy he ceorl-boron; hoalf wcr taer aet-boalth» (Bd. 1. S. 370).
- ²⁶ HCN. 83 (Bd. 1. S. 366).
- ²⁷ WI. lad. 1: «Gif Engliscman beclypath aenigne Fraenciscne mann t^Ai orneste for tcofte oththe for man-slihle oththe for aenigan tin-gan, te gebyrigo orneste fore to beonne oththe dom botweox twam manniim, haebbe ho fullo leafo swa to doime. And gif se Englisca for saocth taot orneste, to Kroncisoa, te se Englisca beclytath, ladigo hin(! mid athe ongoan Jiino mid his gowilriessc aefter Normaii-discore lage» (Bd. 1. S. 482); ср.: WI. lad. 3,1: «Aet eallan utla-ga-tingan se cyng gesotte, laet so Englisca ladige hine mid irene. And gif so Englisca body path Frenciscne mid utlagan tingan, and willo hit tonne on him gesolhian, se Frencisca bewerie hine mid ornosle. And gif se Englisca no durre hine to orneste beclypian, werige hine se Fraencisca mid unforodan athe» (Bd. 1. S. 484).
- ²⁸ Hn. 48,2a (Bd. 1. S. 571).
- ²⁹ Grillh. 4: «And lus liiltslod on tarn da gum inne mid Englum, taet gif feorhscyldig man cyning gesohte, arcebisceop oththon aetheling, tonne ahto he nigon nihta grith feoro to gebeorge, butan him se cyng rumran fyrsles gcunnan wolde» (Bd. 1. S. 470).
- ³⁰ Cn. 1020, 9 (Bd. 1. S. 274); ср.: IIGn. 83 (Bd. 1. S. 366); см. также: Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 2, H. 2. S. 284.
- ³¹ См., напр.: J. Hoops. Reallexikon der germanischen Altertums-kuiido. Strassburg, 1911-1919, S. 90.
- ³² Til. Inscr. Pro. (Bd. 1. S. 9); HI. Pro. (Bd. 1. S. 9); Wi. Inscr. (Bd. 1. S. 12).
- ³³ Venorabilis Bedae historia occlosiaslica genlis anglorum // Boda Venorabilis. Opera historica. Vaduz, 1964. Vol. 1 (Далео: Beda). III, 8: «Eadbald rex Cantuariorum».
- ³⁴ Ine Pro.: «Ic Ine, mid Godes gife Wesseaxna Kyning» и Quadr.: «Wostsaxonum rex» (Bd. 1. S. 89).
- ³⁵ At. El. 49,10: «Aelfred Westseaxna cyning» (Bd. 1. S. 46) и Quadr.: «Westsaxonum rex» (Bd. 1. S. 47).
- ³⁶ Af. 49,9 (Bd. 1. S. 46).
- ³⁷ AGu. Inscr. Pro.: «ealles Angelcynnes» (Bd. 1. S. 126).
- 8 E. A. Шервуд
- 209**
- ³⁸ «ealles Angelcynnes witan» — там же и Quadr.: «omnes Anglie sa-pientes» (Bd. 1. S. 127); ср. также: Af. El. 49,7 и Quadr.: «in Anglorum gente» (Bd. 1. S. 44).
- ³⁹ Af. El. 49,9: «Offan Mercna cyninges oththe on Aetelbryhtes, te acrest fulluhte onfeng on Angelcynne» (Bd. 1. S. 46).
- ⁴⁰ Ср.: Quadr. k Af. El. 49,9: «Offa Mircenorum regis uel Aetelbrih-tes, qni primus in Anglorum gente baptizatus est» (Bd. 1. S.

47).

⁴¹ VAtr. Pro. (Bd. 1. S. 236); VIIIAtr. Pro. (Bd. 1. S. 263).

⁴² VIATR. 23: «And ymbren and faestena, swa swa Scs. Gregorius Angel-cynne sylf hit gedibte» (Bd. 1. S. 252).

⁴³ Cn. 1020, Inscr.: «Cliuto rex totius Anglie ... et loll genti Anglo-rum tarn nobilibus quam plebeiis» (Bd. 1. S. 276); cp.: употребление выражений «on Angelcynne» и «Angelcyn» в «The old English Bode's ecclesiastical history of the English people». London, 1890. Ft. 1, sect. 1. P. 2, 3 и след.

⁴⁴ Cj): Be wergilde (Bd. 1. S. 458) с Be \verum: «Twa cynninges wcr-gild sie mid Engla cynne on folcricht... se waere belympat to lliam maegte taes cynecynnes and...» (Bd. \. S. 458) и Northleod 1: «Northleoda cyngcn... se wer gebiratli magum and...» (Bd. 1. S. 458).

⁴⁵ Wl. lad. Pro.: «Wilhelm cyng gret ealle ta, te tys gewrit to-cymtli, ofer call Kngla-land freondlice, and boot and eac cylh eallum manmim ofer eall Angol-cynn to bealdenne, taol is:...» (Bd. 1. S. 482).

⁴⁶ IIAs. 3 (Bd. 1. S. 152).

⁴⁷ См., напр.: IATR. Pro. (Bd. 1. S. 216); VAtr. 30 (Bd. \. S. 244); VIAtr. 37 (Bd. 1. S. 256); VIIIAtr. 5 (Bd. 1. S. 263); Gritli. II (Bd. 1. S. 471).

⁴⁸ Northleod 6 (Bd. \. S. 459).

⁴⁹ Lois. Wl. 2 (Bd. 1. S. 492); cp.: Lois Wl. 3,3 (Bd. 1. S. 494); Lois Wl. 2,2a (Bd. 1. S. 494).

⁵⁰ Grith. 6 (Bd. 1. S. 470).

⁵¹ Grith. 9 (Bd. 1. S. 470).

⁵² Grilh. 13 (Bd. 1. S. 471); cp.: Leis Wl. 2,3 (Bd. 1. S. 494).

⁵³ Leis Wl. 3,2 (Bd. 1. S. 496); cp.: Leis WJ. 2,2 (Bd. 1. S. 494); Leis Wl. 21,3 (Bd. 1. S. 508).

⁵⁴ Hn. 69, 1: «secndum... loci consueludincm» (Bd. 1. S. 587); cp.: IXATR. Pro. 1: «leode teawas» (Bd. \. S. 269).

⁵⁵ IICn. 14: «And on Myrcean ho ah eal swa hcr-beforau gewrilon is ofer ealla men» (Bd. 1. S. 318); cp.: IIGn. 15: «And on Denala-ge he ab fyhte-wita and grilh-bryce and hanvsocnc, buton he hwaene furthor gemaeth rian wylle; and gif hwa laene frit-leasan man healdo otilihe fcomrige, bete taet swa hit aer lagu wacs» (Bd. 1. S. 318); IIGn. 12 (Bd. 1. S. 316); IICn. 15,1 (Bd. 1. S. 318); IICn. 15,3 (Bd. 1. S. 320) и IICn. 62: «Gif hwa ham-socne gewyrce, gebete taet mid fif pundan tarn cynninge on Engla-lage, and on Dena-lage swa hit aer stod, and gif hine man taer afylle, liege aegilde» (Bd. 1. S. 350).

⁵⁸ IICn. 45,3: «Gif hlaford his leowan freols-daege nydo to weorce, tolige tacs teowan and beo he syththan folc-frig, and gylde lah-slit se hlaford mid Denum, wito mid Englum, be tarn te seo daed sy, oththe hine geladige» (Bd. 1. S. 344); cp.: IICn. 46: «Gif frig-man riht faesten abrece, gylde lah-slit mid Denum, wite mid Englum, be tarn te seo daed sy» (Bd. 1. S. 341); IICn. 48: «Gif hwa mid wigo godcundra gerihta forwyrne, gylde lah-slit mid Denum,

full-wite mid Englum, oththe geladige hine; nime XI and beo him sylf twelfta» (Bd. 1. S. 344).

⁵⁷ Leis Wl. 17,1: «Ki en Dene-lalie franc.h liume est, s'il ad demi marc vaillant d'aveir champslo, si duinst le den. Sain Pierre, e par le den, que li sire durrad, si erent quite cil ki meindrut en sun demeine» (Bd. 1. S. 504); cp.: Leis Wl. 21,2—4: «E s'il ne pot guarant ne teslimonie oveir, si perdorat e parsovidrad, e pert sun aveir vers sun seinur. Ceo est en Merchene-lahge e en Dene-lahge. En Westsexene-lahge ne vocherad il mie sun guarant devant iceo qu'il seit mis en guage. En Dene-laghe mettrad l'om Faveir en velo main, de ici qu'il seit derehdned; e s'il pot prover, que ceo seit de sa nureture, par de treis parz de sun visned, si l'averad derehdne; kar puis que le serment lui est juged, ne Ten pot l'om puis lever par le jugement de Engleterre» (Bd. 1. S. 508); cp.: Leis Wl. 2,2; 2,3 (Bd. 1. S. 494); Leis Wl. 3,2 (Bd. 1. S. 496).

⁵⁸ Liebermann F. Die Gesetze dor Angelsachsen. Halle, 1906. Bd. 2, H. 1. S. 158.

⁵⁹ IVEg. 12; cp.: IVEg. 13,1 (Bd. 1. S. 212).

⁶⁰ Wl. Art. 4: «Et omnis Francigona, qui tempore regis Eadwardi, propinqvii mei, fuit in Anglia particeps consiileidinnm Anglorum, quod ipsi dicunt on hlote et an scole, persolvat secundum legem Anglorum» (Bd. 1. S. 487); cp.: Wl. art. Fr. 4 (Bd. 1. S. 488); Hn. 75,7a и 75,6 (Bd. 1. S. 592).

⁶¹ Wl. lad. 1 (Bd. 1. S. 482).

⁶² IICn. 71,2: «And medemra toгна: hors and bis geraethlan and his waepn oththe his healsfang on West-sexan, on Myrcan twa pund and on East-Englan twa pund» (Bd. 1. S. 358).

⁶³ IICn. 71,3: «And cynninges tegnes here-geata inne mid Denum, te his socne haebbo, feowor pund...» (Bd. 1. S. 358).

⁶⁴ Duns. 2,1: «Aefre ymb IX nibt gebyreth betweox taem slaethum, taet mon othrum riht wyrce, ge act lade go aet aelcre spraece, te him betweox bith. Ne slont nan other lad act tihtlan butan ordal betwoox Wealan and Englan, bute man tafian wille. Of aegthran staethe on other man mot badian, bute man elles rilit begytan maegge» (Bd. 1. S. 376); cp.: Duns. 8-8,4: «Gif mon orf befo, and man ofer stream hit tyman wylle, tonne sette moa in-borli oththe under-wed lecce, taet seo spree ende haebbe. Se te hit him to-teo, sylle sixa sum tone ath, tact he hit him swa to — teo, swa hit him leof-slolen waere, and se le hit tymo, sylle ana tone ath, taet he hit to taere handa tyme, te him sealde. Gif hit man begeondan streame agnian wyllo, tonne sceal luet beon mid ordale. Gelice tarn Aenglisc sceal Wyliscan rihte wyrccan» (Bd. 1. S. 378); Duns. 4 (Bd. 1. S. 376).

⁶⁵ Duns. 5 (Bd. 1. S. 376).

¹¹⁶ Duns. 6,2 (Bd. 1. S. 378); cp.: *Lle.bermann F.* Die Geselzc dor Angelsachsen. Bd. 3. S. 219.

⁶⁷ Duns. 6; 6,1; 6,2: «Nab nather to farcnne no Wylisc-mau on Aeng-lisc-land ne Aenglisc on Wylisc te ma, butan gesettan landmen, se liine sceal aet staethe underfon, and eft taer butan facne ge-bringan. Gyf se land-man aeniges facnes gewita sy, tonne sy he wites scyldig, buton he hine taero gewitnesse geladie. Swa eac aelc te gewita oththe gewyrhta si, taer utlendisc man inlendiscan derie, geladie taere mid-wiste be tes orfes weorthe, and taet sy cure-am, and se te hine belecce, ofga his spraece mid for-athe.

210

211

8*

Gif teos lad theorie, gylde twygylde and hlaforde his wite» (Bd. 1. S. 376).

⁶⁸ Duns. 1-8,4 (Bd. 1. S. 374-378).

⁶⁹ Duns. 6 (Bd. 1. S. 376).

⁷⁰ См., напр.: Корсунский А. Р. Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе // СВ. М., 1968. Вып. 31. С. 133.

⁷¹ ICn. 3,2: «Heafod-mynstres grilh-bryco is aet bot-wyrthum tingum he cyninges mirade, taet is mid V pundum on Engla lage, and on Centlande aet tain mundbryco V pund tarn cingce and treo turn arcebiscope, and medemran mynslrcs mid CXX scill., taet is, bo cyninges wile; and tonne gyt laessan, taer lytel toowdon sy, and le-ger-stow teah sy, mid LX scill., and feld-cirice taer loger-slow ne sig, mid triltigum scill» (Bd. 1. S. 282); cp.: Ath. 2: «Maesso-preoslos ath and woruld-Legones is on Engla-lago gefeald efen dyre; and for tarn seofon ciric-hadan, te se maesse-preost lurch Godes gife geteah taet he haefdo, he bilh tegen-rihtes wyrthe» (Bd. 1. S. 464) (950-1050 гг.); IIGn. 15,1 (Bd. 1. S. 318); IIGn. 15,2 (Bd. 1. S. 319).

⁷² Birch W. *Carularium saxonicum: a collection of charters relating to anglo-saxon history*. London, 1885—1893 (Далее: Birch.). 1040 (958 г.).

⁷³ Birch. 882, 884, 911 (949 г.).

⁷⁴ IIGn. 2a: «And we laorath, tael, teah hwa agylte and liine sylfno deope forwyrce, tonne gefadige man ta sleore, swa hit for Godo sy gebeorhlic and for worulde aberendlic. And ge teuce swilho georne, se lo domes geweald age, hwaes he sylf gynie, tonne lie tus cwohlhe: Et diniilte nobis dcbila noslra, sicul el nos dimilliimis, laet is on Englisc: And forgyf us, Drill leu, fire gyltas, swfi we for-gyfalh tain, te with us agyltath» (Bd. 1. S. 308).

⁷⁵ Cn. 1027, Inscr. (Bd. 1. S. 276).

⁷⁶ Cn. 1027, Inscr.: «Rex lotius Auglie» (Bd. 1. S. 276); cp.: ICn. Pro.: «Tis is seo geraednys, le Cuul cyninge, eallos Englalandes cyningc and Dena cyninge and Northrigena cyninge, mid his wi-lona geteahthe geraedde, Gode to lofc and him sylfum to cynscipio and to tearfe, and taet waes on taero halgan mid-wintres lido oil Wintan-ceaslre» (Bd. 1. S. 278).

⁷⁷ IIAtr. 7: «And gif man secge on landos-mann, lael he orf staele oththon man sloge, and hit secge an sceith-man and an landes-man, tonne ne beo he nines and-saeces wyrthe» (Bd. 1. S. 224) и Quadr.: «compatriota» (Bd. 1. S. 224).

⁷⁸ Homilies of Aell'iic. London, 1968. Vol. 1-2, 26.

⁷⁹ IIAlr. 1,1: «And gif aenig scip-here on Engla-lande hergie, taet we habban heora ealra fniluini; and wo him sculon niele i'indan, ta hwile te by mid us beolh» (Bd. 1. S. 222); cp.: IIAtr. 7,2 (Bd. 1. S. 224); IIAlr. 7 (Bd. 1. S. 224); Cn. 1020, 1 (Bd. 1. S. 273).

⁸⁰ IIAlr. 1,2: «And aelc taera landa, le aenigne frUhige laera, te Aengla-land bergie, beo hit ullah with us and willi ealne here» (Bd. 1. S. 222).

⁸¹ ICn. Pro. (Bd. 1. S. 278); cp.: ICn. 17,1: «And Sole. Eudwarcades maesse-daeg witan habbath gecoren, taet man freolsiaii sceal ofer eall Engla-land on XV kal. April. And Scte. Dunslanes maesse-daeg on XIII kal. Junii» (Bd. 1. S. 298) и Quadr.: «per totam Angliam» (Bd. 1. S. 297); IIGn. Pro.: «Tis is tonne seo woruldcunde geraed-212

nos, te ic wille mid minan witeman raede, laet man healde ofer eall Engla-land» (Bd. 1. S. 308); Forf. 2 (Bd. 1. S. 388); Consilia-tio Cnuti: «per tolam regionem» (Bd. 1. S. 398) и Quadr.: «per lo-tam Angliam» (Bd. 1. S. 391); см. также: *Liebermann F. Die Ge-setze der Angelsachsen*. Bd. 3. S. 229.

⁸² WJ. lad. Pro.: «Wilhelm cyng grel ealle ta te thys gewrit to cymth ofer eall Engla-land freondlice and boot and eal cytli oallum marmum ofer eall Angelcynn lo hoaldioine, laol is:...'» (Bd. 1. S. 482); cp.: *Leis Wl. I'm*. (Bd. 1. S. 192).

⁸¹ Нельзя согласиться с переводом вышеприведенного закона Ф. Либерманом (Bd. 1. S. 482), который трактует термин «Ang-golcynn» как «iiber ganz England»; cp.: Quadr.: «per lotam Anglie nationem» (Там же), тем более что понятие «patio» не отражало в те века «государственное» представление. Оно скорее отражено термином «Engla-land», нежели понятием «Angelcynn». Да и сам Либерман, приводя объяснение к этому закону, трактует «Angelcynn» как «народ англвов» (*Liebermann F. Die Gesetze dor Angelsachsen*. Bd. 3. S. 273); cp.: *Leis Wl. Pro.*: «pople de En-gloterre» (Hk) и «populo Anglorum» (L) (Bd. 1. S. 492, 493).

⁸⁴ Wl. Art. 4: «Et omnis Erancigena, qui lempore Eadwardi, propin-qui nostri, fuit in Anglia parlicepts consuetudinmn Anglorum, quod ipsi dicunt an hlote et an scote, porsolvat secundum logem Anglo-rum» (Bd. 1. S. 478); cp.: *Adamus Bremensis. Hamburgische Kir-cheiigeschichte*. Hannover; Leipzig, 1917 (Далее: *Adamus*). 238, 12; 5, 12; 5, 9.

⁸⁵ Ine Rubr. 25: «Be ciere-monna fore uppe on londe» (Bd. 1. S. 25); cp.: Ine 25 (Bd. 1. S. 100).

⁸¹¹ Ine 64: «Se le haeflh XX hida, se sceal laecan XII Inda geseltes

lande.s, tonne he faran wille» (Bd. 1. S. 118); cp.- Ine 65 и 67

(Bd. 1. S. 118) и Ino 51 (Bd. 1. S. 112). ⁸¹ IIAlr. 3: «...go on lande ge on waoloro, ge binnun inulh an go bu-lan» и Quadr.: «in lerris el in aqnis, el inlra porlum et, extra»

(Bd. 1. S. 222).

⁸⁸ См., напр.: EGu. II (Bd. 1. S. 134); VAlr. 35 (Bd. 1. S. 246); Reel. 21,3 (Bd. 1. S. 452); Ger. 1: «hlaforods landriih» (Bd. 1. S. 453); Af. 13 (Bd. 1. S. 56); Ine Rubr. 32 (Bd. 1. S. 22); Ine Rubr. 64 (Bd. 1. S. 26); cp.: Ine Rubr. 67 (Bd. 1. S. 26); Duns. 1,2 (Bd. 1. S. 374); Ine 45 (Bd. 1. S. 108); IIEw. 4 (Bd. 1. S. 142); UAs. 8: «lundleasum rmannum» и «lundleas mon» (Bd. 1. S. 154) и Quadr.: «qui terrain non habol» (Bd. 1. S. 151); IIEg. 1,1: «of tegnes inlande ge of geneatlando» (Bd. 1. S. 196) и Quadr.: «de terra tainorum et uillanorum» (Bd. 1. S. 197); IVEg. 8,1: «landri-ca» (Bd. 1. S. 212); cp.: Versio «C»: «lerre ipsius dominus» (Bd. 1. S. 213) и IIAlr. 3,2; 3,3 (Bd. 1. S. 228); IIAtr. 4,1; 5; 7 (Bd. 1. S. 230); HCn. 37 (Bd. 1. S. 338); ICn. 8,2 (Bd. 1. S. 292); IIGn. 78 (Bd. 1. S. 364) и IIGn. 77: «scipfyrde» и «landfyrde» (Bd. 1. S. 364); Norlhu. 49 и 54 (Bd. 1. S. 383); Northu. 58 (Bd. 1. S. 384).

⁸⁹ IATR. Pro.: «on Mercena lande» (Bd. 1. S. 216) и Quadr.: «in Mir-ceiia lande (id est in terra Mircenorum)» (Bd. 1. S. 217); Af. El. Pro.: «Egipta londe» (Bd. 1. S. 26); Lond. Ecf. 32, E: «Wynelan-dia» (Bd. 1. S. 659).

⁹⁰ Ine Ruhr. II: «gelondan — compalriolas» (Bd. 1. S. 20); cp.: IIAtr. 7 (Bd. 1. S. 255) и Duns. 1 (Bd. 1. S. 374).

⁹¹ Wi. 4 (Bd. 1. S. 12).

⁹² IIAtr. 10: «And aelc flyma beo flyma on aelcum lande, le on

213

anum sy>>» (Bd. 1. S. 230); cp.: Wif. 7: «tegenes land» (Bd. 1. S. 442); IIAtr. 1, 2: «And aelc tlmora landa the aenigno frithige Ilaora the Aengla-land hergie, boo hit utlali willi us and with ealne here» (Bd. 1. S. 222); cp.: Abt. 23 (Bd. 1. S. 4); VIAs. 8,2 (Bd. 1. S. 178); см. также: *Liebermann F. Die Gesetze dor Angelsachsen*. Bd. 2. S. 478; cp.: S. 311.

⁹³ Abt. 23 (Bd. 1. S. 4); cp.: HCn. 55: «Aelteodige men, gif big heora haemed rihtan nellan, of lande mid heora aelitum and

synnan ge-wilan» (Bd. 1. S. 348).

⁹⁴ LICn. 78: «iinau lunde» и «of lande» (lid. i. S. 304); ср.: Jrislilu-la Cnuli: «in palria» и «exlra patria» (Там же). Однако нельзя придавать последнему латинскому переводу этническое значение, поскольку речь идет не об ипоэтической среде (extra pal-ria), а о пребывании на море (см. также: *Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 3. S. 213). В данном случае отражено влияние на жизнь англосаксов и оформление их государственной границы географической среды; ср. также: IVKg. 14,2: «And tes oaca sy us ealhirn gemaene, te on tissum Tglandiim wunath» (Bd. 1. S. 215 — «И пусть будет это добавление всем обще, поскольку мы на этих островах живем»).

⁹⁵ *Liebennunn F.* Die Gesetze der Angelsachsen;]. 13d. 3. S. 152; ср.: *Freeman E.* History of the normian conquest of England, its causes and its results. Oxford, 1876. Vol. 1. P. 538.

¹⁶ *Liebermann F.* Die Ge.«ot/e der Angelsachsen. Bd. 2, II. 2. S. 283.

⁹⁷ Birch. 926.

⁹⁸ Birch. 507 (863 г.).

⁹⁹ Lond. ECf. 32 0 la: «Saxones nero Germanic cum ueniunl in reg-no, suscipi debcnl et protegi in regno islo sicnl, co'iuurati fralros nostri et sieut proprii ciues regni huius: oxierunt enini quondam do sanguine Anglorum, scilicet de Engra cinitale, et Anglici do sanguine illorum et semper eff'iciunhir popiilns uiuis el gens mm» (Bd. 1. S. 658).

¹⁰⁰ См., напр.: Beda V 30, 32, 33; VI, 28, 37; 1, 14, 15, 22. ¹¹¹ Beda 1, 23.

¹⁰² ECf. 35, Id (Bd. 1. S. 665).

¹⁰³ Lond. ECf. 32 C la (Bd. 1. S. 658).

¹⁰⁴ Lond. ECf. 32 A (Bd. 1. S. 6Г>5); ср.: Lond. ECf. 32 C 4 (Bd. 1. S. 658).

¹⁰⁵ Lond. ECf. 32 D 6 (Bd. 1. S. 659).

¹⁰⁶ KCf. 33 (Bd. 1. S. 660).

¹⁰⁷ *Liebermann F.* Die GeseUe dor Angelsachsen. Bd. 2, H. 1. S. 189.

¹⁰⁸ См., напр.: *Chadwick H. M., Chadwlck N. K.* The Growth of literature. Cambridge, 1932. Vol. 1. P. 373.

¹¹⁹ Lond. ECf. 32 C 7: «Uniuersi predict! (т. е. англ., саксы, гуты, а также бритты) semper postea pro comrmmi ulilitalc rororie regni in simul et in unum uirililer contra Danos et Norwegiensens semper steterunl; et atrocissimo unanini nolmlate in globum pro patria et pro commiuii uutilitate contra inhnieos pngnaaicinl et bella atrocissima in regno gesserunt» (Bd. 1. S. 059); ср.: Lond. ECf. 32 A 5: «Statulum est enim, quod ibi debcnl populi omnes, et gentes uniuerse... conueniro... ad defendum regnumi contra alieni-genas, et contra inimicos, una cum domino suo rege, et terras el honores illius omni fidelitale cum eo seruare, et quod illi ut domino suo regi intra et extra regnum uniuersum Britannie fideles esse uolunt» (Bd. 1. S. 655).

¹¹⁰ Lond. ECf. 32 C 6: «Et tali modo effecti fueruut gens una et popu-

214

lus unus per uniuersum regnum Britannie miseratione diuina. Deinde uniuersi uocauerunt regnum Anglorum, quod ante uocatum fuit regnum Britannie» (Bd. 1. S. 059).

¹¹¹ Lond. ECf. 32 C 1: «Guti uero similiter cum ueniunt suscipi de-bent, et prolegi in regno isto sicut conjurati fratres nostri et sicut propinqui et proprii ciues regni huius: exierunt enim quondam de nobili sanguine Anglorum...» (Bd. 1. S. 658).

¹¹² Lond. ECf. 32 C 4 (Bd. 1. S. 058).

¹¹³ Lond. ECf. 32 C 3: «Cepit enim praedictns Ina in uxorem suam Gualam nomine, propler quam uocata est Wallia ilia terra quae quondam uocabatur Cambria. Bigamus enim fuit. Cepit autem cum ultima uxore sua Cambriam, et Cornubiam, et coronam benedic-tain Britanniae, quae fuerat ultimo Cadwaladro regi Britanniae» (Bd. 1. S. 658).

¹¹⁴ Lond. ECf. 32 C: «De illis, qui possunt et debent de hire cohabi-tare et romanere in regno Britannie. Britones uero Armorice cum uoniunt in regno isto, suscipi debent et in regno protegi sicut proprii ciues: de corpore regni huius exierunt quondam, de sanguine Britonum regni huius» (Bd. 1. S. 658); ср.: Lond. ECf. 32 C4 (Bd. 1. S. 658).

¹¹⁵ Lond. ECf. 32 A 6 (Bd. 1. S. 655)

¹¹⁶ AGn. Inscr. Pro. B+ p. 83 (Bd. 1. S. 126); ср.: AGu. 2 (Bd. 1. S. 126).

¹¹⁷ См., напр.: *Biography of a nation.* London, 1970. P. 14.

¹¹⁸ См., напр.: *Fournier G.* L'occident de la fin du V-e siecle a la fin du IX sicclc. Paris, 1970. P. 360; ср.: *Freeman E. A.* The historical geography of Europe. London, 1882. Vol. 1. P. 163-167.

⁴⁹ См.: *Freeman E. A.* History of the norman conquest of England, its causes and its results. Oxford, 1877. Vol. V. P. 536.

¹²⁰ См., напр., выражение «Angelteode > Seaxum» в: *The old English version Bode's ecclesiastical history of the English people». P. 2 и след.*

¹²¹ См., напр.: *Gif In sunn age oththo*

swaesne maog oththe on is.sum folcurn freond aenigno

(All-und Miltlcnglischlo Toxle. Heidelberg; New York, 1914. Bd. 7. S. 35). Понятия «sunn», «maeg», «folc» наполнены в этом случае одним смыслом — см.: *Beouulf. Mil ausl'uhrliehen Glossar. l'aderborn, 1863 (Далее: Boov.). 74-70.*

¹²² Beda III 24.

¹²³ См., напр., для VII в.: Ino 1,1 (Bd. 1. S. 88); ср.: *Wi. Pro. 2: «and cwaelh aelc had ciricean thaere maogthe anmodlico mid ty horsuman folcy»* (Bd. 1. S. 12); см. для XI в.- ICn. 4,1; ср. • ICn. 4,3 (Bd. 1. S. 284); ICn. 26,3 (Bd. 1. S. 306); Nortlm. II (Bd. 1. S. 381); Excom. VII 24 (Bd. 1. S. 439); ср.: Excom. VII 2 (Bd. 1. S. 438); см. также: *Liebermann F.* Die Gesetze der Angcl-sachsen. Bd. 3. S. 26, 252.

¹²⁴ *Wi. 24: «Gif folces-mannis esne tihte cirican-mannes esne, olhthe cirican-mannes esne tihte folces-mannes esne, his drybten nine ano his athe geclensige»* (Bd. 1, S. 14).

¹²⁵ См., напр.: *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

¹²⁶ EGu. 3,1: «and gif maessepreost folc miswissige» (Bd. 1. S. 130)

¹²⁷ Af. El. 13 (Bd. 1. S. 30); IEw. Pro. (Bd. 1. S. 138); IEw. 8 (Bd. 1. S. 144 - folcrlhtes во множ. числе); IIAs. 2 (Bd. 1. S. 150);

215

ср.: IIEm. 7 (Bd. 1. S. 188); VIAs. 1,1 (Bd. 1. S. 173); IIIEg. 1,1 (Bd. 1. S. 200); Reel. 21,4: «...feola syndon folc-gorililu...» (Bd. 1. S. 452); ср.: Rect. 21,1 и 21,2 (Bd. 1. S. 452); Mirce. 3 (Bd. 1. S. 462); Judex 3 (Bd. 1. S. 474); Duns. 1,2 (Bd. 1. S. 374); также и в поэзии — см., напр.: *Beov. 2008.*

¹²⁸ *Becwaeth. I (Bd. 1. S. 400); ср.: Gor. 1: «So scadwis gerefa sceal aegthaer witan go hlafordes laridriht ge folces geribtu...»*

(Bd. 1. S. 453).

¹²⁹ Af. El. 13 (Bd. 1. S. 30); IICn. 30,9 (Bd. 1. S. 334).

¹³⁰ Af. Ruhr. 32 (Bd. 1. S. 18); IICn. 33 (Bd. 1. S. 336); cp.: VIAs. 8,9 (Bd. 1. S. 176).

¹³¹ Af. 22 (Bd. 1. S. 62); cp.: Af. 34 (Bd. 1. S. 69); Af. 38,1 (Bd. 1. S. 72); IIAs. 2 (Bd. 1. S. 150); VAs. 1,1 (Bd. 1. S. 150); VAt. 13,1 (lid. 1. S. 240); cp.: VIAtr. 22,1 (Bd. 1. S. 252); IICn. 33 (Bd. 1. S. 336).

¹³² IIn. 69,1: «loci consnctiudinem» (Bd. 1. S. 587).

us VIAs. 4: «...taer mare folc sig, swa of anre teollmngæ laer laesse folc sy» (Bd. 1. S. 175-170).

¹³⁴ IICn. 69; cp.: IICn. 09,1 (Bd. 1. S. 358).

¹³⁵ ICn. 6a (Bd. 1. S. 288); cp.: Grilb. 31 (lid. 1. S. 473); Sacr. Cor. 1 (Bd. 1. S. 214); cp.: Sacr. Cor. 1,1 (Bd. 1. S. 216); VAlr. 3,1; cp.: VAt. 4,1 (Bd. 1. S. 238); VAt. 10,1 (Bd. 1. S. 240); VI Air. 2,2 (Bd. 1. S. 240); VIAtr. 13 (Bd. 1. S. 250); cp.: VIAtr. App. 41 (Bd. 1. S. 256).

¹³⁰ Norlhu. 46 (Bd. 1. S. 382).

¹³⁷ См., напр.: Af. 40,2: «in folce» (обществоп.тй — Bd. 1. S. 74); Af. El. 37 (Bd. 1. S. 40); Af. El. 41 (Bd. 1. S. 40) и Quadr.: «lur-ba» (Bd. 1. S. 41); HErn. Pro. (Bd. 1. S. 180); III Kg. 7: «l'olco un-golriewe» (Bd. 1. S. 204) и Quadr.: «popnlo incredibilis» (Bd. 1. S. 205); IVEg. 15 (Bd. 1. S. 214); JAIr. Pro. (Bd. 1. S. 216); EGu. II (Bd. 1. S. 134); VIAtr. 34 (Bd. 1. S. 244); VIIAIr. 1 (Bd. 1. S. 262); VAlr. 28; cp.: VAt. 28,1 (Bd. 1. S. 244); IXAIr. Pro. 1 (Bd. 1. S. 209); и др.

¹³⁸ Af. 40,2 (Bd. 1. S. 75); Af. Ruhr. 32 (Bd. 1. S. 19); Af. El. 12 (Bd. 1. S. 31); Duns. 1,2 (Bd. 1. S. 375); EGu. 3,1 (Bd. 1. S. 131); EGu. II (Bd. 1. S. 135); Af. El. 37 (Bd. 1. S. 41); Af. 22 (Bd. 1. S. 03); Af. 34 (Bd. 1. S. 09); Af. 38,1 (Bd. 1. S. 73); Af. 40,2 (Bd. 1. S. 75); Ino 1,1 (Bd. 1. S. 89); Ine 25 (Bd. 1. S. 101); IEw. Pro. (Bd. 1. S. 139); IIAs. 2 (Bd. 1. S. 151); VIAs. 4 (Bd. 1. S. 170); VIAs. 8,9 (Bd. 1. S. 170); ICn. Oa (Bd. 1. S. 288); IICn. 30,9 (Bd. 1. S. 335); Judex 3 (Bd. 1. S. 474); Episc. 8 (Bd. 1. S. 478); lAtr. 1,9a (Bd. 1. S. 219); lAtr. 4 (Bd. 1. S. 221); cp.: *Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache*. Leipzig, 1853. Bd. 1. S. 229.

¹³⁹ См., напр. - *Winick Ch. Dictionary of anthropology*. Now York, 1956. P. 217.

**** Duns. 1,2 (Bd. 1. S. 374); cp.: Boov. 2008: «folc rilita» n Beov. 2880: «lond-rihlos».

¹⁴¹ Af. El. 12: «cUbeodig folc» (Bd. 1. S. 30); cp.: EGu. II (Bd. 1. S. 134); Lond. Ecf. 32 A 0 (Bd. 1. S. 005).

¹⁴³ EGu. II (Bd. 1. S. 134); I Air. Pro. (Bd. 1. S. 210); Ger. 1: «go blafordes landriht go folces gerihtu» (Bd. 1. S. 453); cp.: Be we-rum 1: «Twa cyninges wergild sie mid Engia cynno of folcriht... se waoro belympat to tþam maegte times cynecynnes and cynebot to tþam landleod» (Bd. 1. S. 458); Northleod 1; cp.: Be wergilde 1 (Bd. 1. S. 458); Lond Ecf. 32 A 0 (Bd. 1. S. 605); см. также: *Lie-bermann F. Die Gesetze der Angelsachsen*. Bd. 3. S. 348.

216

^{147 148}

^{161 162}

См., напр.: *Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen*. Bd. 3. S. 5 - «leod», т. о. парод, поддан шло вообще; cp.: Там же. Bd. 2, II. 2. S. 549; Bd. 2, II. 1: «Leulo, Volk». S. 133; Bd. 3. S. 141; Bd. 2, H. 1. S. 133; «leodscipe», т. е. «Volk, Untertanenschaft, Volkerschaft, Stammesprovinz, Landesheil»; «theod» (teod) — «Slamm, Volksheil» - Bd. 2, H. 1. S. 219; cp.: «Volk» - Bd. 3. S. 51, 175 (примеч. к закону lAtr. 9 - Bd. 1. S. 250); Bd. 3. S. 187; Bd. 2, II. 2. S. 219; Bd. 3. S. 258 (leod - ciuonira teod, cp. teoden); Bd. 2, II. 1. S. 219; cp.: Bd. 2, H. 1. S. 220. См., напр.: *lirunner // Deutsche Rechtsgeschichte*. Leipzig, 1892. Bd. 2. S. 12; *Rliamm K. Die Grosshui'en der Nordgermanen*. Braunschweig, 1905. S. 778.

См.: *Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen*. Bd. 3. S. 5; cp.: *Idem. The National assembly in the Anglo-Saxon period*. Halle, 1913. P. 4.

Abt. 2: «Gif cyning his leode lo him gohaeth, and boom mon taer yfel godo, II bole and cyninge L scillmga» (Bd. 1. S. 3).

Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 3. S. 5. «...swaese maon in leodum ciricliar.aos gcmnan ungeslrodyno lo-ligen» (Bd. 1. S. 12).

«Gif man leud ofslea an looflbc, liege buta7i wyr-gelde» (Bd. 1. S. 14).

Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 2, II. 1. S. 133; «leud» как архаическая форма от «leod» (freier Mann) — Там же. Bd. 3. S. 29. Wi. 4: «Aeltheodige maen, gif liio hiora haerned rihtan nyllalh, of lando mid hiora aolitum and mid syinum gewiten» (Bd. 1. S. 12).

Здесь можно согласиться с переводом Ф. Либсманна — «inner-lialb dieses Landes» (т. е. «внутри этой страны») (Bd. 1. S. 128; Bd. 2, II. 2. S. 133).

Abl. 7: «Gif eyniges ambiht-smilli oththe laad-rinc mannan of-slohlli, mcdmnaii leodgelde forgeldc» (Bd. 1, S. 3); cp.: Abt. 21: «Gif man niannai ofslaclith, niedimio leod- geld C scillinga gobu-lo» (Bd. 1. S. 4).

Abt. 22: «Gif man mannan ofslaeblli, ael openum graefc XX scillinga forgelde and in XL iiihta ealne leod i'orgelde» (Bd. 1. S. 4); cp.: Abt. 23 (Bd. 1. S. 4).

Hrunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 120.

Abt. 23 (Bd. 1. S. 4): «Gif bana of lando gowTlelh, la magas healf-ne leod forgelde;».

Ine II (Bd. 1. S. 94) и Quadr.: «compatriotus» (Bd. 1. S. 95). IMC Rubr. II (Bd. 1. S. 20) и Quadr.: «compatriolus» (Bd. 1. S. 21). Ф. Либсманн переводит это слово как «Landsmann» (Bd. 1. S. 70).

IEg. Pro. (Bd. 1. S. 194): «Tis is so 6 goraednes, to Eadgar cyng mid bis wilena geleable geraedde, Gode lo lofe and him sylfum lo cynescipe, and eallum his le<3dscipe to learfe»; cp.: IVEg. Pro. (Bd. 1. S. 206); IVEg. 12,1 (Bd. 1. S. 212); IV Eg. 2; cp.: IVEg. 2,1 (Bd. 1. S. 210). Bd. 1. S. 195.

Ср.: Versio «C» k IVEg. 2: «in unaquaque regiono» (Bd. 1. S. 209); IVEg. 2,2: «Sy teahhw aethere taes raed gomacne eallum leodscipe, aegther ge Anglum, ge Denum ge Bryttum, on aelcum ende mines anwealdes...» (Bd. 1. S. 210). IIAlr. 1: «Tael aorost, laet worold-frith stande betweox Aothelrede

217

cyngæ and eallum his leodscipe and callum lam liore, te so cyng taet feoh sealde, aefter lain formalan, te Sigoric arccebi.sccop and Aelhelweard oaldorman and Aoli'ric ealdorman worhlon, la hy abaedon aet tam cyngæ, taet hy mostai lam laoppa frilli gebicgean, te hy under cyngces hand oferhaefdon» (Bd. 1. S. 220).

¹⁶⁴ См., напр.: «leodbiscopas» - Cn. 1020, 1 (Bd. 1. S. 273); Cn. 1020, 8 (Bd. 1. S. 273); Cn. 1020, 20 (Bd. 1. S. 275).

¹⁶⁵ IIGn. 58,2: «leodbiscopeos othlthe eahlormannes»; cp. IICn. 58,1: «arcebiscopeos olhlic aolelingces» (Bd. 1. S. 350);

Griili. 5: «leod-biscop ollilhe eaidonnan» (Bd. 1. S. 170).

¹⁶⁶ IXAIr. Pro. (Bd. 1. S. 200).

- ¹⁰⁷ Red. 21,3: «...Forlam laga sccal on leode liiflce leormaii, lof se te on lande sylf nole leosan» (Bd. 1. S. 452) -000 (1025)-1060 гг.
- ¹⁶⁸ Reel. 21,3; ср.: Rod. 21,4: «Foola syulon i'olcgorihlu: on sumre theode» (Bd. 1. S. 452); Heel, 21,1; 21,2 (Hd. 1. S. 452).
- ¹⁶⁹ Getynclho. 1 (Bd. 1. S. 456) и Quadr.: «comes et nillanus, tainus ot alii singuli»; ср.: Instiluta Cnuti III: «comiti el uillano, liberal! et subliberali» (Bd. 1. S. 457).
- ¹⁷⁰ Ср. рукопись «H» к Gelynctho англосаксонских законов, которая носит наименование «Bo leode getinclhum and lagc» (Bd. 1. S. 450).
- ¹⁷¹ См., напр.: Synewulf's Elene 20: «Hima loode and llrethgolan»; ср. 58: «Нила and llrellia here» и VVidsid 120: «Hrelha here».
- ¹⁷² См.: использование данного глагола в «Coiloqui» Эльфрика — «Aelfrigr's colloqni»; ср.: HEw. 4 (Bd. 1. S. 142) At'. El. Pro. (Bd. 1. S. 26); Af. 8 (Bd. 1. S. 54); /l'. 8,1 (Bd. 1. S. 54); Duns. 1,2 (Bd. 1. S. 374).
- ¹⁷¹ Ine Pro. (Bd. 1. S. 88).
- ¹⁷¹ Готское «goiki» (reiks); древневерхнепем. «gibbi» (riclii); древнепепорв. «iki» (*Жирмунский IS. M. История немецкого языка*. М., 1965. С. 14; *Griinni J. Gescliirile dor deutschcn Spruche*. Bd. 1. S. 215, 286).
- ¹⁷⁵ Beov. 171-178.
- ¹⁷⁶ См., напр.: Beov. 464-468.
- ¹⁷⁷ Beov. 71-76.
- ¹⁷⁸ Beov. 172.
- ¹⁷⁹ Boov. 1298.
- ¹⁸⁰ Beov. 858-801.
- ¹⁸¹ Boov. 415-467, 1390, 2027, 2207, 3080; ср.: Ine 10: «Gil liwa bin-nan tarn gemaerim ures rices real!ac and nidnaeme do...» (Hd. 1. S. 94).
- ¹⁸² Beov. 309-310, 399, 3080.
- ¹⁸³ Beov. 171-172, 1297-1298.
- ¹⁸⁴ Beov. 3003—3004; ср.: Ine 45: «Byrg-bryce inon seel betan CXX scill. Kyningos and biscepes, and laer II is rice (курсив наш. ~ K. III.) bith...» (Bd. 1. S. 108); Wi. Pro.: «Tarn mildestan cyninge Canlwara Wililraode rixigendm to i'iflan winlra liis rices» (Bd. 1. S. 12); As. Aim. Pro. (Bd. 1. S. 148); As. Aim. 2 (Bd. 1. S. 149); IVEg. 8,1 (Bd. 1. S. 212); HIAlr. 3,2; 3,3 (Bd. 1. S. 228); IIIAtr. 4,1; 5; 7 (Bd. 1. S. 230); IICn. 37 (Bd. 1. S. 338); ICn. 8,2 (Bd. 1. S. 292); Norlhu. 49; 54 (Bd. 1. S. 383); Norlhu. 58 (Bd. 1. S. 384); Nor. grith. 4 (Bd. 1. S. 473) и «The old English Version Bede's ecclesiastical history of the English people». P. 6—9.
- ¹⁸⁵ Beov. 859-861; ср.: IVEg. 13.1 (Bd. 1. S. 212).
- 218
- ¹⁸⁹ ¹⁹⁰
- ¹⁹¹ ¹⁹² ¹⁹³
- ¹⁸⁶ Beov. 171-172, 309-310, 399, 465-467. 1297-1298, 1390, 2027, 2207-2210, 3080.
- ¹⁸⁷ Boov. 144, 2211; ср.: Wi. Pro.: «rixigendum» (Bd. 1. S. 12).
- ¹⁸⁸ Beov. 60-61:
...weoroda raeswa
Neorogar, ond llrothgar ond Ilalga til.
Beov. 31.
- AGn. Inscr. Pro.: «Tis is Iliac I. I'rljh, t'lael Aelfred cyning and Giillinim cyni:ig and ealles Aiigclrynnos wilan and oal seo theod Hie on Easlonglum boolh eallo gocweden liabbalh and mid atluim gefooslnod for hy sylfo and for heora gingran, go for geborene go for ngeborene, the Codes milste recre oththe ure» (Bd. 1. S. 123) и Quadr.: «el omuls popiilns, qiii in Eastanglia manel» (Bd. 1. S. 127); ср.: «Myrcna teode» (The old English version Bede's ecclesiastical history of the English people. P. 5). См., напр.: AGu. 2 (Bd. 1. S. 126). Cn. 1020, 1 (Bd. 1. S. 273). Cn. 1020, 13: «And ic wylle, laei eal loodscupe, gehadodo and lae-wede» (Bd. 1. S. 274). Ср.: Cn. 1020, 8 (Bd. 1. S. 274); ICn. 1,1; 4,3 (Bd. 1. S. 284) -;>Д1Ш приход.
- Лф. El. 19,1 (Bd. 1. S. 42); «...monega liaelliena Iheoda bie lo Gode gecerdon...»; ср.: Af. El. 49,2 (Bd. 1. S. 42); AC. El. 49,7 (Bd. 1. S. 44); VAlr. 2 (рукопись «!») (Bd. 1. S. 238); VIAtr. 9 (Bd. 1. S. 250) (X-XI вв.); VIAtr. 40 (Bd. 1. S. 256); VIIAlr. 2,1: «...Forlam Crislen cyning is Crist.es gеспelia on crislono leode; and lie scoal Cristes abilgthe лугсап switlie geornc» (Bd. 1. S. 263). В данном случае христианин-король выступает главой всех ненавистно от титулов и состоянии христиан. См. также для XI в.: Norlhn. 67,1: «...an cristendom and An synodom acfrc on tcode» (Bd. 1. S. 385). Sacr. Cor. 1 (Bd. 1. S. 214); ср. континентальную рукопись X в.: «Haoc Iria populo Cbrisliano el mi In snbdito...» (Bd. 1. S. 215). См., напр.: EGu. 11 (Bd. 1. S. 134); ^ ср.: EGN. 12: «...oththe ta daedo лугесо switho doopo, te cyning sy on leode» (Bd. 1. S. 134); ICn. 26,1; 26,3 (Bd. 1. S. 306); JTCn. 4,2 (Bd. 1. S. 312); IICn. 11 (Bd. 1. S. 316); IICn. 8 (Bd. 1. S. 314) и Quadr.: «per tolas natio nos» и Instituta Cmili: «per tolarn terrain Anglic», а также Con-silialio Cnuti: «per tolarn gentem» (Bd. 1. S. 315). Подобно в VIAtr. 32,1: «And svva ymhe feos-bole, taet an mynol gange ofer eallo las teode Initan aolcon false» (Bd. 1. S. 254); ср.: Red. 4,6 (Bd. 1. S. 418). EGN. 12 (Bd. 1. S. 134); Rect. 21,1; ср.: Red. 21,2 и 21,4 (Bd. 1. S. 452); в последнем случае «leod» включает ряд «folcos». Ср.: «ge teodde to Ronwara synodome» (The old English version Bedo's ecclosiaslcal history of the english people. P. 6—7); там же использование термина «leod» — p. 2. 8—9, 10. 11 и т. д.
- oo -ууј 20 (Bd. 1. S. 14); ср.: Wi. 7: «gesllilhnosse» (гостеприимство) (Bd. 1. S. 12); Af. El. 49,5: «halgari gaslo» (Bd. 1. S. 44).
- ²⁰¹ Wi. 28 (Bd. 1. S. 14); ср.: Ine 20 (Bd. 1. S. 98); IIIEg. 7,2 (Bd. 1. S. 204) и Quadr.: «exlraneus» (Bd. 1. S. 205); IICn. 25,2 (Bd. 1. S. 238).
- ²¹¹² Wi. 28 (Bd. 1. S. 14); ср.: Ine 20 (Bd. 1. S. 98); III. 15: «cnmani» (Bd. 1. S. 11); IICn. 35 (Bd. 1. S. 336).
- ²⁰³ Af. El. 47 (Bd. 1. S. 42); ср.: Af. El. 33 (Bd. 1. S. 38).

«Чужестранец» из другого округа - Wi. 28 (Bd. 1. S. 14); ср.: Ine 20: «Gif feorcnnd mon ollillio fremde butun wege geond wudn gongne and no hrieme no horn blaewe, for tbeof lie l)illi lo profian-ne; ollillie lo sloanne olhllie lo alicsanne» (Bd. 1. S. 98). UCn. 25,2: «maeg olhthc fracmde» (Bd. 1. S. li28) и Ouadr.: «cog-nal,us no I alienns» (Bd. 1. S. 329); ср.: VIIIAtr. 33 (Bd. 1. S. 267); Wi. 4; ср.: Wi. 4,1 (Bd. 1. S. 12); UCn. 35 (Bd. 1. S. 336); ITCn. 55 (Bd. 1. S. 349).

Wi. 4 (Bd. 1. S. 12); UCn. 55 (Bd. 1. S. 348); VIAlr. App. 48 (Bd. 1. S. 258); Gol.ynclho 8 (Bd. 1. S. 458).

Wi. 4 (Bd. 1. S. 12); ср.: Ine Ruhr. 23 (Bd. 1. S. 22); Inn 23 (Bd. 1. S. 98).

EGu. 12 (Bd. 1. S. 134); VIIIAIr. 33 (Bd. 1. S. 267); ср.: Af. 28 (Bd. 1. S. 66).

IIgn. 35: «And gif freondlcas man ol.lillio feorran c'una:i swa gos-wcnced wcorlthe lurch froondloaslc, lao! he horch naobbe not friim lyhl.Ian, (oiine gebiige lie hongonnc and lai'r gehtde, olb lac I, ho ga 1,6 Godos ordalo, and gofare lacr tact lie maogo» (Bd. 1. S. 336). *Llebermann F.* Die Go-seize dor Angelsachsen. Bd. 2, II. 1. S. 103; ср.: KCF. 23 (Bd. 1. S. 648).

Af. El. 1: «lain cllicodogaii and nian cnmo'iaii no lael, lliu no iUH'iillilico willi bine, no mill патин ипрылилин III liino no droco» ср. «ellhoodefi'aii» и Onadr. как «peregi'ino» (Bd. 1. S. 42 — 43); Af. El. 33: «l'l.iii-cninono ami olleodigo no goswono In no, forlhon lo go waorou gifi ellcodigo on Aegipla londo» (Bd. 1. S. 38); Exo-dns 23,9.

Beda III, 27: «mulli de genio Anglorin soeossont, oircummdo per collas magistrorm. leelioni oporam dare gandehanl; (Jiios Scollu libonlissime nscipienlos, viclnm ois colidianmii sine prolio pro-hero ciirubanl.»

Ср.: Boda IV. 5 и Boda I, 27, 1: «nna portio episcopo rt familiao proplo¹ hospilalilalern»; Boda IV, 5, 6 (о синод о 673 г.): «Ul opiscopi al(lno clorici perogrini contenti sinl hospilalil-alis mniiero <ii)lalo»; см. также: (ion. 2471; ср.: Gen. 19,6 — 8:

«Laolalli frith agan gislas mine, la ic for God wille g(4iinnd hyi'dan, gif ic niol, l'orleow.»

Af. El. 42: «elllioodig l'olc» (Bd. 1. S. 30).

Англосакс О.чъфрпк пспоJiMiуivг данное елоко п протпноп.иож-ностг, «landosmann» — Pomilios of Aelfric, II, 26; см. также об псполі:!¹iiiiii!in и :!)то.м же сMiiicjie слова «tcod» в Duns. Pro.: «Woalh thioodo» (Bd. 1. S. 374) и EGN. 12: «to cuning sy on theo-do» (Bd. 1. S. III).

См., напр.: Boovulf. Mil ansfirlichom Glossar. Padorl)orn, 1863; Benviulf. Das alteste donlsche IToldongodichl». Leipzig, 1872; Beo-wull' and the fight at Einnsbnrg. London, 1922; Beowulf. New York; London, 1923; Beowulf. London, 1925; Beowulf. With 1,1 ю Finns-burg fragment. Cambridge, 1933; Beowulf. Manchester, 1935; Boo-wulf. London, 1967.

См., напр.: «Wir sind Lento vom Lande dor Gantcn und Herdgo-nosson dos Hygileich» (Leip/ig, 1872. S. 18); «We are men of the Goatish nation and ITygelac's hoarlh-companions» (London, 1967, P. 6; ср.: London, 1922. p. 341); «people» (Cambridge, 1933. P. 217; Manchester, 1935. P. 202). И некоторых изданиях ионмы перевод данного слона вообще опущен. См., напр.:

«of Goatish kin are we and Hygelac's hearth-follows» (New York; London,

220

1923. P. 14); «By race we be come of Hygelac's hearth» (London,

1925. P. 8); и др.

Beov. 97-98, 110, 164, 196, 701, 734-735, 810, 914, 944, 1058, 1276, 1957, 2181, 2765.

Beov. 104, 107, 421, 883.

Boov. 2813-2814.

Beov. 251-254, 613.

lieov. 251—252 (friim-cyn).

Boov. 2882-2890.

lieov. 460-462; ср.: Beov. 1093.

Beov. 205, 223-225, 361-362, 443, 2093-2096. 2732-2736.

Boov. 341, 625, 669, 828-829, 1492, 1538, 1612, 2551.

Boov. 267-269, 2129-2130.

Beov. 348.

Boov. 2158-2159.

Boov. 2602-2605.

Beov. 3001.

Boov. 191-192. 386-389, 595-601, 617-618, 634, 694-697, 937-938, 1322-1323, 1336-1337, 1345-1346, 2030, 2093-2094, 2124-2126.

Beov. 518-523, 791-794, 904-906; ср.: Boov. 1207-1214, 2910-2913, 2922-2927, 2989-2990.

Hoov. 1432-1433.

Beov. 22-24, 386-388, 2900-2902, 2941-2945, 2957-2960.

Boov. 34-35.

lieov. 129-130, 199-201, 344-345, 350-353, 364-366, 415-417, 1046, 1085, 1103.

Beov. 2093-2096.

Beov. 797, 1524-1525, 1598, 2572, 2709, 2721, 2869, 2882-2883, 3070, 3079.

См., напр. См., лапр. 1521-1П25

Beov. 34-35; ср.: Boov. 2.

Boov. 34-35; ср.: Beov. 2, 11, 199-201; Boov. 797;

ср.: Beov. 2579, 2963, 3008, 3086. "'-'• Beov. 797, 2563, 2677, 2912, 2980, 3036, 3055. "' :¹ Beov. 171-172:

...Monig o Г I, gosael...

rice lo rune...

•"•" Boov. 176-178:

...wordnm h.iedon,
lael, him g;ist hona gcoco gefremedo
willi leod-lroanm...
-!••" Beov. 336 337:
...No seali ic rlloodige
Ins manigo men mridigloraii.
•!•>« Beov. 937-938. •!" Boov. 1246-1250:
...Waes Icaw hyra,
tact hie oft waoron an wig goarwe,
go act ham go on herge, go gehwaelhor Inra
efno swylce maels, swylco hira man-dryhln
tearf gesaoldo. Wacs sco leod tiln!
²⁴⁸ Beov. 642-641, 1017-1019, 1228-1231, 2204.

221

^{249 250}
^{253 254 255}
^{256 257 258 259 260}
^{263 264}

Beov. 898-899, 2922-2927.
Bcov. 53-55, 518-523, 905; cp.: Bcov. 910-915, 2732-2736 2941-
2948, 3001.

Beov. 642-644, 905, 906; cp.: Beov. 910-915.
Bcov. 12-13; cp.: Beov. 2. 14; Beov. 262, 465-467 641 691-6i>3
1124, 1422, 1460-1463, 1580-1582, 2594-2595, 2608, 2644 2981
Beov. 71-76, 426-432, 839, 1124, 1460-1463, 2873.
Beov. 71-73, 839, 2873.

Bcov. 1176-1180:
...llourol is gol'aolsod,
beah-sele beorhla; bruc tendon l» mole
munigra ineda ond ITiniin niagum lacl'
I'olc ond rice, tonne III forth scyle
inelodsceal't ston...

Boov. 71-76.
Beov. 1-3, 2141-2144, 2579, 2963 2970, 3008, 3086
Beov. 2733, 2873.
Beov. 53-54.

См., напр.: IVEg. 14,2: «...to on lissiu iglandum wuniath» (Bd. 1.
Golyncbo 8 (lid. 1. S. 458) Hircli. 588 и след. (901 г.) 793 (1060 г.), 811, 901 (1061 *Cludwick II. Jf.* The origm *l/ii'bermanii*
F. Die Oosot/e beis Wl. J'ro.: «()0)le de (I'somlo Ingulf) и «populo
; cp.: Gcync.lho 1 (Bd. 1. S. 456).
Kemble 714 (1005 г.), 736 (1022 г.),
г.).
of the Englsh nation. P. 147-148. dor Angelsachscn. Bd. 2, H. 2. S. 556. Knglolerro» (Ilk.); cp.: «puple» - 1 Anglonmi»
(I.) (Bd. 1. S. 492, 493).

Заключение

Анализ различных сторон функционирования этнического самосознания англосаксов позволяет определить основные этапы его исторического развития в период перехода от первобытности к средневековью.

Первоначально у германских племен в целом и у англосаксов, в частности, во времена пребывания последних на континенте истоки осознания себя как отдельных этнических общностей коренились в чувстве геитилизма, т. е. противопоставления отдельных общностей (например, англ и саксы, англосаксы и даны и т. д.), основанном на социально-психических установках, характер которых определялся социально-экономическим развитием общества на исходе первобытнообщинного строя. Геитилизм повлиял на размежевание союзов германцев и затем на последующее выделение отдельных групп, в том числе и англосаксов.

Этническая общность у германских племен во времена пребывания англосаксов на континенте проявляла сное существование в двух плоскостях, одну из которой определяло название «teutho» (люди). Оно выражало единство происхождения всех германцев, а также противопоставление германской культуры чужой. Группа, называемая «tenth», уже к началу нашей эры не представляла монолитного единства; она распадалась на под-ииды: ингевоны, истевоны, гермипоны. К VI в. подвидом «ингевоны» наименование «teutho» было усвоено как главенствующее в деле дальнейшего этнического самоопределения, что указывает на происшедшее уже в глубокой древности разделение всей массы германцев, причиной чего послужили как влияние внешних условий, так и воздействие установок, основу которых составили определенные для данного урорипя развития германских племен социально-психические явления. Среди внешних условий в первую очередь необходимо отметить влияние географической среды, сыгравшее у ингевонов

такую же важную роль, как и внешнеэтническое давление. Чувство общности, построенное на хозяйственно-культурном единстве

223

во, дало возможность англосаксам при переселении в Британию не расплыться в этнической среде. Оно явилось основой для развития еще только что зародившихся этнических свойств выделяющейся из среды инго-вонов новой этнической общности. Предпосылкой же сохранения этого чувства явилась устойчивость социальных, психических установок, выражавшихся в коллективных представлениях и действиях как обязательных эталонах поведения. На первой стадии это чувство выражалось через «фильтр доверия и недоверия», в основе которого лежали коллективные связи, построенные на отношениях родства. «Фильтр доверия» складывался из двух составляющих: чувства «известного», заключавшего в себе осознание родства, страны, родины (*cuth*), и осмысления мира и дружбы среди родичей (*sib*). При этом первое влияло на второе и способствовало его дальнейшей разработке. Второе чувство (*sib*) наиболее активно развивалось и использовалось в области коммуникативных связей. В области родства оно охватывало все его степени, начиная от общесемейной общины и доходя до дальних родичей.

Следующей ступенькой, опирающейся на идею мира, явилось доведение подобного чувства до охвата всех ингвеононов и одну целостную группу. Нарушение института «*sib*» осознавалось германцами как «нарушение мира» и приводило к кровной мести (*i'aeht* и *wacu*, т. е. лат. *i'aida*). До тех пор пока в англосаксонском обществе продолжали существовать остатки родо-племенных отношений, в нем сохранялся принцип взаимоотношений, построенных на основе вражды и мира (*faelitb* и *sib*). С отмиранием этих отношений институт «*sib*» уступил место новому началу, возникшему при построении государственности и создании новой этнической общности с новым этническим самосознанием. Данное начало, выраженное понятием «*fril.li*», уже четко прослеживается с XI в. Оно объединяло без опоры на какое-либо родство различные этнические общности и действовало, исходя из правовой основы возникающего государства. Таким образом, оно несло отпечаток оформляющейся государственности. Однако общим признаком политической организации является наличие суверенитета внутри определенно отграничивающей территории. С точки зрения социально-психических явлений наличие суверенитета могло быть выражено понятием «граница», но не в смысле территориального разграничения, а посредством сим-

224

вола принадлежности к определенной общности, выражаемого в общесоциологическом плане противопоставлением «Мы» — «Они». Данное противопоставление могло осознаваться либо лишь через четко оформленное «Они», либо через четко оформленное «Мы». Во втором случае оно могло выражаться и социальным отграничением — как этнически, так и политически. Осознание «Мы» было первым «кирпичиком» в создании фундамента «гентилизма».

В заключение необходимо отметить, что гентилизм проявлялся в двух плоскостях: горизонтальной (хозяйственно-культурный уклад) и вертикальной (социально-психические установки). Как рудимент родового сознания он первоначально способствовал отделению англосаксами себя от прочих, не входящих в среду ингвеононов германских племен, что явилось первым шагом на пути развития их этнического самосознания. Однако ингвеононы не были политическим объединением, способным направить развитие общества по руслу возникновения государства. В вертикальной плоскости он также явился на определенном этапе развития общества препятствием для его эволюции.

Глубинные корни, способствовавшие выработке у англосаксов этнического самосознания, таились в иной области функционирования англосаксонского общества. Этническое сознание всегда связано с осознанием принадлежности людей к определенным группам общества. Поэтому взгляды и интересы этих групп оказывают влияние на его выработку. Но и на них в свою очередь влияет выполнение группами своей основной функции — производства материальных ценностей. Отношение трудящихся субъектов друг к другу менялось, как и их сознание, в тесной и неразрывной связи с изменением их отношения к земле. Сущность и реальное значение земельной территории, запятой обществом, оказывали первенствующее влияние на все установки последнего. Данное отношение наложило свой отпечаток на развитие у англосаксов института «граница», который является глубочайшей сущностью этнического противопоставления и функционирует синхронно в различных областях: при отделении одной группы от другой (в территориальной и социальной плоскостях) и при социальном развитии общества на определенной территории.

Территориальное отграничение у англосаксов было представлено двумя видами: линейное и в глубину.

225

«*Meags*» как «отграничивающая территория» (граница в глубину) представляла у древних германцев первоначально лес, что вытекало из природных условий Германии. Особенности внешней среды и внутренней структуры древне-германского общества, а также потребности самого земледелия неперестанно вынуждали германцев с оружием в руках завоевывать самую возможность заниматься

земледелием, что приводило к постоянному столкновению общностей и содействовало выработке понятия «граница в глубину». По мере расселения германцев, неиспользованных лесов и соответственно незанятых «марок» становилось все меньше. Первоначальное осознание леса как общей собственности и общего места обитания с развитием земледелия перерастало в понятие «граница в глубину» и затем, с занятием пограничных территорий для хозяйственных нужд, дало наименование и всей области, на которой велось хозяйство. Эксплуатация земли в данном случае ближе к общинному пользованию (по обычаю). Чем дольше сохранялись леса и пустоши, тем дольше сохранялись общинное пользование и соответственно архаические черты сознания. Таким образом, на определенном этапе своего развития «марка» выступала одновременно как общинное землепользование, как община с соответствующими хозяйственными распорядками, как пограничный и общинный лес, как пограничная территория между областями, королевствами, а также родственными группами (у англосаксов вплоть до *maeges*), ведущими коллективное хозяйство. «*Meagc*» — территориальное и социальное отграничение, тесно сопряженное с экономической жизнью общества, что особенно наглядно выступает при введении в глубь «марки» «внешних раздражителей». В последнем случае наиболее четко прослеживается как двойное функционирование «марки», так и влияние этого функционирования на выработку чувства общности и самосознания у отдельных групп германцев.

Первоначально внешним раздражителем выступали так называемые «*servi*», которые, однако, быстро входили в состав германцев, не влияя на этнические установки последних. Коренной перелом наступил при массовых введениях чужеродных элементов. Эволюция старых и введение новых социальных категорий населения были детерминированы всей системой общественных отношений. Граница стала проходить по всем институтам общества. Поскольку нормы взаимоотношений в германском обществе строились по обычному праву, включить в свой

226

состав покоренное население, а также сделать всех покоренных рабами новая этническая общность не могла. Покоренное население составило промежуточный слой общества с пониженными правами на свою бывшую землю. В Кенте таким населением были лэты, в Уэссексе — уили, сопряженность которых с англосаксами выражалась в особых правах, схожих с арендным пользованием землей. Характер сопряженности двух этнических общностей определялся способом производства материальных благ. Двойное наименование автохтонного населения проистекало из особенностей расселения англосаксонских племен.

Слой лэтов (на континенте — литов) появлялся тогда, когда племя предпринимало массовый захват уже обжитых и заселенных земель. При достаточном количестве земли создавалось равновесие между двумя различными этническими общностями. Чем сплоченнее выступали захватчики, тем быстрее входил в обиход институт «литст-ва», а этнический определитель отступал на задний план. Этническая оценка «Они» выражалась в исключительных случаях; поэтому ткала ценностей проходила по экономической сфере, достигая социальной плоскости через звено «градации права пользования землей».

Понятие «лэт» (лит) — чисто социально-экономическое. На его оформление влияло как отсутствие стыка с ипоэтичным свободным населением, равным захваченному, так и размещение датгаой группы в глубине общества захватчиков, что не создавало иноэтничного давления и не напоминало о данном населении как особой иноэтничной группе. В этот институт могло входить не только иноэтничное население, но любой «чужак» и даже соплеменник, который строил свои взаимоотношения с чуждой группой не на родственной, но на экономической основе. Если ранее экономика родо-племенного строя активно влияла на этнические установки общества, то впоследствии именно эти установки, используемые при ведении хозяйства, явились одной из причин формирования нового экономического базиса и политической надстройки. Институт «литства» был важнейшей предпосылкой оформления экономических основ феодализма. Понятие же «уиль» совмещало в себе социально-экономический и этнический определители; двойное осознание «Они» в уэс-секском обществе проистекало из-за постоянной резкой сопряженности этого общества с кельтским населением, большая часть которого не была покорена и постоянно напоминала о себе как о свободной общности.

227

Уиль — это тот же лэт с этнической окраской. Однако быстрое под влиянием социально-экономического расслоения и изменения форм собственности размывание граней замкнутых кровнородственных групп и нивелировка жителей сближали отдельные группы англосаксонского общества с идентичными группами иноэтничного населения сначала в социально-экономической, а затем и в этнической сфере. Данные процессы отражены в изменении сущности наименования «уиль», которое к X в. теряет этническую окраску и осознается лишь как социально-экономическое определение независимо от этнического происхождения лица, которое скрывается под ним. В итоге исходя из общесоциологических представлений в англосаксонской Англии можно выделить

три типа развития как этнического самосознания, так и этнических взаимоотношений различных общностей. I тип (Кент) целиком определен гентильными устоями, поддержанными нередко всей совокупностью природных условий. «Мы» строится при сопоставлении с «Они», вклиненном в самую глубину «Мы», без противопоставления иноэтничному «Они» извне. Без давления иноэтничного «Они» извне, связанного общим происхождением с «Они» внутри, грань между «Мы» и «Они» проходит в основном в социально-экономической сфере. II тип (Уэссекс) также определялся гентильными устоями с наложением на них этнической окраски, создавая «синтез» социально-экономических и этнических определителей. «Мы» строится при сопоставлении с «Они» как вклиненном в самую глубину «Мы», так и путем противопоставления л «Они», находящемуся извне. «Они» осознается двояко и резко отграничивается этнически от «Мы». Извне в то же время существует и иное «Они», связанное общим происхождением с «Мы». III тип (характерен для всей англосаксонской Англии, но с оговорками, VIII—XI вв.). «Мы» строится лишь при сопоставлении с «Отти», находящимся извне. В чистом виде этот тип был бы представлен у англосаксов, если бы к началу датского, а затем нормандского нашествия сложилась новая этническая общность (англосаксонский народ). Но, как показывают исторические данные, эта общность не успела сформироваться и на базе незавершенности ее развития стал складываться уже при иных этнических, и прежде всего социально-экономических, условиях английский народ.

Преобразованию гентильного самосознания отдельных англосаксонских племен в единое самосознание всего англосаксонского населения способствовал также ряд других факторов. Данное самосознание могло оформиться лишь с установлением на территории англосаксонской Англии устойчивой территориальной общности, которая окончательно формируется при устранении кровнородственных отношений. В ходе этого процесса родовая организация начинает постепенно перерастать в территориальную, а племенное сознание — в территориальное. Как происходило последнее, можно проследить на примере развития этнонима. Первоначально англосаксы не имели единого наименования. В каждой местности и местечке население жило по своим законам и обычаям. Общие для всех, англосаксов обычаи возникли значительно позже, когда они столкнулись с обычаями других этнических общностей, не признавать которые не могли. Разобщенность вытекала из характера связей кровнородственных групп, являвшихся низшими ячейками у англосаксов (innogcs); они влияли на выбор этнонима и нередко подавляли его развитие. Чаще подчеркивалась общность населения, основой которой выступало по территориальное, а гентильное единство. С развитием этнонима было тесно связано и развитие королевского титула; короли являлись представителями по англо-саксов и т. д., а родов англо-саксов и пр. Однако размывание социальных граней в ходе развития общества приводило к ослаблению гентильных представлений, последствием чего являлось включение иноэтничного населения, проживающего на территории англосаксонской Англии, не только в экономическую, но и во все сферы жизнедеятельности общества, что приводило к признанию чужого нрава в качестве действующего (к X в.) и затем к стремлению объединить все группы в одну общность. Уже в VII в. были разрешены смешанные браки как между самими германцами из различных племен, так и между германцами и автохтонным населением, что приводило к ассимиляции иноэтничного населения и к признанию его роли в деле образования новой этнической общности. К VIII в. бритты являлись одной из признанных этнических частей англосаксонской Англии. Нередко одна и та же народность с присущим ей самосознанием, при определенном равновесии этнических групп образовывалась на территории различных королевств (Dun-sacle). В данном случае наблюдалось не только несовпадение этнических и политических рубежей, но и противопоставление в целом отдельных обычаев уже этнически смешанного населения, входящего в подобную народ-

228

229

ность, обычаям другой общности, хотя и та и другая были, собственно говоря, идентичны. Таким образом, в зависимости от уровня межэтнических контактов выступала та или иная форма этнического самосознания или тот или иной этноним. Иерархическая структура этнических образований, вызвавшая одновременное существование различных этнонимов, не могла длительно поддерживать единство. Реальной силой была территориальная компактность; налицо должно было быть оформление Общего для всего населения англосаксонских королевств сознания общности территорий. Этот процесс прошел в своем развитии определенные этапы. Соответственно с отмиранием гентильных представлений происходило первоначально осознание единства лицами, проживающими на отдельно взятых территориях, а затем осознание единства этих территорий. Последнее, как и осознание единства лицами, говорящими на одном языке — «Englisccon», позволило выделить общие для всех англосаксов этнонимы «Englisc» и «Englalaml». Особенно отчетливо они проявлены в период столкновения англосаксов с датчанами (к X в.). Короли автоматически опирались

в период общей для всех англосаксов опасности па более активную в данном случае этническую общность — англов, первыми столкнувшихся с опустошительными набегами датчан. К XI в. наименование себя англосаксами «Englisc» упрочилось (существовало лишь противопоставление «Englisc» — «Denisc»). Однако наряду с этнонимом «Eiŋgland» вплоть до XII в. продолжало функционировать, выступая как синоним, «Anglcyunn».

Весь народ, объединенный системой родственных связей, охватывался понятием «folc». «Folc» представляло совокупность «maegtha». Слияние нескольких «folces» . осознавалось как «Angelcynn» или «Englisc», а территории их проживания как «Englaland». «Folc» как понятие, отражающее гонтильную целостность племенных объединений англосаксонского общества, коренился в прошедшем этапе развития последнего; с преодолением его он остановился в своем развитии и устарел вообще. Историческая необходимость выдвинула у англосаксов осознание ими принадлежности как к определенному государству, так и к определенной этнической общности, проживающей на территории, на которую распространялась возникающая государственная власть. Поскольку объединение королевств происходило сверху и сами представители высшего слоя своими корнями были связаны с населени-

ем, которое они представляли, неизбежно два понятия должны были отразить две стороны одного и того же процесса образования у англосаксов новой этнической общности. Трансформация понятий «leod» и «teod» прекрасно иллюстрирует вышесказанное. Первоначальное значение «leod» как люди, тесно связанные с кем-либо какими-нибудь признаками (родство, подчинение или общий церковный приход), к X в. изменяется до наименования ведущей группы как одной из ячеек этносоциальной структуры общества.

Развитие понятия «teod» также прошло несколько этапов. На первом оно охватывало всех германцев. Впоследствии у англосаксов оно включало как «Мы» (германцев), так и «Они» (бриттов, подвергшихся ассимиляции датчан п др.)> проживающих на одной территории с «Мы». Наименование общей для такой совокупности этнических общностей объединенных понятием «teod», территории также проделало определенную эволюцию — от «land», па котором независимо от его значения проживают лица, связанные родством, и носящем, таким образом, и к концу англосаксонского периода налет гсптильности, до «gise», отражающего осознание «leod», объединенного властью «gise».

Итак, в «leod» входили все независимо от этнической и социальной принадлежности слои населения. Оно охватывало все население всей англосаксонской Англии и являлось синонимом понятий «англосаксы» и «англичане». 1)то понятие способствовало осознанию англосаксонским обществом единства территории и государства. Впоследствии оно должно было означать территориальную общность, но привелось это сделать не ему, а понятию «pop-le», принесенному из Нормандии Г>ильгельмом I. Вытеснение «leod» «pople'm» указывает па незавершенность развития у англосаксов этнического самосознания. Еще не были созданы социально-экономические предпосылки, которые поддерживали бы политическое объединение англосаксов, развитие у них государственности и как следствие создание новой этнической общности.

Развитие этнического самосознания англосаксов, выражающего образование попой этнической общности в англосаксонской Англии, не представляло собой прямолинейный и поступательный процесс. На него повлияли все отношения, господствующие как в социально-экономической, так и в духовной сферах жизни общества. Кроме того, оно само в ходе исторических событий прошло раз-

230

231
личные этапы. Этническая общность и этническое сознание у англосаксом отражены в двух различных плоскостях. Одна из них представлена географическо-этничес-ким укладом, другая — социальными отношениями, которые господствовали в ту переходную эпоху. Обе плоскости взаимопересекались и взаимовлияли друг на друга. Н силу ряда причин социально-экономического характера, is силу внешних политических условий, также сыгравших определенную роль, становление повой этнической общности у англосаксов было прорвано и направлено по иному пути. Если рассматривать этнр[ческую историю Англии с XI в., то нужно вести речь уже об образовании английского народа.

По вся англосаксонская эпоха, на протяжении которой, как в «этническом котле» из группы германских племен, поселившихся на территории Британии, «варилась» новая этническая общность англосаксов, не прошла бесследно для английской истории. Именно англосаксы со всеми противоречиями и незавершенными процессами в социально-экономической, политической и этнической сферах, протекавшими внутри их общества, вошли в качестве основного компонента в состав английского народа. Эта противоречивость и незавершенность развития англосаксов отразилась впоследствии на оригинальности путей становления английского общества, на особенностях его феодализации. Несмотря на дальнейшее завоевание Англии выходцами из Франции, несмотря на попытки ввести в Англии те же порядки, которые господствовали на континенте и затормозили из-за возникновения там классического феодализма формирование пародов, в Англии в отличие от таких

стран, как, например, Германия и Франция, очень быстро возник английский народ. Раннее отмирание феодальной основы с сохранением лишь форм феодального строя, раннее привлечение основной массы свободного населения к общественной жизни привели к быстрому сложению условий для формирования английской нации в таком виде, в каком она существует поныне. Изучение складывания такой мировой нации, как англичане, заложившей этнические основы состава населения ряда стран не только позволит ближе подойти к взаимному ознакомлению народов с жизнью друг друга и понять как положительные, так и негативные последствия этого процесса, но и наметит пути поисков новых форм сотрудничества в сфере культуры, искусства и науки.

Источники

I. Законы англосаксов (*Lle.bermann F. Die Gsetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Erster Band: Text*)

Aethelberth (Bd. 1. S. 3-8)	II Eadgar (Bd. 1. S. 194-205)	
Hlothaere, Eadric (Bd. 1. S. 9-11)	III Eadgar (Bd. 1. S. 200-205)	
Wihtraed (Bd. 1. S. 12-14)	IV Eadgar (Bd. 1. S. 206-215)	
Aelfred - Ine Rubrikenliste (Bd. 1. S. 16-27)	Sacramentum Coronationis (Bd. 1. S. 214-217)	
Aelfred (Bd. 1. S. 48-89)	I Aethelred (Bd. 1. S. 216-220)	
Aolfred Einleitung (Bd. 1. S. 26-47)	II Aethelrod (Bd. 1. S. 220-224)	
Ino (Bd. 1. S. 88-123)	III Aethelred Appendix (Bd. 1. S. 224-227)	
Aeltred - Guthrum (Bd. 1. S. 126-129)	IV Aethelred (Bd. 1. S. 228-232)	
Eadwards - Guthrum (Bd. 1. S. 128-135)	V Aethelred (Bd. 1. S. 232-237)	
I Eadweard (Bd. 1. S. 138-141)	VI Aethelrod (Bd. 1. S. 237-246)	
II Eadweard (Bd. 1. S. 140-145)	VII Aethelred (Bd. 1. S. 246-256)	
I Aethelstan (Bd. 1. S. 146-149)	VIII Aethelred Appendix (Bd. 1. S. 256-259)	
Aethelstans Almosenverordnungs (Bd. 1. S. 148-149)	IX Aethelred (Bd. 1. S. 260-262)	
II Aetholstan (Bd. 1. S. 150-167)	X Aethelred (Bd. 1. S. 263-268)	
V Aethelstan (Bd. 1. S. 166-169)	XI Aethelred (Bd. 1. S. 269)	
III Aethelstan (Bd. 1. S. 170)	XII Aethelred (Bd. 1. S. 269-172)	270)
IV Aethelstan (Bd. 1. S. 171-173)	Cnut 1020 (Bd. 1. S. 273-183)	275)
VI Aethelstan (Bd. 1. S. 173-184)	Cnut 1027 (Bd. 1. S. 276-187)	277)
I Eadmimd (Bd. 1. S. 184-371)	I Cnut (Bd. 1. S. 278-307)	191)
II Eadmund (Bd. 1. S. 186-371)		II Cnut (Bd. 1. S. 308-371)

(I Eadgar?) Hundredgemot (Bd. 1. S. 192-195)

II. Англосаксонские законы без наименования королей. Отрывки; формулы; частные работы юридического и канонического характера (*Liebrmann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Erster Band: Text*)

233

Dunsaeto (Bd. 1. S. 374-379)

Northu (Bd. 1. S. 380-385) Forfang (Bd. 1. S. 389-391) Werum (Bd. 1. S. 392-395) Swerian (Bd. 1. S. 396-399)

Hit Becwaeth (Bd. 1. S. 400) Excommunicatio VII (Bd. 1. S. 438-439) Wifmannes Bewyddung

(Bd. 1. S. 442-445) Reclituidines Singulanmi Personarum (13d. 1. S. 444—453)

Gercfa (Bd. 1. S. 453-455) Getynctho (Bd. 1. S. 456-458)

Northleoda laga (Bd. 1. S. 458-461)

Mircna laga (Bd. 1. S. 462-463)

AD (Bd. 1. S. 464-465) Hadbot (Bd. 1. S. 465-409) Grith (Bd. 1. S. 470-473) Northbymbra cyricgrith (Bd. 1. S. 473)

.Index (Bd. 1. S. 474-476) Episcopus (Bd. 1. S. 477-479)

111. Законы и постановления Вильгельма I; так называемые Willelmi Articuli и Leis Willelme; постановление

Генриха I; законы Эдуарда Завоевателя и Псевдо-Киута do Foresta (*Liebermann I* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Erster Band: Text) Wilhalm I: Lad (Bd. 1. S. 483-481) Willelmi I Articuli (Bd. 1. S. 486-488) Willelmi Articuli Francigono (Bd. 1. S. 488-489) Lois Willelme (Bd. 1. S. 492-520)

IV. Англосаксонская поэзия и п Beowulf. Mil aus'irlichen Glossar. Paderborn, ISfi,!' Beowulf. Das iiltesto Helden-
gedicht. Leipzig, 1872 Beowulf and the fight at Finnsburg. London, 1922 Beowulf. New York; London, 1923
Beowulf. London, 1925 Beowulf. Willi the Finns-burg fragment. Cambridge, 1933
Beowulf. Manchester, 1935 Beowulf. London, 1967 Beowulf and its analogues. London; New York, 1968
Widsitb. Copenhagen, 1962 Exeter book. Codex exoni-ensis. JI collection o I anglo-saxon poetry, from a
manuscript in the library of the dean and chapter of Exeter. London, 1842 The rune poem//The anglo-saxon minor
poems. New York, 1942
Leges Henrici (Bd. 1. S. 547-611) Leges Ed ward i Confessor is (Bd. 1. S. 627-672) Pseido-Cnut do Foresta (Bd. 1. S. 620-626)

аппаративная литература
Bibliothek der angelsaohsischen Poosio. Kassel, 1883.
Bd. 1 Alt- und Mittelenglische Texte. Heidelberg; New York, 1914. Bd. 7
Die allonglische Ralscl. Heidelberg; Now York, 1915 Dor Heliand und die altsii-
cbsische Genesis. Giessen, 1902 The old English Exodus. Now Haven, 1953 Caedmonis monachi paraphrasis poctica. Gravonhago, 1655 Synewulfs Elenc. Berlin, 1889 Synewulfs Elono. London, 1958 Aelfric's colloqui. London, 1939 Aelfric's De temporibus anni. London, 1942 Homilies of Aelfric. London, 1968. Vol. 1
King Alfred's Orosius. London, 1933
Venerabilis Bodae hisloria ecelesiastica gonlis anglo-runi // Beda Venerabilis.
V. Собрания грамот и формул *liirch W*. Cartularium saxoniuin: a collection of charters relating to anglo-saxon history. London, 1885-1893
VI. Законодательные памятники Lex Frisionum // MGII. Leguin Sectio I. In folio. Hannoverae, 186'5. T. III
Edictum Rothari // Leges Langobardorum. MGH.
Legiiiu Sectio I. In folio. Hannoverae, 1808. T. IV
Liutprandi leges//Leges Langobardorum. MGH. Logum Sectio I. In folio. Hannoverao, 1868. T. IV
Index et glossariu in Fridori-co Bluhnie in Leges Langobardorum // MGII. Lcgum Sectio I. In folio. Hannoverae, 1868. T. IV

VI I. Прочие памятники
Annales Fuldenses//MG. SS. rorurn Germanicarum. Hannover, 1891
Annales regni Francorum// MG. SS. remit! Germani-caniin. Hannover, 1895
Historia BriUonum//MGH. Auctorum antiquissimo-rum. 13
Die gotischo Bibel. Heidelberg, 1919-1928. Bd. I-II
Don Aeldre Edda of Eddica minora. KObenhavn, 1943. Bd. 1
Snorre Heimskringla. KOben-liavn, 1948. Bd. 1
Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950
Opera historica. Vaduz, 1964. Vol. 1
The old English version Bo-do's ecclesiastical history of the English people. London, 1890. P. 1. S. 1
Codex diplomaticus aovi saxonici. S. 1., 1839-1848
Robertson A. J. Anglo-saxon charters. Cambridge, 1939
континентальных германцев
Leges Saxonum // MGH. Le-gum Sectio I. In folio. Hannoverae, 1875. T. V
Lex Ribuarua//MGH. Legnm Seclio I. In folio. Panno-verae, 1875. T. V.
Lex Salica // Lex Salica. Weimar, 18117
Сали чешская Правда/Пор. II. П. Грацианского; Под ред. В. Ф. Семенова. М., 1950
Capitularia regnm franco-rum. // MGH. Logum Seclio 11. llaimoverde, 1881. T. I

Pauli Diaconi historiae gentis Langobardorum // MG. SS. rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI-IX. Hannoverae, 1878

Widukindi res gestae Saxonicarum // MG. SS. rerum Germanicarum. Hannoverae, 1866. T. III

Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975

Adamus Bremensis. Nam-burgische Kirchengeschichte. Hannover; Leipzig, 1917

Страбон. География: В 17 кн. Л., 1964

234

VIII. Латинские памятники

Ammiani Marcellini Rerum Gestarum. Libri qui supersunt. Recensivit phyt-hmicque distinxit Carolus U. Clark. Borolini, 1910-1915. Vol. I-II

Annaei Seneca turn rhenon philosophic Opera omnia, ab Andrea Siliolo castigata. Geneve, 1026

C. Julii Caesaris Commentarii. Lipsiae, 1910-1911. Vol. I: Commentarii de bello gallico; Vol. III: Commentarius de bello alexandrino

M. Tullii Ciceroni's Opera omnia. Geneve, 1646. T. 1-4

Juvenalis Decimus Junii. Satires. Paris, 1921

Titi Livii. Ab urbe condita. Leipzig, 1880

Cornelius Nepos. Texte Latin. Paris, 1910

Plinius Secundus Caius. Historia naturalis. Uppsaliae, 1956

Rufii Ephesii. De vesicariis medicamentis. De partibus corporis humani. De utero et muliebri pudendo. Parisiis, 1554

M. Fabii Quintiliani. Do institutione oratoria libri duodecim innumeris locis emendati ex recensione Ulrici Obrecht. Strassburg, 1698

C. Sallusti Crispi Bellum Catilinac Bellum Tugurthi-nuin orationes et epistulae ex liistoriis excerptae. Leipzig; Berlin, 1909. H. 1: Bellum Catilinae

P. Cornelii Taciti opera quae supersunt ad fidem codicum Berolini. 1859-1877. Vol. 1-2

Q. Septimi Florentis Tertulliani Opera omnia. Heidelberg, 1609

Valerius Maximus sum soloc-tis variorum observationis et nova recensione A. Thy-sii. Lugduni. 1660

M. Terentii Varronis. Do lingua latina quae supersunt. Lipsiae, 1910

M. Vollei Patriculi Historiae romanae quae supersunt. Londini, 1718

M. Vitruvi Pollionis. De architectura libri decem. Berolini, 1800

Список сокращений

ВИ — Вопросы истории ВФ — Вопросы философии КСИЭ-Краткие сообщения Института этнографии им. П. П. Миклухо-Маклая

ПИДО - Проблемы истории докапиталистических обществ (Заколы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса) СВ — Средние века СЭ - Советская этнография MGII — Monumenta Germaniae Historica MG SS - Monumenta Germaniae. Scriptores

Законы англосаксов (*Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle, 1903. Ersler Band: Text):

Aht. (Bd. 1. S. 3-8) - Aethelberth

III. (Bd. 1. S. 9-11) -Hlotbaere; Eadric

Wi. (Bd. 1. S. 12-14) - Wihtraed

At' Uubr. (Bd. 1. S. 16-27) - Aolfred-Ine Rubrikenliste

ЛГ. (Bd. 1. S. 48-89) - Aelfred

At. El. (Bd. 1. S. 26-47) - Aelfred Einleitung

Ine (Bd. 1. S. 88-123) - Ine

AGu. (Bd. 1. S. 126-129) - Aelfred-Guthrum

EGu. (Bd. 1. S. 128-135) - Eadwards-Guthrum

IEw., IIEw. (Bd. 1. S. 138-145) -I Eadweard, II Eadweard

JAs., HAs., IIIAs., IVAs., VAs., VIAs. (Bd. 1. S. 146-183)-I Aethelstan, II Aethelstan, III Aethelstan, IV Aethelstan, V Aethelstan, VI Aethelstan

As. Aim. (Bd. 1. S. 148-149) - Aethelstans Almosenverordnung

IEm., IIEm. (Bd. 1. S. 184-191) - I Eadmund, II Eadmund

Hu. (Bd. 1. S. 192-195) - Ilundrcdgemot

IEg., IIIEg., IVEg. (Bd. 1. S. 194-215) -II Eadgar, III Eadgar, IV Eadgar

Sacr. Cor. (Bd. 1. S. 214-217) — Sacramentum Coronationis

IAtr., HAt., HIAtr., IVAtr., VAT., VIAtr., VIIAtr., VIIIAtr., IXAtr., XAtr. (Bd. 1. S. 216-270) -I Aethelred, II

Aethelred, III Aethelred, IV Aethelred, V Aethelred, VI Aethelred, VII Aethelred, VIII Aethelred, IX Aethelred, X Aethelred

HAt. App. (Bd. 1. S. 224-227) - II Aethelred Appendix

VIAtr. App. (Bd. 1. S. 256-259) -VI Aethelred Appendix

Cn. 1020 (Bd. 1. S. 273-275) - Cnut 1020

Cn. 1027 (Bd. 1. S. 276-277) - Cnut 1027

ICn., IIGn. (Bd. 1. S. 278-371) - I Cnut, II Cnut

Англосаксонские законы без наименования королей. Отрывки; формулы; частные работы юридического и канонического характера

237

ра (*Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen Halle 1903 Ers-ter Band: Text):

Duns. (Bd. 1. S. 374-379) - Dunsaeete

Northu (Bd. 1. S. 380-385) - Norllm

Fort. (Bd. 1. S. 389-391) - Forfang

Wer. (Bd. 1. S. 392-395) - Werum

Sw. (Bd. 1. S. 396-399) - Swerian

Becwaeth (Bd. 1. S. 400) - Hit Becwaeth
 Excom. VII (Bd. 1. S. 438-439) - Excommunicatio VII
 Wif. (Bd. 1. S. 442-445) - Wifmannes Beweddung
 Roct. (Bd. 1. S. 444-453) - Rectitudines Singularum Personarum
 Ger. (Bd. 1. S. 453-455) - Gercfa
 Gotynctho (Bd. 1. S. 456-458) - Getynctho
 Northleod. (Bd. 1. S. 458-461.) - Northleoda la "a
 Mirc. (Bd. 1. S. 462-463) - Mircna laga
 Ath (Bd. 1. S. 464-465) - AD
 Had. (Bd. 1. S. 465-469) - Hadbot
 Grilli (Bd. 1. S. 470-473) - Grith
 Nor. grith. (Bd. 1. S. 473) - Northymbra cyricgrith
 Judox (Bd. 1. S. 474-476) - Judox
 Episc. (Bd. 1. S. 477-479) - Episcopus
 Законы и постановления Вильгельма I; так называемые «Willolini Arliculi» и «Luis Willolme»; постановления
 Генриха I - заколы Эдуарда Завоевателя и Псевдо-Кнута «de Forosla» (*Liebermann I-Die Gesetze der Angelsachsen*.
 Halle, 1903. Erslor Band- Text)-
 Wl. lad. (Bd. 1. S. 483-484) - Wilhelm I: Lad
 Wl. Art. (Bd. 1. S. 486-488) - Willelmi I. Arliculi
 Wl. art. Fr. (Bd. 1. S. 488-489) - Willelmi Articuli Francigene
 Lois Wl. (Bd. 1. S. 492-520) - Leis Willelme
 Jin. (Bd. 1. S. 547-611) - Leges Henrici
 ECf. (Bd. 1. S. 627-672) - Leges Edwardi Confessoris
 Ps. Си. For. (Bd. 1. S. 620-621) - Pseido-Cmil do Forosla
 Англосаксонские буквы, не совпадающие с латинским шрифтом транскрибированы на современные английские.

Resume

The development of ethnic consciousness of the Anglo-Saxons was affected by all the relations that were dominant in the socio-economic and intellectual sphere of the societal life. In the course of historical events it went through various stages. Initially the sources upon which the Anglo-Saxons realized themselves as separate communities were rooted in the opposition manifest in two planes, i. e. in the horizontal (economic-cultural system) and in the vertical (socio-psychological altitudes) ones. Its character was determined by the social development in the period of decay of the primitive communal system. Ethnic consciousness is always connected with the realization by people of their belonging to certain societal groups performing their main function, i. e. production of material values. The altitudes of working subjects to each other changed as did also their consciousness, with the change of their relations to the means of production which fact left its imprint on the development of the institution of «border» («boundary») - the most profound essence of ethnic opposition; it functioned in different spheres synchronously: both when one group separated from another (i. e. in the territorial and social planes) and under the social development of the society over a certain territory. Depending on the principal character of its functioning and the level of interethnic contacts a hierarchical structure of ethnic formations was being created which could not support the Anglo-Saxons' unity for too long. The real positive factor was their territorial compactness whose formative process had been almost completed by the 10th century. However a number of reasons of socio-economic and political nature intervened and interrupted the making of a new ethnic community and redirected its path of development. Beginning from the 11th century one should speak not of the formation of the Anglo-Saxon but of the English people.

Оглавление

Введение	3
Глава I	
Предпосылки и методика исследования этнического самосознания. «Историография и источник» исследуемого вопроса	12
Глава II	
«Генетизм» как первоначальная форма выражения этнического самосознания англосаксов	
Глава III	
Противопоставление «Мы» — «Они» как одна из форм, отражающая развитие этнического сознания у англосаксов	111
Глава IV	
От племенного сознания к самосознанию англосаксонского народа	178
Заключение	223
Источники	233
Список сокращений	237
Повито	231

List of Contents

Introduction	3
Chapter I	
Prerequisites and methods of studies in ethnic consciousness. Historiography and sources on the issue in question	12
Chapter II	
«Genism» as the original form of expression of the Anglo-Saxons' ethnic consciousness	09
Chapter III	

«We» •- «They» opposition as one of the forms reflecting the development of ethnic consciousness among the anglo-saxons		
111		
Chapter IV		
From tribal consciousness to the self-awareness of the anglo-saxon people		
178		
Conclusion		22! '>
Sources	233	
List of abbreviations	237	
Resume	239	